Н·Н·РОЗОВ

КНИГА ДРЕВНЕЙ РУСИ

КНИГА
МОСКВА
·1977·

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ПУБЛИЧНАЯ БИБЛИОТЕКА ИМ. М. Е. САЛТЫКОВА-ЩЕДРИНА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «КНИГА»

Н·Н·РОЗОВ

КНИГА ДРЕВНЕЙ РУСИ

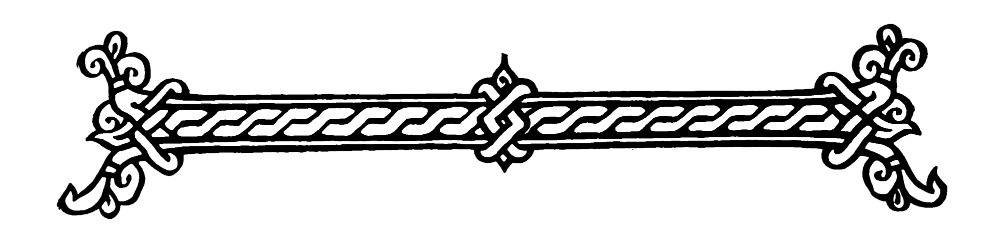
XI–XIV В·В.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
·КНИГА·
МОСКВА·1977

Р $\frac{61001\text{-}088}{002(01)\text{-}77}$ 6-77

ПАМЯТИ ОТЦА

ПРЕДИСЛОВИЕ

ВЕЛИКА роль книги в жизни общества, в борьбе за прогресс человечества. «Книга — огромная сила. Тяга к ней в результате революции очень увеличится», — предсказал В. И. Ленин в первый же день после свершения Великой Октябрьской социалистической революции, напутствуя А. В. Луначарского на пост первого наркома просвещения [1]. И это предсказание полностью сбылось.

Заботясь об увеличении числа книг, об их распространении в народе, Советская власть создала в нашей стране полиграфическую индустрию — мощную материально-техническую базу советской печати, государственную библиографию, организовала огромную, разветвленную и гибкую сеть массовых и научных библиотек. Постепенно, первоначально в жарких спорах, создавалась и советская наука о книге в двух ее главнейших направлениях: изучение настоящего и прошлого книги. Первое из них, естественно, было и остается ведущим, и на него обращены главные усилия советских книговедов. Что же касается второго, — то здесь главное внимание уделялось и продолжает уделяться истории книгопечатания, а не истории книги [2].

50-летию Октябрьской революции был посвящен специальный сборник книговедческого издания «Книга. Исследования и материалы» (сб. 15), в котором подводятся итоги изучения истории русской книги в советском книговедении. Ряд статей сгруппирован в первом разделе «Книга и строительство коммунизма». Традиционный для данного издания раздел «Советская наука о книге» открывается статьей старейшего советского книговеда, члена-корреспондента Академии наук СССР А. А. Сидорова «Советская история книги».

Редко случается встречать такое тесное слияние автора с предметом исследования, как в названной статье. А. А. Сидоров сам — живое олицетворение истории советского книговедения. К моменту Октябрьской революции он был уже сложившимся ученым, воспринявшим лучшие традиции дореволюционного книговедения, одним из тех книговедов, работы которого были известны В. И. Ленину: экземпляр его «Искусства книги» находился в личной библиотеке первого главы Советского государства [3]. Участник дискуссий, разгоравшихся по вопросам книговедения в 1920-е гг., он — один из основоположников изучения истории русской книги в СССР. Поэтому юбилейная статья А. А. Сидорова, подводящая итоги советскому книговедению, заслуживает самого пристального внимания. По ее канве можно представить себе историю становления и развития не только советского книговедения в целом, но и отдельных его отраслей, в числе которых изучение истории русской книги, ее отдельных периодов, различных аспектов и методики исследования.

Из дореволюционных книговедов — предшественников советских — первым А. А. Сидоров называет Н. М. Лисовского. «Науку о книге — книговедение — он проповедовал и защищал самоотверженно, талантливо и умно» [4]. Посмотрим подробнее, что именно «проповедовал и защищал» Н. М. Лисовский.

«Под книговедением мы должны понимать научную дисциплину, объединяющую технические, практические и теоретические познания, касающиеся книги как таковой в ее прошлом и настоящем, и имеющую целью выяснение условий возникновения, распространения и эксплуатации произведений письменности и печати, а также выяснения причин и следствий количественного состава этих произведений при различных обстоятельствах», — так определяет Н. М. Лисовский предмет и задачи своего курса [5].

«Весьма близким (к книговедению. — *Н. Р.*) является палеография, которая занимается исследованием происхождения, видоизменения и распространения письмен и всего относящегося к ним». «...Если палеография, — продолжает Н. М. Лисовский, — имеет дело по преимуществу с рукописями и по ним изучает историю письма, то *область книговедения составляет главным образом печатные книги»* (выделено мною. — *Н. Р.*). «...Таким образом, книговедение в некоторых своих частях является как бы продолжением палеографии, хотя ему, в свою очередь, не чужды

и рукописи...» и оно «...может находить для себя данные в трудах палеографических, так как появление книги возможно при достаточно развитой письменности, при удобопереносимом и легком писчем материале и при орудиях для письма и печати, то понятно, что изучению всего этого должно быть уделено не последнее место в книговедении» [6].

Таким образом, полного размежевания между книговедением и палеографией, изучающей преимущественно древние рукописные книги, у Н. М. Лисовского нет. О двух же других сопутствующих книговедению науках — литературоведении и искусствоведении — он говорит также как о «соприкасающихся» или как о дающих материал книговедам [7].

Несколько иначе взгляды Н. М. Лисовского сформулированы во втором варианте его «вступительной лекции», опубликованной посмертно в одном из первых советских книговедческих сборников, вышедшем в 1922 г. Здесь печатные книги уже не объявляются «главной областью книговедения» и последнее не считается «продолжением палеографии»: в самом начале достаточно четко разделяется история книги и книгопечатания. Изменилась и терминология — исчезло слово «рукописи», которым в первом варианте обозначалось то, что подлежало палеографическому изучению: теперь всюду, где идет речь об истории книги, последняя так именно и называется, даже если это относится и к древним, явно «допечатным» временам. Заметно усилился и социальный аспект: говорится не только о «выяснении причин и следствий качественного и количественного состава произведений письменности и печати при различных обстоятельствах», но и конкретно о «причинах, как общегосударственных, так и местных». Наконец, прямо сказано о книге как явлении «социальном» [8]. И все это, конечно, — не дань времени, а результат эволюции взглядов Н. М. Лисовского на предмет и задачи книговедения. «Нет сомнения, что его очень простое деление курса книговедения... — «книгопроизводство» (включающее историю письменности и книгопечатания), «книгораспространение» и «книгоописание»... выдерживает испытание временем более других»,— пишет А. Сидоров [9].

Итак, «история письменности» включается Н. М. Лисовским в первую часть книговедения — «книгопроизводство»; стало быть, из нее книговедение берет и то «производство книги»,

которое предшествовало книгопечатанию, т. е. все, что относится к истории создания рукописной книги. Второе и третье подразделения «книговедения по Лисовскому» также в значительной степени заполняются материалами изучения истории рукописной книжности. «Книгораспространение» представляется Н. М. Лисовскому в двух формах — книжная торговля и библиотеки. Изучение записей и помет о купле-продаже и книгообмене (этот вид распространения книги почему-то не указывается Лисовским), о ценах на книги дает обильный материал для истории книжной торговли. Относительно же библиотек он пишет: «Изучение библиотек и библиотечного дела в их прошлом и настоящем... претендует на создание особой специальной отрасли знания — библиотековедения» [10]. Наконец, и третья составная часть книговедения — «книгоописание» — может и должна воспользоваться данными истории рукописной книжности. Достаточно напомнить, что самый ранний из сохранившихся русских книжных каталогов был составлен в конце XV в. — почти за сто лет до появления в нашей стране книгопечатания — и в нем уже было применено современное аналитическое описание книг сложного состава [11].

Таковы в общих чертах определения книговедения — его предмета, методики и материала, данные одним из основоположников этой науки — ученым, стоявшим на грани двух эпох: дореволюционной и послеоктябрьской. Ученым, чье имя широко известно советским библиотекарям как имя создателя библиографии русской периодической печати XVIII—XIX вв., а значение как теоретика-книговеда достаточно высоко оценивается современными советскими историками книги [12].

Но учло ли советское книговедение позднейшие рекомендации Лисовского? Знакомство уже с ближайшими по времени выхода книговедческими изданиями дает основание ответить на этот вопрос отрицательно.

Отмечая и высоко оценивая ряд книг 1920-х гг. по истории русского книгопечатания, А. А. Сидоров признает, что в эти годы «почти ничего не было опубликовано по рукописной древнерусской книге» [13]. Действительно, если что и публиковалось тогда по истории русской книги, выходящее за границы книгопечатания, то это, как правило, были небольшие компилятивные работы, в которых больше говорилось об истории письмен-

ности, чем книги, причем первая иногда прямо соединялась с книгопечатанием [14]. Лишь в отдельных и редких случаях в последующие годы возникновение книгопечатания трактовалось в качестве естественного продолжения истории рукописной книжности. Так было, например, в юбилейном сборнике «Иван Федоров — первопечатник» (М.—Л., 1935), который А. А. Сидоровым характеризуется как лучшее из изданий Института книги, документа, письма [15]. Во вступительной статье к этому изданию А. С. Орлов пишет, как о предпосылках появления книгопечатания, об «обобщающих предприятиях» одного из инициаторов основания типографии в Москве, митрополита Макария — о создании им колоссальных по объему и количеству затраченного, но умело организованного труда рукописных «Великих миней четьих» и «Лицевого летописного свода». Макарий же использовал опыт своего предшественника на новгородской кафедре, архиепископа Геннадия, организатора перевода и переписки книг в широком масштабе, создателя первого русского полного кодекса Библии. Уже одна эта статья — самая небольшая в этом сборнике (остальные посвящены различным другим вопросам истории книгопечатания в России и в зарубежных, в том числе славянских, странах, а также библиографии об Иване Федорове)— могла бы стать отправной точкой целого ряда исследований связей двух периодов истории русской книги — «рукописного» и «печатного». Однако она осталась почти не замеченной книговедами.

Характеризуя советское книговедение в послевоенный период, А. А. Сидоров вновь отмечает, что «впереди всех отраслей книговедения, быть может, шла полиграфия, *мало по-малу отграничившая себя от исторических проблем*» (выделено мною.— *Н. Р.*) [16]. И это приводило подчас к фактическим ошибкам в некоторых исследованиях по истории книги [17]. Однако в то же время вышли учебники русской палеографии, в которых история рукописной книги была изложена достаточно подробно [18].

Но не только учебники палеографии были изданы в первые послевоенные годы. В 1950 г. вышла книга А. Н. Свирина «Древнерусская миниатюра», в которой с большим знанием дела была изложена история художественного оформления русской рукописной книги. Материал в этой книге расположен в локально-хронологическом порядке, так же как и в знаменитом альбоме

В. В. Стасова [19]. И это обосновано тем, что в условиях феодальной раздробленности значение местных школ письма и художественного оформления книги было особенно велико. А. А. Сидоров, говоря о влиянии на советское книговедение 1930-х гг. вульгарного социологизма, пишет, что «основной бедой» последнего «было забвение конкретного историзма, реальной обстановки создания и жизни книги» [20]. Поэтому локальное расположение материала в книге А. Н. Свирина является книговедческим, так как помогает историкам рукописной книжности изучать ее с учетом реальной экономической и социально-политической обстановки в каждом из древнерусских центров книгописания.

Таким образом, книговедение и изучение истории русской книги первого полутысячелетия ее существования развивались параллельно и самостоятельно. В качестве примера, к чему это приводило, рассмотрим монументальное исследование В. А. Истрина «Развитие письма» [21], оценивая которое А. А. Сидоров пишет: «Являясь компендиумом множества изученной литературы, работа эта впервые удачно связала проблемы письменности со строем и характером языка, от чего *не столь было далеко к основным проблемам книги*» (выделено мною. — *Н. Р.*) [22]. Касаясь основных типов письма русской рукописной книги, В. А. Истрин утверждает, что устав «легко читался, но был труден в написании», а полуустав «писался более бегло, чем устав, но был менее четким в чтении», а «еще более беглый почерк» — скоропись — распространялся лишь в «дипломатической, канцелярской и торговой переписке» (о распространении скорописи в рукописной книжности не говорится ни слова). Наряду с этими тремя почерками русских рукописных книг В. А. Истриным называется вязь, которая нигде, кроме заголовков, не применялась. Относительно «легкости» чтения и «трудности» писания уставом, следует иметь в виду, что во времена монополии уставного письма писец воспринимал оригинал, с которого списывал, иногда зрительно, «зеркально», и часто просто механически «срисовывал» с него текст; отсюда — многочисленные ошибки писцов из-за непонимания текста. Чтецу же, чтобы осмыслить, а главное — произнести прочитанный текст (а большинство уставных книг и предназначалось для чтения вслух), надо было думать, куда и какую выносную букву следует вставить, как раскрыть то или иное титло, как разделить текст на периоды, фразы и слова, как,

наконец, произносить последние в связи с расставленными над ними многочисленными надстрочными знаками. Поэтому полуустав, в котором появляется разделение текста на слова и развиваются знаки препинания, был не «менее», а «более четким (т. е. простым. — *Н. Р.*) в чтении». (Всякий, кому приходилось проводить со студентами практические занятия по палеографии, знает, как трудно дается им чтение устава и как после него сравнительно легко читается полуустав.)

Столь же спорными представляются рассуждения В. А. Истрина о «скорописном уставе», «хотя, — пишет он, — в работах по славянорусской палеографии устав никогда не подразделяется на книжный и скорописный»; последний В. А. Истриным усматривается «в индивидуальной переписке, например в новгородских берестяных грамотах XI—XIII вв.» [23]. В современных советских учебниках палеографии действительно нет термина «скорописный устав» и, вероятно, потому, что такового не существовало. Письмо же берестяных грамот в настоящее время признается предметом изучения самостоятельной вспомогательной дисциплины, стоящей на стыке палеографии и эпиграфики — дисциплины, которую акад. Д. С. Лихачев назвал «берестология» [24]. Однако в определении скорописи нет единомыслия даже среди советских палеографов, вероятно потому, что путаются два понятия: «скорописание» — тенденция к ускорению любого письма, и «скоропись» — особый тип письма, принципиально отличный в своей графической основе от устава и полуустава [25]. Таковы неточности, допущенные в этой научной монографии. И в изданиях для широкого круга читателей, популяризуются иногда положения, не обоснованные фактами истории книги.

Например, в самом начале живо и со знанием истории письменности написанной книги Е. Немировского и Б. Горбачевского есть такая фраза: «...мы начнем там, где появилась первая печатная книга. Другие же книги — узелковые, глиняные, рукописные — увели бы нас слишком далеко» [26]. Как будто рукописная книга писалась не в те же времена, не теми же буквами и не на такой же бумаге, как печатная. А через пять лет один из авторов этой книги, изучая орнаментику первопечатных русских книг, отметил в заставках, предшествовавших им рукописных, использование немецкой гравюры и подпись художника Феодосия — сына и ученика знаменитого Дионисия [27].

Е. Л. Немировский не был единственным советским книговедом, обратившимся к рукописной книге, изучая историю возникновения книгопечатания в нашей стране. Это объясняется глубокими и крепкими связями русской первопечатной книги с современной ей и предшествовавшей рукописной. Поэтому каждый исследователь, внимательно изучающий шрифты, а главным образом орнаменты русских печатных книг XVI в., должен достаточно хорошо знать историю русской книги допечатного периода. И не случайно так много материалов изучения рукописной книжности привлечено в сборнике «У истоков русского книгопечатания» (М., 1959), одном из многочисленных изданий, приуроченных к юбилеям русского книгопечатания[28].

Эти юбилеи, особенно 400-летие Федоровского апостола, отмеченное не только множеством статей и научных конференций, но и двухтомной монографией, вызвали у отдельных советских книговедов интерес к рукописной книге, но преимущественно орнаментированной, богатой и только XV—XVI вв.

Подводя итоги, следует отметить, что основной тенденцией изучения истории русской книги в советском книговедении было сужение хронологических рамок и материала исследования. Если в начале 1920-х гг. М. Н. Куфаев почти целиком сводил книговедение к истории книги, понимая ее очень широко — от ассирийской клинописи до современной брошюры[29], то первоначальная тенденция Н. М. Лисовского относить к области книговедения «главным образом печатные книги», от которой он сам в конце своей жизни отказался, утвердилась в советском книговедении.

«Самое надежное в вопросе общественной науки и необходимое для того, чтобы действительно приобрести навык подходить правильно к этому вопросу и не дать затеряться в массе мелочей или громадном разнообразии борющихся мнений,— самое важное, чтобы подойти к этому вопросу с точки зрения научной, это — не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь», — говорил В. И. Ленин еще в 1919 г.[30]. Забвение этого положения историками книги в 1920-е гг., когда среди них действительно существовало «гро-

мадное разнообразие борющихся мнений» и можно было «затеряться в массе мелочей», отвлекавших внимание исследователей, и явилось, скорее всего, причиной наметившегося уже тогда «крена» в сторону изучения истории книгопечатания, а не книги.

Тенденция к преодолению этого «крена», отразившаяся в советском книговедении в послевоенные годы, естественно привела к изучению широкого круга материалов истории русской книги, в том числе рукописной. Стало быть, современное книговедение неотделимо от всей десятивековой истории русской книги.

В постановлении ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе» (1974 г.) отмечается, что научные исследования в области библиотековедения нередко носят отвлеченный характер и не заканчиваются выработкой конкретных рекомендаций. Это относится также и к исследованиям по истории книги и библиотек первого полутысячелетия их существования в нашей стране.

В предлагаемой книге и сделана попытка дать некоторые конкретные рекомендации для изучения начального периода истории русской книги.

Первая часть исследования посвящена начальным векам существования русской книги. Ее возникновение будет рассмотрено в связи с зарождением русской литературы и искусства. Отрывать русскую книгу от истории отечественной литературы столь же невозможно, как нельзя изучать форму в отрыве от содержания. В образовании же и развитии формы — внешнего облика книги — огромную роль всегда играло и продолжает играть искусство, на первых порах больше прикладное, чем изобразительное. Поэтому так трудно подобрать слово, заменяющее неуклюжий термин «книгопроизводство»: заменить его словом «книгописание» нельзя, ибо в создании книги в значительной, иногда почти в равной мере принимали участие и книгописцы, и художники-оформители.

Изложение истории русской книги древнейшего периода в значительной степени должно строиться на основании изучения ее персоналии — людей, которые ее создавали и распространяли. Это были книгописцы, переводчики, писатели, мастера-оформители книги, ее заказчики, организаторы книгописания, при-

надлежавшие к различным слоям русского раннефеодального общества. И подчас трудно бывает отличить книгописца от писателя, переводчика от комментатора и компилятора заимствованных текстов, мастера-прикладника — от художника книги. Все это особенно ярко и четко, как в фокусе, отражено в самом начале истории русской книги, когда были созданы древнейшие из сохранившихся ее экземпляров — в XI в.

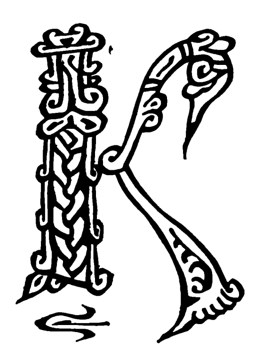
Во второй части систематизированы данные статистики, репертуара и персоналии русской книги XI — XIV вв. Сведения, почерпнутые в большинстве случаев из приписок, записей и помет на самих книгах, для своего обобщения и систематизации вызывают к жизни специальную историко-книжную вспомогательную дисциплину — «географию книги», или, короче,— «библиогеографию» [31].

Необходимость создания такой дисциплины, наряду с дальнейшей разработкой и совершенствованием применения принципов книжной статистики для прошлого русской книги, диктуется следующими обстоятельствами.

Расширение и углубление научного описания фондов рукописной книги крупнейших советских и зарубежных библиотек приводит к тому, что поток информации для историков русской книги непрерывно возрастает. В этот поток вливаются и сведения о новых поступлениях рукописных книг в библиотеки, ведущие собирательскую деятельность. Обработка этой информации, а также представление ее исследователям значительно облегчится разработкой и применением двух названных историко-книжных «субдисциплин». Но если статистике русской книги посвящены некоторые работы, то библиогеография лишь только начинает складываться. В предлагаемом исследовании продемонстрированы некоторые примеры и результаты применения библиогеографических методов и высказаны соображения относительно их дальнейшего развития [32].

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДРЕВНЕЙШИЕ РУССКИЕ КНИГИ

СЕРЕДИНЕ XI в. относятся первые свидетельства об организации книгописания и библиотек на Руси, а также древнейшие русские книги и старейшие памятники русской литературы. Совпадение это не случайное, а имеет глубокий исторический смысл: русская книга, библиотеки и литература зародились одновременно и в тесном взаимодействии друг с другом. Именно так дают основание судить имеющиеся в распоряжении исследователей источники того времени. К ним принадлежат, прежде всего, сами древнейшие из сохранившихся русских книг. И хотя от XI в. таковых осталось очень мало — всего (включая фрагменты) немногим больше двух десятков, — в них можно найти достаточно материала для суждения об основных этапах зарождения рус-

ской книжности. Весь этот материал следует сопоставить со свидетельствами исторических источников, а также с данными источниковедческого анализа старейших памятников русской литературы.

И тогда можно будет представить себе основные этапы зарождения русской книги, давшие ее главные изначальные разновидности: переводные книги; составленные из них русскими книжниками «изборники»; книги первых русских писателей. Сохранившиеся от XI в. подлинные экземпляры книг двух первых разновидностей различаются по своему художественному оформлению, связанному с их функциональным предназначением. Поэтому, рассмотрев вопросы о происхождении двух старейших русских Изборников и сравнив их с одним из первых памятников русской литературы — со Словом о законе и благодати, остановимся на художественном оформлении некоторых русских книг рассматриваемого периода.

План первой части предлагаемой книги — кратко и предельно схематично — можно обозначить так: книгописец и книга, книга и художник-оформитель.

* I *

ПЕРВЫЕ РУССКИЕ КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ

ЕСЛИ принимать свидетельство начальной русской летописи буквально, то русские книжники времен Ярослава Мудрого лишь переводили книги «от грек на славянское письмо» и переписывали их, а заказчик — князь-книголюб — усердно читал и складывал их во построенном им же киевском Софийском соборе, создавая тем самым первую русскую библиотеку [33]. Сохранившиеся же старейшие русские книги и первые памятники русской литературы дополняют и уточняют нарисованную в начальной летописи картину зарождения русской книжности. Во-первых, как теперь установлено (преимущественно историками летописания), книги в России переводились в XI в. не только «от грек»; во-вторых, — и это главное — переписчики книг далеко не всегда удовлетворялись ролью копиистов. Они добавляли в книги — даже «священного писания» —

свои приписки, делали самостоятельные подборки из патристических и агиографических книг, писали, наконец, свои собственные сочинения.

Старейшими среди образцов собственного творчества древнерусских книжников являются выходные записи. Делались они первоначально по заимствованному византийскому шаблону, требовавшему обязательного благодарения богу за окончание труда и извинения перед читателями за допущенные при переписке ошибки с просьбой об их исправлении при чтении книги. Иногда указывалось имя заказчика, реже писец называл себя. Первые два элемента выходных записей выражались в застывших, лишь слегка варьировавшихся формулировках; последние — не обязательные — давали простор для импровизации. Но если при упоминании имени писца импровизация проявлялась преимущественно в подборе «самокритических» эпитетов, характеризующих его «греховность», то, называя заказчика, переписчики обычно славословили его, а иногда указывали и его общественное положение. Однако если автору древнейшей из известных русских выходных книжных записей (1047 г.) — попу Упырю Лихому — достаточно было лишь назвать имя своего заказчика-князя[34], то диакону Григорию, десять лет спустя, пришлось подробнее рассказать о своем заказчике. Это было лицо, хоть и высокопоставленное, но не князь, а лишь его свойственник и соправитель. И выходная запись переросла в Послесловие, состоящее из двух частей: в первой, начинающейся с благодарения богу, буквально совпадающей с припиской Упыря Лихого, содержатся сведения о заказчике книги — Остромире, во второй — имя писца и обычное обращение к читателям.

Первую часть выходной записи Остромирова евангелия следует признать в качестве одного из самых ранних среди сохранившихся образцов самостоятельного творчества переписчиков книг. Характеризуя общественное положение своего заказчика, Григорий дает краткую справку о внутриполитическом положении в государстве, когда киевский князь Изяслав поручил управление его значительной частью — Новгородской землей — своему «близоку» Остромиру. В результате у Григория получилось небольшое произведение историографического жанра, по содержанию сходное с летописной статьей. Значение его как документального источника еще со времен Н. М. Карамзина при-

знано историками: на основании его внесена поправка в свидетельство начальной русской летописи, по которой в год написания Евангелия для Остромира последнего уже не было в живых.

Необходимо отметить еще одну графическую особенность выходной записи Остромирова евангелия, характеризующую личность переписчика: в записи можно усмотреть свойственное последнему чувство собственного достоинства. Если Упырь, желая здоровья своему заказчику-князю, выражает надежду, что лишь тот его «не забудет», то Григорий счел возможным сам, доступными ему средствами, увековечить свое имя. Желая всяких благ не только самому своему заказчику, но и его жене, детям и невесткам, Григорий пишет их имена обычными строчными буквами. Свое же имя, с которого он начал вторую часть приписки — собственно выходную запись, — он написал с новой строки, прописными — самыми большими во всей книге (за исключением рисованных инициалов) буквами.

Обратимся теперь ко второй среди древнейших из сохранившихся в России датированных книг — Изборнику Святослава 1073 г. Его переписчику надо было лишь скопировать книгу, в которой находилась уже готовая приписка. Первоначально это была, как установил еще С. П. Шевырев, похвала болгарскому царю Симеону, для которого — лет за полтораста до времен Святослава — была переведена с греческого языка данная книга [35]. И нашему переписчику надо было лишь скопировать ее, заменив имя болгарского царя именем русского князя. Однако он явно не был удовлетворен этой ролью и внес в переписанную книгу кое-что и от себя.

Во-первых, он сделал краткую выходную запись, совершенно не похожую на аналогичные записи Упыря и Григория: «А коньць въсемъ книгамъ оже ти собе нелюбо то того и другу не твори. В лето 6581 написа Иоаннъ диакъ Изборникъ сь великууму князю Святославу» *. В этой приписке отсутствуют три из отмеченных выше четырех элементов выходной записи, в том числе оба обязательных — благодарность богу и извинение перед читателем. Но зато вставлена фраза, назначение которой

* Здесь и в дальнейшем цитаты приводятся в орфографии подлинника, но с разбивкой текста на слова, раскрытием титл и заменой: ять=е, юс малый и йотированное а=я, омега=о, и десятеричное=и.

здесь непонятно: почему писец вдруг решил посоветовать кому-то не делать другому то, что ему самому не нравится. Оставляя эту загадку неразгаданной, обращу внимание на отражение в выходной записи Изборника Святослава не книжного, а разговорного языка — в формах «оже» вместо «еже», «собе» вместо «себе». И свой духовный сан писец называет не книжной формой «диакон», а просторечной — «диак»[36]. Как будто устав от напряженного внимания при переписке книги, когда приходилось постоянно следить за собой, чтобы не спутать как-нибудь текст ее оригинала, писец с радостью воспользовался случаем заговорить не «книжным», а своим собственным, разговорным языком.

Во-вторых, есть основание предположить, что «Иоанн диак» дополнил переписанную им книгу последней статьей.

Происхождение этой статьи, озаглавленной «Летописьць въкратъце от Авъгуста даже и до Константина и Зоя цесарь грьчьскыихъ», неясно. Акад. А. Х. Востоков писал о ней: «Сим оканчивается рукопись. Годы царствования Константина и Зои не выставлены, следовательно Краткий летописец сей составлен при жизни их между 1042 и 1050 годом... Греческий сборник библиотеки Коаленовой (предполагаемый оригинал болгарского Изборника. — *Н. Р.*) писан, по мнению Монфокона, около 912 г. ...Может быть, «Летописець въкратъце от Августа» есть тот самый список императоров римских, который в греческой рукописи отрезан»[37]. Составители последующего и не менее авторитетного описания говорят иначе: «Под именем Зои здесь разумеется мать Константина Порфирородного, которой правление продолжалось до 920 года»[38]. Однако какие бы императоры ни подразумевались под именами Константина и Зои, важно отметить, что в греческом оригинале Изборника Симеона—Святослава статьи с упоминанием их, вероятнее всего, не было. И встает вопрос, когда была добавлена эта статья: при переводе греческого сборника на болгарский язык или при переписке его для киевского князя? Расположение статьи в самом конце Изборника, после выходной записи и славословия заказчику, говорит в пользу второго предположения.

Оно подтверждается и палеографическими особенностями, отмеченными Н. М. Каринским, который утверждает, что Изборник Святослава написан двумя писцами, но очень схожими, почти не различимыми почерками. Первый написал 86 листов

текста в начале книги и выполнил наиболее ответственную часть работы: вписал золотом в заранее приготовленную художником рамку на обороте второго листа Похвалу заказчику-князю [39] и заголовки в две роскошные вставки. Им же сделана приведенная выше краткая выходная запись, выправлен местами текст, написанный другим писцом (в том числе — та самая Похвала заказчику в конце книги) и переписаны «хронографические заметки» — так называет Н. М. Каринский рассмотренную выше последнюю статью Изборника Святослава. «Старший писец сборника 1073 г. был далеко не обычным переписчиком-профессионалом... Содержание сборника... трудное местами для понимания вследствие тяжелого болгарского перевода, заставило князя обратиться не к шаблонным писцам, навыкнувшим переписывать богослужебные книги, а к более начитанному переписчику», — пишет Н. М. Каринский [40].

Однако последним осталась не отмеченной еще одна примечательная палеографическая особенность заключительной статьи Изборника Святослава — неумелые попытки ее украшения, предпринятые писцом, в то время как оформление основной части книги выполнено на высоком профессионально-художественном уровне. Оно заканчивается (на л. 263 об.) изображением двух птиц — таких же, какие нарисованы вокруг фронтисписов (здесь они фланкируют колофон последней статьи основного текста книги); сразу же под ними начинается цитированная выше приписка писца и повторение славословия заказчику. Около одной из его строк, на правом поле, находится контурный рисунок зверя в ошейнике с поднятым хвостом и торчащими ушами. Этот рисунок повторен на следующей странице, у последней строки славословия заказчику, над заглавием добавленной статьи — «Летописец вкратце». Под последней же строкой этой статьи нарисована концовка, составленная из крючков и черточек с примитивным подражанием распространенному в те времена орнаментальному мотиву — так называемому «византийскому завитку» на концах. Ниже изображены два зверя, причем первый — в ошейнике. Все это писец нарисовал не сразу, а сделав первоначальные наброски здесь же, внизу страницы, среди проб пера (рис. 1)[41]. Отмеченные особенности свидетельствуют о том, что «Летописец вкратце» был переписан с другого оригинала — дефектного (текст обрывается на полуфразе) и, вероятно, без какого-либо художе-

ственного оформления. Отсутствие последнего и захотел восполнить старший переписчик, как бы «обрамивший» эту книгу: он собственноручно написал ее начальные и выправил конечные листы.

Что касается начала Изборника, где, как уже отмечалось, рукою старшего переписчика повторена «начисто» — с небольшими разночтениями и сокращением одной фразы — Похвала заказчику, то остается неясным вопрос, когда и кем было дано название книги: «Събор отъ многъ отецъ тълкования о неразумныих словесьхъ в Евангелии и в Апостоле и в инехъ книгахъ въкратце съложены на память и на готовъ отъветъ». Еще А. Х. Востоков отметил отсутствие в описании греческой рукописи — предполагаемого оригинала Изборника Симеона—Святослава — ее заглавия, и назвал приведенную выше фразу «заглавием словенского перевода»[42]. Остается неизвестным и, вероятно, навсегда, заглавие сборника царя Симеона, так как оригинал его не сохранился. И можно предположить, что Изборник Святослава был озаглавлен при его переписке в Киеве старшим писцом — диаконом Иоанном. Внимательно — как писец и правщик — прочитав Изборник, зная, вероятно, от заказчика его предназначение, он мог и озаглавить его, собственноручно вписав это заглавие в первую заставку.

Все сказанное относительно старшего писца Изборника Святослава подтверждает данную ему Н. М. Каринским характеристику как человеку начитанному, каких в то время на Руси было еще не очень много. И трудно, просто невозможно думать, что этот человек участвовал в создании лишь одной книги. Тем более что имя Иоанн — без упоминания, правда, его духовного звания — появляется через три года в выходной записи еще одного Изборника совершенно иного содержания и оформления. Приведу эту выходную запись — так же, как и предыдущую, в Изборнике Святослава, — в орфографии и пунктуации оригинала — так, как она была прочитана с помощью современных средств фотоанализа и воспроизведена в недавнем издании рукописи.

«Коньчяшя ся книгы сия роукою грешьнааго иоана· избьрано из мъногъ книгъ княжихъ иде же криво братие· исправивъше чьтете· благословите а не кльнете: аминь· Кончяхъ книжькы сия в лето: 6584. лето· при святославе князи роуськы земля: аминь»[43].

Эта выходная запись отличается от аналогичных ей по назна-

чению записей Упыря Лихого и диакона Григория, хотя и не так разительно, как выходная запись Изборника Святослава, с которой у нее есть точки соприкосновения: в них обеих отсутствуют славословия богу и заказчику. Славословие богу отсутствует, вероятно, потому, что в обоих случаях приписки сделаны в книгах не «священного писания» или литургического применения, написание которых считалось делом в высшей степени «богоугодным»; поэтому и завершалась переписка таких книг молитвенной формулой — у Упыря и Григория буквально совпадающей. Отсутствие же славословия заказчику в выходных записях двух Изборников следует объяснить по-разному: в Изборнике Святослава его нет, вероятно потому, что непосредственно за нею следует специальное и велеречивое славословие заказчику-князю; отсутствие же его в Изборнике 1076 г. можно объяснить только тем, что книга была написана не по чьему-либо заказу. Наконец, какую именно работу проделал «грешный Иоанн», окончание которой подчеркнуто повторением, хотя и в различных формах, глагола «кончать»? Ведь и Упырь, и Григорий, и Иоанн прямо говорят о «написании книг», а в данном случае характер завершенной работы не указывается. Это недоумение можно разрешить только одним предположением: речь идет совсем о другой работе, чем просто переписка книг. О работе необычной для переписчика и состоящей из двух этапов: подборки материалов «из многих книг княжьих», т. е. в княжеской библиотеке, и ее переписки.

Итак, перед нами книга, написанная при том же князе Святославе, но не для него [44] — книга необычная, отличная по содержанию и происхождению от всех тех, о которых шла речь выше.

Для подтверждения предложенного понимания выходной записи Изборника 1076 г. обратим внимание на ее пунктуацию.

Остается неизвестным, какова была пунктуация приписки Упыря Лихого, так как она сохранилась лишь в позднейших списках. Пунктуация приписки выходной записи Остромирова евангелия должна стать предметом специального исследования. В пунктуации же выходной записи третьей из сохранившихся древнейших датированных русских книг налицо осмысленность, четкость и последовательность. Точкой, поставленной, как было принято в те времена, не на строке, а выше ее, заканчивается — именем писца — первая фраза. Следующая точка скорее всего

была поставлена после слов «книг княжих» (конец последнего слова в рукописи замазан и читается с трудом даже и вооруженным глазом; стоявшая после него точка, вероятно, совсем исчезла). Далее точки поставлены после просьбы исправлять ошибки и перед уточнением датировки. Слово «Аминь», завершающее, как и в Остромировом евангелии, две части приписки, отделяется в обоих случаях одним и тем же знаком — двоеточием; двоеточием и точкой выделено обозначение года — как это также всегда в старину делалось.

Таким образом, писец совершенно четко делит свою приписку на четыре части. В первой указано, кем была проделана работа. Во второй — какая именно была — на первом этапе — эта работа. В третьей содержится просьба к читателям об исправлении ошибок, допущенных на второй стадии работы — при переписке собранного материала; поэтому именно здесь, а не в конце второй части содержится традиционная просьба переписчика исправлять его ошибки, а не бранить его за них. Далее, в четвертой части приписки, при фиксации окончания второй стадии работы, переписки, также по традиции указана дата, подтвержденная упоминанием имени правящего князя.

Предложив изложенную интерпретацию пунктуации выходной записи Изборника 1076 г., обращусь к его книговедческому анализу. Этот анализ должен дать ответ на вопросы: из чего, как и для каких целей был составлен Изборник.

Для ответа на первые два вопроса посмотрим, прежде всего, надписания его статей — весьма разнообразные. В них указывается то автор, то тема статьи, а иногда ее жанр или форма изложения, например «Слово отца к сыну» или «Беседа» Ксенофонта. В двух случаях в заглавии прямо указывается, что статья — компилятивная, составленная из произведений одного автора или из многих источников. Таковы «Иоанна Златоустово слово... от прочих его душеполезных учений» и «Съборъ отъ мъногъ отецъ и апостолъ и пророкъ: събьрано и протълковано отъ Еуаггелия и от инех книг: въкратьце съложено». Последнее заглавие почти полностью, лишь с некоторым смещением смыслового оттенка[45], повторяет заглавие Изборника Святослава, и это очень важно для суждений о происхождении Изборника 1076 г. Сходство заглавия одной из самых больших статей Изборника с названием книги, переписанной за три года до этого,

свидетельствует о том, что последняя была известна составителю первого. Он лишь не заимствовал из этого названия его последнюю фразу — для чего был «сложен» Изборник 1073 г., и это очень важно. Если Изборник Симеона — Святослава воспринимается как некое энциклопедическое справочное пособие «на память и на готов ответ», то составитель другого Изборника такой цели себе, вероятно, не ставил. Но зато он указал в своей приписке нечто, едва ли не более значимое для истории русской книги: не для чего, а как был составлен Изборник 1076 г. — «из многих книг княжих», в княжеской библиотеке.

Какова же была все-таки цель составления этого Изборника? Не указывается ли она статьей, помещенной в начале его: «Слово некоего калугера о чьтении книгъ»? Статья эта признается исследователями за сочинение оригинальное, не переводное [46]. Но это именно «сочинение», т. е. контаминация, так как конструкция его предельно проста: оно все составлено из псалтирных цитат, кратко резюмированных составителем и перемежающихся с его собственными сентенциями.

И на протяжении этой небольшой статьи видно, как изменяется отношение ее составителя к своему источнику. В первой части он лишь комментирует его, добавляя при этом многое от себя, во второй — не только комментирует, но и характеризует. В заключительной части, как будто считая, что научил читателя самого пользоваться источниками, он лишь называет, а не цитирует их. Но как пользуется своим источником сам составитель статьи? Сравнение приводимых им цитат с текстом Псалтири обнаруживает любопытнейшие вещи.

Первые три стиха из 118-го псалма он цитирует полностью и дословно, вставляя от себя только два слова — «рече бо». Из следующих двух стихов он берет лишь по половине, а последующую цитату составляет из двух, стоящих далеко не рядом, стихов. Последнюю же «цитату» он, скорее всего, сочинил сам: ни в данном псалме, ни в других — более того, во всех остальных библейских книгах обнаружить ее не удалось [47].

Такими представляются процесс написания и «конструкция» вступительной статьи Изборника 1076 г.— первого в истории русской культуры сочинения о пользе, методах и цели чтения книг. В этом процессе можно подметить, как и насколько книжник-компилятор становится «сочинителем», в какой-то мере твор-

цом. О том, что в данном случае можно усмотреть именно такое «перерастание», свидетельствуют по крайней мере два факта: происходящее буквально на глазах изменение отношения к источнику (в данном случае — к Псалтири), а также большая, постепенно возрастающая и к концу доминирующая доля собственного творчества сочинителя статьи. Начав с цитирования Псалтири, он через комбинацию различных стихов псалма переходит, возможно, к фальсификации источника и делает это с большим мастерством [48]. Элемент же, внесенный сочинителем этой статьи от себя, отличается достаточно четко выраженными особенностями стиля и языка, что наиболее ярко иллюстрируется применением сравнений, почерпнутых из повседневной практики широких кругов населения Киевской Руси: «Не сътавить бо ся корабль без гвоздии ни правьдникъ бес почитания книжьнаго... Красота воину оружие и кораблю ветрила тако и правьднику почитание книжьное».

Таковы некоторые наблюдения над вступительной статьей Изборника 1076 г., в которой можно усмотреть и указание на цель сочинителя этой книги — призвать к «Поучению книжными словесами», — и демонстрацию тех методов «сочинения» источников со своим собственным творчеством, какие он, вероятно, применяет в дальнейшем, в остальных статьях. Теперь же настало время подвергнуть источниковедческому анализу остальные статьи Изборника.

Этот анализ был начат сразу же после выхода его современного научного издания — и в нашей стране, и за рубежом. Однако если советские исследователи ограничились пока что преимущественно рецензиями на это издание, то зарубежные продолжили исследование источников отдельных статей Изборника вслед за его издателями [49].

Так, например, французский славист Ж. Лепесье сравнивает последнюю статью «О милостивом Созомене» с ее источником — Житием Нифонта, отмечая при этом «вольности», внесенные в него при переделке в названную статью. Он делит их на «идеологические, стилистические и собственно языковые замены», а заключительные строки приписывает составителю Изборника, считая его не «простым копиистом», но «уже автором», — т. е. говорит то же самое, что было мною отмечено в отношении первой статьи, о чтении книг [50].

Поиски греческих оригиналов статей Изборника 1076 г., начатые В. Ф. Дубровиной, продолжили И. Шевченко [51] и Д. Фрейданк [52]. Указывая на расхождения перевода с оригиналом, Фрейданк объясняет их не плохим знанием греческого языка, а идеологическими соображениями — непринятием переводчиком откликов стоической философии. Это доказывается сознательной заменой некоторых философских терминов; продолжая свой лингвистический анализ, Фрейданк, на основании обнаруженного им «гиперболгаризма», делает вывод о том, что перевод был сделан на русской почве. В последнем с ним не соглашается Н. А. Мещерский, считающий, что перевод «Лавсаика» — источника одной из статей Изборника 1076 г.— был сделан болгарином [53]. Но это возражение не снимает предположения о составлении Изборника в библиотеке киевского князя, где были и болгарские переводы памятников византийской письменности, например тот же Изборник Симеона-Святослава. О происхождении же Изборника 1076 г. из названной библиотеки как о непреложном факте пишет польский исследователь А. Поппе, много и плодотворно работающий над изучением взаимоотношений церкви и государства в Киевской Руси [54].

Таковы некоторые примеры и первые результаты поисков современными советскими и зарубежными филологами источников отдельных статей Изборника 1076 г., рассмотрения методики их использования. Дальнейшие исследования — и не только лингвистические, но и литературоведческие — несомненно, дадут еще много нового и ценного материала для выяснения истории создания первой из сохранившихся русских книг для чтения.

Для истории же русской книги один только перечень названных в нем источников, безотносительно к вопросу о степени и методике их заимствования, предоставляет материал для суждений о репертуаре книг первой русской библиотеки. Об этом можно говорить теперь, когда факт составления Изборника в Киеве почти единогласно признается исследователями; споры вызывают лишь время и место переводов источников отдельных его статей.

Рассмотрим имена, названные в заглавиях Изборника 1076 г. или его составных частей, чтобы иметь представление о круге источников, которыми располагал его составитель. Это, прежде всего, жития святых — и таких популярных, как отцы церкви

Василий Великий, Иоанн Златоуст,— и сравнительно мало известных — мучеников Ксенофонта, Феодоры, Синклитикии. В числе памятников патристики называются сочинения тех же Василия Великого, Иоанна Златоуста, а также Афанасия Александрийского, Нила и Анастасия Синайских, Исихия Иерусалимского. Лишь по именам, без «локализации», названы святые Геннадий, Георгий, Моисей «скитянин» — в статье «Събор от мног отец...», состоящей, как уже указывалось, из цитации множества источников, в том числе анонимных («от Патерика», «некоего старца» и т. п.) и псевдонимных — например отрывок, озаглавленный «Пророка Иоиля о пияньстве», оказавшийся выпиской из сочинений того же Василия Великого [55]. Из новозаветных книг цитируются Евангелие и Апостол, из ветхозаветных, кроме Псалтири, Книга премудрости Иисуса сына Сирахова.

Все названные в заглавиях статей Изборника 1076 г. или в надписаниях их составных частей многочисленные и разнообразные источники «укладываются» в рамки тех литературных жанров, которые рекомендуются для чтения в начальной русской летописи — в известной Похвале книгам: «Читая пророческие беседы и евангельские и апостольские поучения и жития святых отцов, получаем для души великую пользу» [56]. Так свидетельство летописца подтверждается составом старейшей русской книги для чтения, «сочиненной» его современником. И современное состояние изучения памятников древнерусской переводной литературы это подтверждает: один из крупнейших советских знатоков литературы Киевской Руси — И. П. Еремин — отметил и объяснил особую популярность у древнерусских книжников сочинений византийских авторов IV—V вв.— классиков ортодоксального богословия [57].

Широкая эрудиция составителя Изборника 1076 г. и проявленная им значительная вольность в обращении с источниками привлекают интерес к его личности; и появляется желание попытаться установить, кем он был по своему общественному положению. Сам он о себе не говорит почти ничего — лишь называет свое имя с добавлением словечка «грешный». Поэтому обратимся к персоналии русской книжности XI в. и познакомимся со всеми известными лицами, носившими имя Иоанн [58].

Таковых, кроме составителя Изборника 1076 г., известно еще трое: два митрополита-грека и писец Изборника Святослава. Два

первых вряд ли подходят на роль составителя Изборника уже по своему высокому церковно-иерархическому положению, хотя один из них характеризуется летописцем как «муж хытръ кънигам и учению» (Лаврентиевская летопись, под 6597-м годом). И неспроста, конечно, им приписываются сочинения либо гимнологические (служба Борису и Глебу), либо церковно-полемические: «К архиепископу римскому от Иоанна, митрополита русского о опресноцехъ» (сохранилось в греческих списках не позже XIII в. и в русских — с XIV в.), «Правила Иакову черноризцу» (известны только русские списки, начиная с XIII в.) и «Поучение от седми събор на латыню». Именно такие произведения должны были писать лица, возглавлявшие русскую церковь, адресуя их либо к равным себе по положению (папе римскому), либо стоявшим на низших ступенях иерархической лестницы (черноризец Иаков). Поэтому приписать кому-нибудь из этих двух митрополитов-греков составление сборников, явно не предназначавшихся для чтения с церковного амвона, можно лишь с малой долей вероятности. Главное же в том, что никто из изучавших и изучающих язык Изборника 1076 г. не счел его составителя греком. Таким образом, для более основательных предположений об авторе этой книги остается лишь один Иоанн — главный писец книги с аналогичным заглавием, созданной всего за три года до этой.

Посмотрим теперь, что есть общего между двумя одноименными книгами, отделенными друг от друга столь незначительным периодом.

Содержание и происхождение статей обоих Изборников совершенно различны. Лишь частичное текстуальное совпадение названия Изборника Святослава с заглавием самой большой статьи Изборника Иоанна сближает их — в одной только этой точке. Дальнейшее сравнительно-текстологическое изучение двух старейших из появившихся на Руси в 70-е гг. XI столетия Изборников, возможно, увеличит число точек соприкосновения их содержания; сейчас же обратимся к некоторым их общим палеографическим чертам.

Прежде всего — о том, что есть общего в скромном художественном, точнее — в орнаментальном оформлении Изборника 1076 г. с его богатым и роскошным «тезкой».

В Изборнике 1076 г. дважды встречается (на л. 25об. и 228),

но уже в качестве заставки концовка Изборника Святослава — та самая, которая сделана писцом под последней строкой его заключительной статьи. Еще чаще, в том числе на концах упомянутых заставок-полосок, а также в начале и в конце многих статей и в обрамлении заключительного колофона, варьируется «византийский завиток», который пытался нарисовать писец Изборника Святослава и — как будет показано в третьей главе — не только в самом конце книги. Наконец, и зверь, нарисованный под концовкой Изборника Святослава, похож на изображенного (в иной только позе и более тщательно разрисованного) около колофона одной из статей Изборника 1076 г. (на л. 108 об.) против крылатого грифона. И неспроста, конечно, часто воспроизводят рядом, а часто и путают эти схожие рисунки двух разных книг. Но если в альбоме В. В. Стасова, где «лев» с грифоном из Изборника 1076 г. дан на одном листе с иллюстрациями Изборника Святослава, в аннотации сказано, что это из разных книг, то в современной «Истории культуры Древней Руси» (т. 2. М.— Л., 1951, с. 360), где эти рисунки также воспроизведены на одной иллюстрации, в подписи сказано, что оба они — из Изборника Святослава. И остается неясным, что отразилось в последней ошибке — традиционное смешение заглавий этих двух совершенно разных по содержанию книг, или сходство деталей их орнаментального оформления.

Более значимые, если не сказать — решающие — для отождествления главного писца Изборника Святослава с составителем Изборника 1076 г. данные должен дать сравнительный палеографический анализ почерков этих двух книг.

Сравнивать их начали давно, почти сто лет тому назад, но я приведу в качестве примера лишь два результата этого сравнения — крайние по датам, но одинаково авторитетные. В первом учебнике русской палеографии И. И. Срезневского говорится, что почерк Изборника 1076 г. «более похож на мелкий остромировский, чем на почерк Изборника 1073 г.» [59] Современный палеограф, в результате исследования, проведенного с применением современных технических средств, пишет: «Уверенный, четкий, без резкого различия между толстыми и тонкими линиями в рисунке букв почерк Изборника 1076 г. близко напоминает письмо Изборника Святослава 1073 г., но не родственен ему» [60]. Сопоставляя эти два высказывания и зная, что две величины,

порознь равные третьей, равны между собой, можно сделать вывод, что почерк Изборника Святослава похож на «мелкое» письмо Остромирова евангелия. Сходство это без особого труда объясняется обстоятельствами написания этих двух, старейших среди датированных, русских книг. Обе они написаны по заказу богатых и знатных людей, привлекших к их исполнению лучших писцов-каллиграфов, орнаменталистов, золотописцев и художников. Но по жанру, точнее — по способу использования, эти книги разные: первая — богослужебная, вторая — четья. И читали первую вслух, нараспев, в торжественной литургической обстановке, а второй пользовались, как сказано в ее заглавии, в качестве справочника — «на память и на готов ответ». Однако и в Остромировом евангелии вслух читался не весь текст; и тот, что не читался, а имел лишь подсобное значение — надписания евангельских чтений и их указатель на целый год («Съборник церковный» в конце книги) — написан мелким, немного небрежным почерком. Отсюда — подмеченное И. И. Срезневским сходство почерка Изборника 1076 г. с «мелким остромировским»; я бы назвал это сходство типовым, обусловленным назначением текста и способом его использования — не для чтения вслух. «Близкое напоминание» почерка Изборника 1076 г. письма Изборника Святослава при отсутствии «родства» с ним объясняется просто: первый был написан не по заказу, а для себя самого, а второй — для князя. Во всем этом сказывается функциональное размежевание почерков внутри одного и того же типа письма, наметившееся уже в самом начале истории русской рукописной книги [61].

Сравнение почерков старейших русских Изборников затрудняется тем, что каждый из них написан двумя писцами. Однако то обстоятельство, что в обоих случаях писцы выступали не на паритетных началах, а один из них был руководителем работы, несколько облегчает это сравнение. Дело в том, что старшие писцы, исправляя работу своих помощников, могли вносить в нее особенности своей графики, орфографии, наконец, своего языка. Поэтому палеографический анализ этих двух книг должен быть подкреплен данными их лингвистического анализа. Но если таковому анализу давно уже подвергается Изборник Святослава, то другой Изборник лишь недавно стал доступен лингвистам,— после его тщательного научного издания. И как розыскам гре-

ческих источников отдельных его статей начало было положено опубликованной в этом издании работой В. Ф. Дубровиной, так и отправной точкой для лингвистических исследований должен стать приложенный к нему «Указатель слов и форм», составленный В. Г. Демьяновым. При этом особое внимание должно быть уделено тем листам Изборника Святослава, которые переписаны самим «Иоанном диаком», и в первую очередь тому, что он добавил в книгу от себя.

Суммарные итоги палеографического и лингвистического изучения двух старейших из сохранившихся Изборников имеют значение не только для утверждения тождества главного писца Изборника Святослава с составителем Изборника 1076 г. Они должны внести свой вклад в историю русского литературного языка, если даже аргументы доказательства упомянутого тождества не всем покажутся убедительными. Орфографический и лексический репертуар каждого из двух одноименных писцов представляет самостоятельную лингвистическую ценность, так как оба они были не просто переписчиками, а в какой-то степени литераторами своего времени, связанными с происхождением одной из древнейших разновидностей русской книги — Изборников.

Однако все это относится к специальному, филологическому анализу двух старейших книг для чтения, сохранившихся в русской рукописной книжности, который не входит в мою задачу.

* * *

Обратимся еще раз к свидетельству Повести временных лет об организации Ярославом Мудрым книгописания и библиотеки, процитированному в начале этой главы [62]. Предполагая тождество главных писцов двух Изборников того времени, отмечу, что из двух названных в приведенной цитате специальностей книжников — переводчиков и книгописцев — Иоанн принадлежал скорее ко вторым, чем к первым. Но, как показывает методика использования источников в Изборнике 1076 г., он был не только переписчиком книг, но и их «сочинителем». В последней роли он проявил не только широкую эрудицию, но и умение составлять из доступных ему источников содержательные, целенаправленные и, главное, в значительной степени оригинальные

произведения, какой является, например, вступительная статья к Изборнику 1076 г.

Касаясь вопроса об источниках статей этой книги, известный современный болгарский ученый-византолог И. Дуйчев пишет в заключении своей рецензии на издание следующее: «Изборник 1076 г. в своей большей части не является оригинальным произведением, но содержит переводы с греческого. Однако при этом Изборник ни в коей мере не теряет своего значения как памятник древнерусской литературы. Напротив, как свидетельство литературных связей между древней Русью и Византией, возникших уже в XI в., он сохраняет свое значение доныне»[63].

И для того, чтобы включить Изборник 1076 г. в историю русской литературы, совсем незачем отождествлять его составителя с каким-нибудь известным писателем того времени — например с митрополитом Иларионом, как это сделал Н. П. Попов[64]. Что же касается сочинений Илариона, то именно с ними должен быть в первую очередь сопоставлен Изборник 1076 г.: их автор был современником составителя Изборника и отталкивался от аналогичных методов сочинительства. Но именно «отталкивался», чтобы пойти своим путем, соответствующим новому этапу истории русской книги, когда среди переписчиков книг появились не только сочинители Изборников, но и настоящие писатели — основоположники русской литературы.

* II *

ПЕРВОЕ «СЛОВО» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, ЕГО ИСТОЧНИКИ И АВТОР

В ИСТОРИИ русской книги середины XI в. особое место занимают литературные произведения, приписываемые митрополиту Илариону — человеку «книжному», как характеризует его современник-летописец.

Сведения о его жизни и деятельности чрезвычайно скудны: ничего неизвестно ни о происхождении Илариона, ни о его судьбе после того, как он в 1051 г. на непродолжительное время возглавил русскую церковь, о чем кратко сказано в Повести

временных лет [65]. После этого в летописи идет подробный рассказ о возникновении Киево-Печерского монастыря, в начале которого опять упоминается «презвутеръ именемь Ларион». Он первый «ископал» на холме, «где ныне ветхый манастырь Печерьскый... печерку малу двусажену», куда приходил для уединенной молитвы из соседнего княжеского села Берестова, где он священствовал. Затем сообщается о поставлении Илариона в митрополиты, после чего его «печерка» на недолгое время опустела — пока в ней не поселился основатель Печерского монастыря Антоний [66]. И это все, что говорится об Иларионе в начальной русской летописи.

Скупой на похвалу летописец характеризует Илариона всего лишь тремя словами: «Мужь благъ, книжен и постник». Первое определяет его как человека, последнее — как монаха, а второе отмечает то, что не было, очевидно, и в те времена непременно присуще духовному или «мирскому» лицу, но выделяло человека из любой социальной среды. Таким индивидуальным свойством Илариона, с которым он вошел в историю, была его «книжность». Слово это в старину обозначало то, что в наше время называется «начитанностью».

Для того чтобы определить, из чего составилась и каковой была «книжность» Илариона, обратимся к источникам его сочинений. Таковых известно три: «Слово о законе и благодати», «Молитва» и «Исповедание веры» [67].

Уже первый издатель сочинений Илариона отметил в них, особенно в Слове о законе и благодати, множество цитат из библейских книг [68]. В наши дни немецкий ученый Лудольф Мюллер произвел полную и исчерпывающую атрибуцию использованных в сочинениях Илариона источников [69]. Основываясь на этой работе, можно определить круг тех книг, которыми располагал Иларион, представить себе, какими из них и как он пользовался.

Простой арифметический подсчет указаний на источники сочинений Илариона, приведенных Л. Мюллером в его «вещественном комментарии», дает такие итоги. Больше всего используются библейские книги Нового завета, особенно Евангелие, к цитированию и заимствованию которого автор прибегает в 85 случаях. Свыше 20 раз цитируются и перефразируются места из Апостола, отдельные заимствования отмечаются из Апокалипсиса. Что же касается книг Ветхого завета, то из них чаще

всего (в 23 случаях) цитируется Псалтирь. На втором месте — книга пророка Исайи (21 цитата); книги других пророков используются в немногочисленных случаях. Кроме того, 16 раз цитируется книга Бытие, 2 раза — Исход, по одному разу — Притчи Соломона, книга Иисуса Сирахова и другие, входившие в состав Паремийников — сборников чтений из книг Ветхого завета, полагавшихся при богослужении. Наконец, есть заимствования из чина литургии Иоанна Златоуста и некоторых богослужебных книг.

Таковы источники сочинений Илариона, обнаруживаемые при первоначальном их рассмотрении. Казалось бы, для своих сочинений Илариону не было нужды прибегать к книгам внебогослужебным; однако более внимательный анализ убеждает в том, что его сочинения составлены отнюдь не из одних только цитат и перефразировок текстов тех книг, которые он, как священнослужитель, знал хорошо, пользуясь ими повседневно. И вряд ли бы он заслужил у летописца характеристику «книжника», если бы только составлял свои произведения из цитат указанного и довольно узкого круга книг. Во-первых, в сочинениях Илариона, особенно в Слове о законе и благодати, не только цитируются, но и используются сюжетные схемы, образы, символика библейских книг. А это можно было сделать, лишь зная «священное писание» не только в его богослужебных «чтениях»: на использовании сюжета из книги Бытия — истории двух сыновей праотца Авраама (глава 16) — построена, например, значительная по объему и «узловая» по значению часть Слова о законе и благодати. И хотя перенесение сюжетов Ветхого завета и переосмысление их в новых исторических условиях было для христианского богословия традиционным (особенно в толкованиях книг Нового завета), никто еще до Илариона не осмыслял историю потомков Авраама в столь широком масштабе, на фоне таких важных исторических событий, как распространение христианства вплоть до Киевской Руси и связанная с ним полемика между апологетами старой и новой религии, длившаяся до появления произведений Илариона почти тысячу лет.

Возвращаясь к арифметическим подсчетам заимствований из библейских книг в сочинениях Илариона, отмеченных Л. Мюллером, который делит их на три вида: цитаты, перефразировки

и смысловые аналогии [70], посмотрим, как они распределяются по отдельным сочинениям данного автора (подсчет произведен мною в округленных цифрах).

В Слове о законе и благодати $^2/_3$ цитат взято из Нового завета — в подавляющем большинстве случаев из Евангелия, преимущественно от Матфея; остальные — из книг Ветхого завета, большей частью из Псалтири. В Молитве — произведении иного жанра и другой эмоциональной тональности — преобладают цитаты из Псалтири — самой лиричной и «человечной» книги Ветхого завета. В Исповедании веры нет и не могло быть библейских цитат, так как это — юридический, точнее церковно-канонический документ, подписанный Иларионом при поставлении в митрополиты. И оно отразило влияние некоторых аналогичных по содержанию и назначению византийских канонических памятников, но в собственной интерпретации Илариона. Поэтому Л. Мюллер отмечает не цитаты или перефразировки, но лишь «подобия» отдельных слов и выражений Исповедания в трех переводных (с греческого языка) источниках: в так называемом «Никео-Цареградском» символе веры, в сочинениях египетского отшельника того же IV в. Ефрема Сирина и Михаила Синкела — византийского богослова-полемиста IX в.

Такое распределение заимствований по сочинениям Илариона и внутри первого из них — в Слове о законе и благодати — подводит к рассмотрению вопроса о взаимодействии оригинальных и переводных, иначе говоря — собственных и заимствованных, элементов в его творчестве. Так, например, наибольшая концентрация цитат обнаруживается в начальной, догматической и церковно-исторической части Слова о законе и благодати. И почти совсем их нет в его заключительной части, прославляющей русских князей Владимира и Ярослава. В использовании же и интерпретации цитат «священного писания», даже из Евангелия, Иларион проявляет не только широкую эрудицию и блестящее мастерство, но и значительную смелость, что бросается в глаза с первых же строк его произведений.

Слово о законе и благодати начинается евангельской цитатой, дополненной лишь двумя словами, но так, что смысл ее совершенно меняется: «Благословен господь бог израилев — *бог християнеск*» (выделено мною.— *Н. Р.*),— добавляет Иларион [71]. И получается так, что прославляется уже не «бог израиля»,

а бог христиан, который, «оправдав раньше племя Авраама», в Ветхом завете, «законом» — Новым заветом «спас все народы». Так, с утверждения равноправия *всех* (выделено мною.— *Н. Р.*) народов, начинается Слово о законе и благодати, не взирая на то, что в евангельской цитате, поставленной в самом его начале, говорится об «избавлении» богом лишь одного из них.

Таков первый, но далеко не единственный пример полного поглощения, растворения евангельской цитаты в сочинениях Илариона. Но, утратив свой первоначальный смысл и «растворившись» в Слове о законе и благодати, эта цитата не только сообщила его первому и основному тезису непререкаемый — по тому времени — авторитет; она придала всему произведению свою эмоциональную окраску. Как удар большого колокола в начале праздничного богослужения, она сразу же придала речи Илариона ту приподнятую торжественность, которая эмоционально окрашивает все это произведение. Это действительно памятник «торжественного красноречия», как чаще всего — и совершенно правильно — определяют его современные исследователи древнерусской литературы [72].

Приподнятость, торжественность пронизывают Слово о законе и благодати от начала до конца. Они обусловлены его высоко патриотическим содержанием и в значительной степени достигаются умелым подбором и расстановкой библейских цитат. Некоторая часть последних употребляется не столько для раскрытия смысла, сколько для эмоциональных акцентов. Для этого автором Слова применяется совсем несложный прием. Там, где нужно сделать такой акцент, чтобы не только убедительно, но и эффектно закончить изложение какой-либо мысли, он употребляет цитаты, звучащие в кульминационные моменты праздничных богослужений. Надо знать, какое сильное впечатление производила на наших далеких предков торжественность и эмоциональная насыщенность христианского богослужения (а об этом свидетельствует начальная русская летопись — в рассказе послов в Византию князю Владимиру), чтобы понять, насколько удачен был ораторский прием, примененный автором Слова о законе и благодати. И это мог сделать священнослужитель, не только хорошо знавший богослужебные книги, но и глубоко, эмоционально их воспринимавший и умевший мастерски их «озвучивать».

Однако основной ролью библейских цитат в Слове продолжает оставаться помощь в раскрытии содержания его догматической и церковно-исторической части. И здесь автор применяет другой, не менее удачный прием: «служебное», подчиненное положение «закона» — Ветхого завета по отношению к «благодати» — к Новому завету («законъ бо предьтечя бе и слуга благодети») — доказывается цитатами из того же Ветхого завета. И хотя автор Слова в начале этой части говорит, что обилие цитат — излишество и признак тщеславия, сам он, очевидно, считал, что не превысил меры их использования даже перед аудиторией, «преизлиха насыщшейся сладости книжной». И это особенно хорошо видно при сравнении первоначальной редакции Слова о законе и благодати с третьей — «усеченно-интерполированной»,— где позднейшими переписчиками количество цитат было превышено и пошло в ущерб стройности изложения [73]. Но в первой редакции Слова его насыщенность в этом месте ветхозаветными цитатами не затемняет основную мысль автора и объясняется, вероятно, трудностью этого приема — отрицания Ветхого завета с помощью цитат из него же.

В отличие от Слова о законе и благодати, в котором заимствования из «священного писания» хоть и распределены неравномерно, но достаточно обильны, Молитва Илариона обнаруживает гораздо меньше заимствований, расположенных более равномерно. Объяснить это можно прежде всего тем, что Молитва — произведение не только самостоятельное (а не заключительная часть Слова, как думают многие исследователи), но она была написана в другое время, при других обстоятельствах, с иными целями [74].

Содержание, тональность, наконец, адресат этого произведения Илариона иные, чем в Слове о законе и благодати. Последнее, содержащее историософическую концепцию, изложенную в приподнятом, торжественном стиле, обращено к людям, к аудитории Илариона, а Молитва обращена к богу, и в ней содержатся непременные для данного жанра элементы самоуничижения, раскаяния, мольбы о милости, о пощаде. Но вместе с тем Молитва отразила субъективные переживания и настроение ее автора, а через них — конкретно-историческую ситуацию времени и места своего появления. Она вся полна тревоги ее автора за «стадо», которое только что было «исторжено из пагубы идоло-

служения». Так абстрагированный евангельский образ «доброго пастыря» неожиданно приобретает конкретно-исторический оттенок. Иларион молит бога именно о своем, немногочисленном пока «стаде» и своих «пасомых» характеризует — в полном соответствии с представлениями раннефеодального общества — как «новокупленных рабов», еще не во всем угождающих «господину своему» и даже иногда убегающих от него («быхом бегуни своего владыки»). Столь же конкретно-историчны и некоторые просьбы Илариона к богу — кроме обычных молений о прощении грехов и пощаде на страшном суде: «Пока стоит мир, не наводи на нас напасти искушения, не предавай нас в руки чужих, чтобы не прослыл твой город плененным, а стадо твое — пришельцами в земле несвоей», — говорит он, явно имея в виду судьбу еврейского народа. «Продолжи милость твою на людях твоих, ратные прогоняя; мир утверди, врагов укроти, в голод дай хороший урожай, сделай наших владык грозными для соседей, бояр умудри, города расшири», — просит Иларион. Все это было необходимо и существенно потребно русскому народу в те и на будущие времена.

Значение заимствованных элементов в Молитве минимально. Она настолько полна эмоциями автора, настолько искренне отражает тревогу «пастуха» за врученное ему «малое стадо», что ему не нужно было чужих слов. В Молитве талант и личность Илариона раскрываются совсем с другой стороны, по своим же литературным достоинствам она не уступает Слову о законе и благодати. И не только из-за своего богослужебного применения Молитва Илариона получила в дальнейшем гораздо большее распространение, чем Слово, — ее постоянно переписывали в Служебники и Требники еще в XV—XVII вв. История России последующих веков, особенно судьба «матери ее градов» Киева, такова, что больше было случаев молить бога избавить от беды, чем ликовать по поводу событий такого масштаба, как те, что отразились в Слове о законе и благодати [75].

Различие — количественное и качественное — использования источников в разных произведениях Илариона должно быть предметом специального литературоведческого исследования. Намеченные контурно, в основных чертах направления источниковедческого анализа этих произведений должны быть продолжены с привлечением большего материала и более разнообраз-

ных методов исследования. Для целей же историко-книжных достаточно установить тот круг источников, которым располагал Иларион, и главные приемы их использования. Кроме отмеченных выше,— на основании исследования Л. Мюллера и как бы «лежащих на поверхности» — источников сочинений Илариона — богослужебных и патристических книг, специальный литературоведческий анализ, несомненно, обнаружит еще новые произведения, которые знал один из первых русских писателей[76]. Откуда мог все это почерпнуть Иларион? Ответ на этот вопрос приводит нас к библиотеке Ярослава Мудрого.

Обратимся вновь к свидетельству Повести временных лет о создании первой русской библиотеки, процитированному в предыдущей главе. Поводом к организации книгописания и основанию библиотеки была, по словам летописца, любовь князя к церковной службе и ее исполнителям, особенно к «попам-черноризцам», т. е. иеромонахам. Забота Ярослава о церквах и священнослужителях отмечается в летописи и немного ниже, где говорится об Иларионе: «Ярославу любящю Берестово и церковь ту сущою святыхъ Апостолъ, и попы многи набдящю, в них же бе презвуторъ именем Ларионъ»[77]. Важно отметить, что, говоря в обоих случаях о «попах», летописец лишь Илариона называет «пресвитером» — греческим, «книжным» словом, хотя и обозначающим тот же самый духовный сан, но в памятниках преимущественно канонических, переводных. Уже этим словом летописец выделяет Илариона из окружающей его среды — придворного духовенства Ярослава. И нетрудно предположить, что Иларион,— вероятно, главный и самый любимый князем священник, которого он вскоре поставил во главе русской церкви,— имел доступ к книгам, которые переводились и переписывались для Ярослава. Став же в 1051 г. митрополитом и переселившись к Софийскому собору, Иларион оказался уже в непосредственной близости к княжеской библиотеке. Таким образом, обстоятельства жизни Илариона, о которых так мало сохранилось сведений, по всей вероятности, благоприятствовали его литературной деятельности. В какой мере и как воспользовался он этими благоприятными обстоятельствами — об этом достаточно полно свидетельствуют сами произведения Илариона, точнее — их источниковедческий анализ, некоторые результаты которого были показаны в этой главе.

Так, «в лоне» первой русской библиотеки, одним из приближенных к Ярославу Мудрому книжников, были созданы первые произведения русской литературы двух ее древнейших жанров — ораторского искусства и гимнографии. Созданные на базе переведенных и переписанных книжниками Ярослава Мудрого произведений богословской, преимущественно византийской, литературы, сочинения Илариона сами вскоре и надолго становятся источниками заимствований для многих писателей последующих поколений — вплоть до неизвестного автора XVI в. Похвального слова московскому князю Василию III [78] и знаменитого оратора конца XVIII в. митрополита московского Платона [79]. И не только русскими писателями использовались в дальнейшем сочинения Илариона: установлен факт знакомства с ними сербского писателя XIII в. Доментиана, жившего на Афоне [80], есть основания предположить это знакомство и у армянского писателя XII в.— католикоса Нерсеса, жившего в Малой Азии [81].

Важно отметить, что сочинения Илариона послужили источниками произведений не только тех же, но и некоторых других жанров, в том числе для русской историографии: его цитирует, например, галицко-волынский летописец под 1289 годом (в Ипатьевской летописи) [82]. И сразу же встает вопрос о взаимоотношениях Илариона с его современниками — создателями той самой Повести временных лет, которая сохранила сведения о его жизни и деятельности и где дается ему столь краткая и выразительная характеристика как «книжнику». Прямых свидетельств участия Илариона в начальном русском летописании не сохранилось, и приходится обращаться к косвенным. К таковым относятся прежде всего многочисленные совпадения текста Повести временных лет с сочинениями Илариона, давно уже замеченные исследователями.

В настоящее время существует не меньше шести или семи точек зрения на характер связей между Повестью временных лет и Словом о законе и благодати. Их можно разделить на две, количественно неравные группы. К первой относится мнение Е. Е. Голубинского, который характеризует взаимоотношения между двумя названными произведениями как взаимное отрицание, антитезу [83]. Подавляющее же большинство исследователей находят между ними согласованность, сходство, обусловленное либо восхождением к общему источнику [84], либо общностью

автора[85], или, наконец, влиянием Слова о законе и благодати на Повесть временных лет, либо обратным[86]. Недавно была предпринята убедительная попытка объединить все перечисленные мнения и доказать, что различные части Повести временных лет имеют различные отношения с отдельными произведениями Илариона[87]. Так, например, антитеза усматривается в отношении обоих памятников к князю Владимиру: в летописи подробно рассказывается о его многочисленных и разнообразных грехах до принятия христианства, а в Слове о законе и благодати этого нет потому, что по своему жанру и предназначению оно является панегириком крестителю Руси. Общие места следует искать не в еврейско-хозарской литературе, как рекомендует Г. М. Барац, а в произведениях, близких по жанру и назначению — например в «Исповедании веры» Михаила Синкела,— для Исповедания веры Илариона. Что же касается вопроса о влиянии Повести временных лет на Слово о законе и благодати, или последнего на первую, то он непосредственно связан с вопросом об авторах этих произведений.

Вернемся, однако, к истории изучения взаимоотношений между Повестью временных лет и сочинениями Илариона. «Ряд общих мест» между ними был отмечен в свое время А. А. Шахматовым, который писал, что «их так много, что это нельзя объяснить случайностью»[88]. Д. С. Лихачев пишет: «И „Слово" Илариона и „Сказание" (речь идет о гипотетическом «Сказании о распространении христианства на Руси».— *Н. Р.*) основываются на общем материале выдержек из «священного писания». Можно было бы думать, что совпадения эти случайны, если бы цитатный материал не был сопровожден одинаковыми замечаниями у Илариона и у автора «Сказания»[89]. Приводя примеры такого «общего цитатного материала», Д. С. Лихачев отмечает, что он содержится и в Слове, и в «Сказании» «в одинаково свободной передаче». Считая, что нельзя установить ни зависимости «Сказания о распространении христианства на Руси» от Слова о законе и благодати, ни обратного влияния, он приходит к выводу, что «автором обоих произведений было одно лицо — Иларион, или тесный круг Ярославовых книжников»[90].

Допуская такое предположение наряду с гипотезой о существовании «Сказания о распространении христианства на Руси», необходимо иметь в виду, что сама Повесть временных лет,

включившая в свой состав «Сказание», писалась все-таки не «Ярославовыми книжниками», а монахами Киево-Печерского монастыря.

Обращаясь к вопросу о книгописании и о существовании в Киево-Печерском монастыре собственной библиотеки, следует прежде всего отметить, что там — еще при жизни Антония — были греческие книги. В Киево-Печерском патерике — в «Слове о пришествии писцев церковных (живописцев.— *Н. Р.*) к игумену Никону от Царя-града», в подтверждение версии о том, что они «живот свой скончашася в Печерском монастыри... в мнишеском житии», говорится: «Суть же и ныне свиты ихъ на полатах и книгы их греческия блюдомы в память такового чудеси» [91]. И хотя в приведенной цитате прямо говорится, что книги эти во времена создания Киево-Печерского патерика скорее всего уже не читались, а хранились как реликвия, свидетельство о нахождении в Киеве в XI в. греческих книг не только в княжеской библиотеке заслуживает внимания. А может быть, и не читали их в XIII в. в монастыре потому, что уже в XI в. они были в нем переведены на русский язык?

Все сказанное дает основание предположить существование в Киеве, уже в середине XI в., второго, наряду с княжеской библиотекой-скрипторием, монастырского центра книгописания. И только этим предположением можно объяснить начало в это же время в Киево-Печерском монастыре летописания, среди источников которого исследователями обнаружено так много и столь разнообразных, в том числе зарубежных, источников.

В Житии Феодосия Печерского, заложившего организационные основы Киевского монастыря и введшего в нем Студийский устав, по которому монахам вменяется в обязанность писание книг, последнее описывается достаточно подробно. При этом зафиксировано и разделение труда в процессе создания книги на всем его протяжении — от написания текста до переплетения. Про «черноризца Лариона», который был «книгам хитр писати», говорится следующее: «и съй по вся дьни и нощи писаше книгы в келии... Феодосиа, оному же Псалтырь поющу усты тихо и рукама прядущу вълну» (вероятно — нитки для сшивания листов книги в тетради.— *Н. Р.*) [92]. Про другого книжника сказано: «Многажды же великому Никону седящу и строащу книгы и блаженному (Феодосию. — *Н. Р.*) въскрай его седящу и пряду-

щу вервие еже на потребу таковому делу», — т. е. для окончательного оформления переплетов книг [93].

В этом древнейшем в истории русской книги описании того, как они «строились»,— названы имена двух известных писателей второй половины XI в. Феодосию, этому «во всяком случае крупному писателю Киевской Руси» [94] — приписывается сочинение многих произведений различных религиозно-нравоучительных и церковно-полемических жанров [95], а Никона считают одним из основателей русского летописания. Существует и гипотеза М. Д. Приселкова об отождествлении Никона с Иларионом — популярная, упоминаемая едва ли не всеми исследователями, вплоть до авторов учебников, но далеко не всеми признаваемая [96]. Однако если находят возможность, при некоей доле воображения, увидеть в Никоне Илариона, принявшего схиму и переменившего при этом свое имя, то почему не предположить более простое: упоминаемый летописцем Нестором в Житии Феодосия Печерского «черноризец Ларион», который был «книгам хитр писати»,— не был ли в прошлом митрополитом Киевским? Если предположить его «разжалование» из митрополитов, вероятно, с лишением архиерейского сана [97], то почему не подумать, что он окончил дни свои простым монахом того самого монастыря, в котором им была выкопана первая пещера. С точки зрения канонической такая версия будет даже более правдоподобной, чем гипотеза об отождествлении Илариона с Никоном. Уже в первой рецензии на книгу М. Д. Приселкова было отмечено, что принятие схимы епископом лишало его всякого духовного сана [98]; Никон же, по единодушному свидетельству источников, еще при Антонии пришел в монастырь священником и был потом в этом сане игуменом монастыря.

Не буду, однако, отягощать неведомую биографию Илариона еще одной гипотезой и поэтому не настаиваю на высказанном предположении о тождестве двух упоминаемых в летописи Иларионов. В сущности, это не так уж важно. Важнее то, что митрополит Иларион имел несомненное отношение к писателям из Киево-Печерского монастыря. Ведь общность с сочинениями Илариона отмечается не только в Повести временных лет, но и в некоторых других литературных произведениях монахов того времени, например в «чтении» о Борисе и Глебе — первом произведении оригинальной русской агиографии [99]. Круг русских

писателей в XI в. был еще не очень широк, и невозможно представить себе отсутствие контактов между двумя существовавшими в то время центрами книгописания — княжеским и монастырским. Поэтому не имеет особого значения вопрос о том, были у Илариона личные контакты с основателями Киево-Печерского монастыря и его писателями, или же последние хорошо знали и использовали в своем творчестве произведения первого. Второе представляется не менее вероятным, чем первое.

Сравнение сохранившихся сведений о двух существовавших в Киеве в середине XI в. центрах книгописания дает возможность характеризовать их как различные по типу организации и направленности. И неслучайно, конечно, что Повесть временных лет не сохранила имени ни одного из тех «писцов многих», которых собрал Ярослав для перевода и переписки книг. Среди них, вероятно, не было ни одного, поднявшегося выше уровня переписчика или компилятора типа составителя Изборника 1076 г. Зато в Печерском монастыре, где вероятнее всего не было скриптория, а книги «строились» по кельям — так, как описано Нестором в Житии Феодосия и как полагалось по Студийскому уставу,— уже в самом начале его существования появились настоящие писатели. Поэтому именно там, а не в княжеском скриптории, началось и развилось летописание. И Илариона, какова ни была его судьба после смерти в 1055 г. его покровителя, князя Ярослава Мудрого, следует скорее причислить «к лику» киево-печерских писателей, чем к числу книгописцев и переводчиков княжеского скриптория. Во всяком случае, он является своего рода связующим звеном между двумя киевскими центрами книгописания. Поэтому в равной степени его можно предположительно считать участником составления «Сказания о распространении христианства на Руси», если, соглашаясь с Д. С. Лихачевым, признать, что оно было составлено «в тесном кругу Ярославовых книжников», и одним из зачинателей русского летописания. Только так и можно объяснить те многочисленные совпадения Повести временных лет с сочинениями Илариона, о которых было сказано в настоящей главе [100].

В лице Илариона-«книжника», талантливо использовавшего в своем оригинальном творчестве широкий круг источников, наглядно видно становление и утверждение в русской литературе одного из первых ее писателей. Это становление немыслимо

представить себе в отрыве от начального периода истории книги и библиотек в нашей стране. Иларион имел отношение к обоим центрам производства книги в Киеве в середине XI в., что помогло ему стать одним из первых русских писателей. Таковым он не стал бы, конечно, если бы не обладал еще и природным дарованием, писательским талантом; сочетание последнего с возможностью пользоваться плодами появления книжности в нашей стране и сделало «книжника» Илариона одним из первых русских писателей.

Главным же и решающим благоприятным условием для появления в те времена из среды «книжников» писателей — в современном смысле этого слова — было зарождение русской общественной мысли. «Развивающееся национальное самосознание потребовало исторического самоопределения русского народа. Надо было найти место русскому народу в той грандиозной картине мировой истории, которую давали нам переводные хроники и рано возникшие на их основе компилятивные сочинения» [101]. И это место было найдено совместными усилиями первых русских писателей, основоположников двух старейших жанров русской литературы — летописания, к которому относится приведенная цитата, и ораторского искусства. В Слове о законе и благодати историософическая концепция прозвучала так громко, убедительно и блистательно по своей форме потому, что его автор имел твердые и ясные философско-эстетические убеждения. Поэтому не случайно, что в настоящее время редкая серьезная книга по истории русской общественной мысли, философии и эстетики, выходящая в нашей стране, обходится без упоминания в своих первых главах имени митрополита Илариона. И в заключение главы, посвященной автору первого «Слова» русской литературы, следует остановиться на характеристике Илариона, которая дается ему в книгах современных советских авторов.

Еще в 1955 г. в «Очерках по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР» было написано: «Передовая общественно-политическая мысль утверждала идею независимости и величия Руси. В „Слове о законе и благодати"... автор его Иларион выступает как против мистического учения о том, что богом „избран" лишь один народ, так и против идеи вселенского царства или вселенской церкви (Рим, Византия),

поглощающих отдельные народы. Иларион был проникнут гордостью за свою страну, которая, по его выражению, вошла в круг спасенных богом стран и заняла в нем равное с другими странами место»[102].

В первом издании «Истории русской философии», недавно повторенном, в главе «Образованность и уровень философских знаний в Киевской Руси», читаем: «Характеризуя Киевскую Русь как общество, основанное на принципе „благодати“, митрополит Иларион стремится теоретически обосновать государственную самостоятельность и международную значимость русской земли»[103]. В новейшей многотомной истории философии народов нашей страны Иларион выступает уже на более широком фоне, в ряду не только русских мыслителей.

Утверждая, что «особую область в социологической мысли народов СССР эпохи средневековья составляли идеи и концепции, пытавшиеся уяснить место того или другого народа во всемирно-историческом процессе, определить главные моменты в истории народа, уловить смысл исторических событий, происходящих в стране, будущие судьбы народов и т. д.», авторы заявляют, что «такого рода социологическая концепция была представлена Иларионом в его Слове о законе и благодати»[104]. Об Иларионе в этой книге говорится еще два раза — в главе, посвященной развитию эстетической мысли в нашей стране, и в главе о связях философских и эстетических идей Илариона с аналогичными идеями в истории народов других, в том числе и зарубежных стран[105].

Что же касается советских книг по истории эстетической мысли в нашей стране, то в соответствующем хрестоматийном издании был опубликован небольшой отрывок из Слова о законе и благодати с таким примечанием: «Киевский митрополит Иларион, философ, борец за единство родной земли... прямо выражает идею единой Руси в качестве гражданского и эстетического идеала»[106].

Более подробно и обстоятельно говорится о вкладе Илариона в историю русской эстетики в книге, специально ей посвященной. Первый русский митрополит ставится в ней в ряд «мыслителей», в котором названы имена еще двух древнерусских писателей — Кирилла Туровского и Нила Сорского. «В произведениях русских мыслителей проблема познания с особенной

глубиной ставится в сочинении митрополита Илариона... В этом сочинении за догматической формой (сравнение веры Моисея с верой Христа) скрывается глубокий смысл и ряд ценнейших догадок о возрастающем, меняющемся характере истины. Иларион пишет, что «закон», догма есть предписание только для рабов, их удел, в то время, как «благодать» — «истина» служит людям свободным, веку будущему, жизни бессмертной... Закон — необходимость; истина — свобода, поэтому истина бесконечно выше закона... Духовная свобода отождествляется с познанием»[107].

Во всех приведенных высказываниях, а последние из них ближе всего к тексту Слова о законе и благодати, варьируется, в сущности, одна и та же мысль: заслуга Илариона заключается в том, что оперируя доступными, наиболее авторитетными для него самого, а также для его слушателей и читателей средствами, он выдвинул и обосновал патриотическую идею величия Руси, определил место своей страны в мировой истории. Попутно отмечается его вклад в развитие проблемы познания мира и русской эстетики. Но только ли в этом состоит заслуга Илариона и заключается его вклад в историю русской общественной мысли, философии и эстетики? Для ответа на данный вопрос обратимся к идейно-политическому содержанию сочинений Илариона. Полемика по поводу его определения возникла еще во второй половине прошлого столетия, когда эти сочинения стали изучаться. И она отразилась в высказываниях советских исследователей, в том числе в книгах по истории русской философии и эстетики.

Если сравнить оценку идейно-политического содержания Слова о законе и благодати дореволюционными и советскими исследователями, то сразу же бросается в глаза, что первые больше интересовались, *против кого* оно направлено, а вторые,— тем, *за что* ратует автор. И, кроме такой перестановки акцентов, не видно, чтобы советские исследователи истории русской общественной мысли внесли что-то принципиально новое в оценку творчества Илариона. У советских же литературоведов в этой оценке намечается иной, более широкий подход к изучению текстов сочинений этого писателя.

«Тема „Слова" — это тема равноправия народов... Иларион создает собственную патриотическую концепцию всемирной ис-

тории... Он настойчиво выдвигает вселенский характер христианства Нового завета, „благодати“, сравнительно с национальной замкнутостью Ветхого завета, „закона“. Подзаконное состояние при Ветхом завете сопровождалось рабством, а „благодать“, Новый завет — свободой. Ветхий завет имел временное и ограниченное значение, Новый завет вводит всех людей в вечность»,— писал Д. С. Лихачев еще в 1958 г.[108] И в данной цитате, в отличие от всех других, приведенных в этой главе, подчеркивается особенность патриотизма Илариона, патриотизма — если можно так выразиться — не за счет других народов. И «вселенский характер» у него содержит не какая-либо национальная церковь или государство, но все христианство в целом. А Ветхий завет не обусловил рабство, не был — как утверждает К. В. Шохин — «предписанием» или «уделом» рабов, а лишь сопровождался рабством. Со всем этим нельзя не согласиться, прочитав внимательно текст сочинений Илариона.

Что же все-таки давало и продолжает давать повод находить в них направленность против других народов? Для ответа на этот вопрос обратимся к конкретно-исторической ситуации времени жизни и деятельности Илариона.

Византийская империя, передавшая славянским народам свою религию, сразу же после этого стала претендовать на верховное политическое или, по крайней мере, духовное руководство в славянских странах, в том числе и на Руси. И всякое выступление против этих претензий объективно становилось фактом борьбы за национальную независимость — как политическую, так и культурную. Назначение же Илариона на пост главы русской церкви, сделанное, по всей вероятности, без согласия константинопольского патриарха, давало ему не только повод, но и право в своих сочинениях выступить против Византии. Но воспользовался ли он этим правом? Внимательное чтение сочинений Илариона дает основание ответить на этот вопрос отрицательно: в них нет ничего, направленного не только против греческого народа, но даже против византийской церковной иерархии. Он оказался выше антивизантийских настроений, существование которых в годы правления Ярослава Мудрого трудно отрицать, хотя не следует и преувеличивать.

В еще более сложном положении оказался Иларион в отношении к иудейской религии. И хотя нет никаких оснований пред-

полагать, что его современникам-киевлянам грозила какая-нибудь опасность со стороны немногочисленных и неорганизованных приверженцев этой религии, сопоставление «веры Моисея» с «верой Христа» таило в себе опасность за догматическими расхождениями усмотреть национальную неприязнь. Кроме того — и это главное — иудейское вероучение и в особенности его гимнография занимают слишком большое место в христианском культе: укажу хотя бы на обильное использование в нем текста Псалтири. И надо было быть гениальным мыслителем, чтобы так истолковать и изложить соотношение между Ветхим заветом и христианством, как это сделано в Слове о законе и благодати.

Новизна, оригинальность, смелость понимания и изложения догматических основ христианского вероучения, проявленная в этом произведении, позволяет не только видеть в его авторе выдающегося мыслителя и писателя, но и предположить в нем смелого реформатора. В подтверждение этого можно привести новейшее толкование одного из немногих известных по историческим источникам фактов биографии Илариона, — толкование, опирающееся на внимательное прочтение Слова о законе и благодати советским исследователем истории русского права.

В начале одного из старейших русских юридических памятников — Устава князя Ярослава о церковных судах — говорится: «Се яз князь великий Ярослав сын Володимерь по данию отца своего съгадал есмь с митрополитом с Ларионом, сложил есмь греческии номоканун; аже не подобаеть сих тяжь судити князю, ни бояром — дал есмь митрополиту и епископом». Сопоставляя первую часть этой фразы со словами Илариона в конце Слова о законе и благодати — о том, что князь Владимир «с новыими нашими отци епископы сънимаяся чясто... съвещаваашеся како в человецехъ сихъ новопознавшиих господа законъ уставити», — Я. Н. Щапов предполагает, что Ярослав Мудрый последовал примеру своего отца — «съгадав», т. е. посоветовавшись с митрополитом Иларионом, осуществил частичную реформу церковного права. Она — как доказывает тот же автор — настолько противоречила византийскому церковному праву, что дает основание понимать значение слова «сложил» в данном случае как «отменил» [109]. Если это действительно было так, — а Я. Н. Щапов приводит к тому достаточно убедительные доказательства, — то

открывается еще одна сторона личности первого русского митрополита. Не выступая против традиционной богословской догматики, но лишь блестяще толкуя и популяризируя ее, он выступил против некоторых статей византийского церковного права. И сделать это он был вынужден потому, что отдельные статьи греческого Номоканона не только противоречили правовым традициям Киевской Руси, но и не соответствовали социально-экономическим условиям этого государства.

Человеком широкого кругозора, мудрым, смелым политическим деятелем представляется, как по сохранившимся биографическим сведениям, так и по своим произведениям древнерусский «книжник» один из основоположников русской литературы. Все эти качества выдвинули Илариона из окружавшей и воспитавшей его среды, сделали его помощником князя, проводившего твердую внешнюю и внутреннюю политику, направленную к укреплению международного авторитета Киевского государства, его политической и идеологической независимости. И хотя после смерти Ярослава Мудрого ему не нашлось достойного преемника, а Иларион исчез с поста главы русской церкви, — оба они оставили о себе память не только в похвалах летописцев, но и в произведениях русского зодчества, изобразительного искусства и литературы: Ярослав — Софийским собором с его мозаиками и фресками, а также оборонительными сооружениями Киева, Иларион — своими литературными произведениями. Оба они вошли и в историю русской книги: первый — организацией перевода и переписки книг, созданием первой русской библиотеки; второй — тем, что, выйдя из среды окружавших Ярослава «книжников», стал первым русским писателем, автором книг.

* * *

Сопоставление сочинений Илариона — результата его начитанности, умноженной на талант писателя, воодушевленной патриотизмом и утвержденной на прочных философских убеждениях — с плодами деятельности других современных ему «книжников» дает возможность попытаться различить — хотя бы для XI в., первого столетия русской литературы — понятия «книга» и «литературное произведение», которые иногда путают советские историки книги [110].

Так, например, диакон Иоанн в одном случае переписал, а в другом «сочинил» книгу, скомпилировав ее из отрывков многочисленных религиозно-нравоучительных произведений, добавленных его собственными сентенциями. Митрополит Иларион — на основании аналогичного, но более широкого круга источников — написал самостоятельные литературные произведения различных жанров. В первом из них — Слове о законе и благодати — он не только скомпилировал, но и радикально переосмыслил свои источники, использовал их для создания своей собственной историософической концепции.

Сочинения Илариона начали свое существование, вероятно, в форме книги — наподобие современного собрания сочинений одного автора [111]. Но будучи различными по своим жанрам и предназначению, они переписывались в дальнейшем в различные по целям использования книги: Слово о законе и благодати — в четьи сборники, преимущественно в так называемые «Торжественники», а Молитва — в богослужебные книги — Требники и Служебники. Так созданные на материале различных книг литературные произведения сами становились источниками текстов для последующих книг. И это — один из примеров относительности, вернее — вариативности понятий «книга» и «литературное произведение», показывающий, что первая в старину была не только формой, внешней оболочкой последних. Однако для определения понятия «древнерусская рукописная книга» недостаточно данных анализа лишь ее содержания: ее следует рассматривать как синтез словесного и оформительского изобразительного искусства, обусловленный функциональным (по предназначению) размежеванием книги в первые века распространения христианской письменности в славянских странах и в Киевской Руси.

Надо постоянно иметь в виду, что старейшие среди сохранившихся русских книг были предназначены либо для непосредственного использования в церковном ритуале, при «словесной службе» — как назвал литургию один из ее составителей Иоанн Златоуст, — либо для разъяснения догматов христианского вероучения. Евангелие, например, в церкви не только читали — в некоторые моменты богослужения оно инсценировало самого Христа: первый вынос этой книги из алтаря во время литургии символизировал то, что изображено на знаменитой картине

Александра Иванова. Поэтому при изучении старейших книг не следует ни на минуту забывать об их культовом предназначении, наложившем неизгладимый отпечаток не только на их содержание, но и на внешнее оформление. Что же касается четьих книг, то большинство старейших из них тесно — тематически и по предназначению — связаны с богослужебными. Таковой является уже первая и старейшая из известных на Руси датированных четьих книг — Изборник Святослава,— как это явствует уже из ее заглавия. И, хотя заглавие и целевое назначение этой книги, точнее — ее болгарского и греческого оригиналов — понималось достаточно широко и в нее были включены произведения не только отцов церкви, но и, например, знаменитый трактат греческого филолога VI в. н. э. Георгия Хиробоска, на фронтисписах этой книги иллюстрировано, буквально переведено на язык изобразительного искусства ее заглавие: нарисованы лишь «святые отцы», стоящие в церкви, — так, как они изображаются на иконах, т. е. строго фронтально, с их обязательными атрибутами.

Сказанное относительно значения художественного оформления старейших русских книг — о непосредственной его связи с содержанием и предназначением последних — делает необходимым обратиться специально к этому вопросу в следующей главе, посвященной сравнительному анализу художественного оформления старейших среди сохранившихся русских книг, а также зарождению основных тенденций дальнейшего развития художественного оформления русской книги, причем не только роскошной, «подарочной», но и «рядовой», массовой. Именно в ней, в книге массового производства, чаще всего наблюдается расхождение оформления с содержанием, породившее тенденции дальнейшего развития орнаментации книги. Если из инициалов Остромирова евангелия смотрят «очеловеченными» — по выражению А. Н. Свирина — глазами какие-то неведомые химеры, то в заголовках и инициалах книг, которые изготовлялись не по «персональному заказу», появляются живые человеческие лица, очертания предметов повседневного обихода, фигуры домашних животных. Все это отразило непосредственные, или опосредованные через произведения прикладного искусства, впечатления создателей книги от окружавшего их быта, ставшие стимулом и наметившие пути дальнейшего развития книжной орнаментики.

* III *

О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОФОРМЛЕНИИ СТАРЕЙШИХ РУССКИХ КНИГ

ОСТРОМИРОВО евангелие и Изборник Святослава являются законченными образцами письма и художественного оформления книги. И невозможно представить себе, чтобы оба эти роскошные экземпляра не оставили следов в дальнейшем развитии искусства книги в России. Вместе с тем они являются звеньями, связующими это искусство с Византией и славянскими странами, чему способствовало появление и развитие международного книгообмена, обусловленного в те времена не только церковно-иерархическими, но и династическими связями [112]. Необходимо рассмотреть, какие именно элементы художественного оформления этих двух книг сохранили традиции предшествующего периода истории искусства названных стран и что было привнесено в старейшие русские книги их художниками-оформителями. Последнее особенно важно выяснить после того, как в первых главах предлагаемой книги шла речь об активном, творческом отношении русских книжников, даже переписчиков к текстам своих оригиналов и первоисточников.

Во времена христианизации славянских народов греческие книги были для славянских книжников не только источниками текстов, но и образцами художественного оформления. Само появление во II в. н. э. книги-кодекса, пришедшего на смену свитку, связано с распространением христианства [113]. И можно было бы предположить, что художественное оформление греческих Евангелий тщательно копировалось в славянских странах; однако сохранившиеся славянские книги XI в. далеко не полностью подтверждают это предположение.

К X в. христианство в Византии насчитывало уже много столетий своего существования, и Евангелие существовало там не только в качестве богослужебной книги. Поэтому распространенной его формой было так называемое Тетраевангелие, в котором один и тот же кодекс был одинаково применим как для богослужения, так и для домашнего чтения. Для первого эта книга должна быть снабжена указателем церковных чтений в

течение года — «каноном», который помещался на начальных листах обычно в богато украшенных аркатурных рамках, напоминающих архитектурные конструкции. Иногда текст византийских тетраевангелий не только снабжался изображениями евангелистов, но и иллюстрировался.

В славянских странах Евангелие чаще всего существовало в форме так называемого Апракоса, будучи переписанным не в четырех частях, по евангелистам, а в порядке чтения текстов при богослужениях в течение всего года, начиная с первого дня Пасхи. Из-за этого сразу же отпала необходимость в разрисованных канонах. Оставаясь в первые века христианства в славянских странах исключительно богослужебной книгой, Евангелие, естественно, не нуждалось в иллюстрациях: его текст воспринимался в храмах молящимися на слух, а изнутри его видели только церковнослужители, которые чаще всего выступали и в роли писцов книг. Отсюда открывались возможности внесения в художественное оформление Евангелий, в порядке импровизации, черт прикладного искусства, которое — в отличие от христианской иконографии — имело уже в славянских странах свои многовековые традиции. Все это особенно четко и выпукло отразилось в оформлении Остромирова евангелия.

Один из первых исследователей его художественного облика — В. В. Стасов считал миниатюры «чисто византийскими», но «заглавные буквы», по его мнению, «заключают особенности, которых нет ни в русских, ни в византийских заглавных буквах IX, X и XI века» [114].

Современные исследователи находят в инициалах Остромирова евангелия восточные и южнославянские черты [115]. Реже отмечается в его оформлении влияние искусства западноевропейских народов, хотя это представляется вполне возможным, так как следы названного влияния отразились в содержании старейших русских книг — в первых памятниках древнерусской литературы [116]. Поэтому логично было сравнить Остромирово евангелие, например, с сохранившимися чешскими книгами аналогичного содержания и близкими по времени: Вышеградским (около 1086 г.) и Святовитским (нач. XII в.) кодексами [117]. Именно древние чешские книги латинского письма наиболее отразили влияние художественного оформления западноевропейских книг.

В Остромировом евангелии элементы византийского орнамента сохранились в большем числе и в значительной близости к орнаментации современных ему греческих книг. Но их постоянное сочетание в инициалах с какими-то химерическими элементами находит аналогии в западноевропейских и чешских кодексах тех веков. И объяснить эту общность можно двумя причинами. Во-первых, зооморфические инициалы европейских книг XI—XII вв. являются откликами дохристианских тотемистических представлений, получивших распространение в прикладном искусстве. В орнаментации же чешских кодексов тех веков, несомненно, отразились и пережитки древнейшей общеславянской мифологии; поэтому их инициалы схожи, хотя и отдаленно, — по принципу построения — с заглавными буквами Остромирова евангелия. Во-вторых — и это главное — история русской и чешской книги во времена создания древнейших из сохранившихся ее памятников находились на одинаковом, начальном этапе своего развития. В равной степени испытывали они и влияние искусства соседних стран, в первую очередь прикладного, памятники которого были тогда распространены гораздо шире, чем книги. И прежде всего это относится к Византии: памятники ее искусства получили распространение по всем европейским странам, испытывая на себе встречное влияние местных художественных традиций.

Из памятников византийского прикладного искусства, как давно уже было замечено, в орнаментации Остромирова евангелия особенно ощутимо отразились так называемые перегородчатые эмали. Их влияние заметно, прежде всего, в технике орнаментации инициалов: составляющие их разноцветные ленты окантованы тонкими золотыми полосками. В миниатюрах «эмальерная техника» проявляется в ювелирной разделке тончайшими золотыми линиями складок одежды. Форма же рамки, в которую заключены две из трех миниатюр Остромирова евангелия — так называемый квадрифолий,— получила распространение не только и даже преимущественно не в византийском, а в западноевропейском искусстве. Преодоление византийских традиций заметно не только в обрамлении миниатюр, но и в иконографии евангелистов.

Так, в первой из них, изображающей евангелиста Иоанна с его учеником Прохором, допущена «вольность»: по верхней

кромке квадрифолия шагает лев, заглядывающий внутрь, в лицо евангелисту. Это — согласно общераспространенному мнению — символическое изображение Христа не было непременной принадлежностью изображений евангелиста Иоанна в греческих Евангелиях. Вторая миниатюра — евангелист Лука — выполнена, начиная с квадратной, типично византийской рамки, более традиционно; однако фигура Луки, изображенного в движении — привставшим с сидения и протянувшим руки к своему символу — для византийских миниатюр также необычна. Третий евангелист — Марк изображен с минимальным реквизитом, без «палатного письма», как у Луки; отсутствует даже кресло с подушкой-валиком, как у Луки и Прохора — евангелист посажен на выступ рамки.

Известный советский искусствовед В. Н. Лазарев отметил, что символы евангелистов в правом верхнем углу миниатюр Остромирова евангелия «не встречаются в восточнохристианских и византийских рукописях и, наоборот, очень распространены в каролингских и оттоновских манускриптах». «Необычны для византийских рукописей и инициалы» — продолжает тот же автор, говоря об их «реалистических личинах и не менее реалистически трактованных зооморфных мотивах». В заключение делается вывод: «Вполне возможно, что художники, работавшие над украшением Остромирова евангелия, видели образцы западного книжного искусства, завезенные в Киев полячкой Гертрудой, женой Изяслава» [118].

Таким образом, художественное оформление Остромирова евангелия не целиком и не механически заимствовано из современных и предшествующих ему византийских книг: оно является конгломератом активно, творчески усвоенных художественных традиций Византии, Востока и Запада. Посредниками же в передаче этих разнообразных и разноместных художественных традиций были народы как южнославянских, так и западнославянских стран; последнее подтверждается сохранившимися чешскими книгами конца XI — начала XII вв. Дальнейшее исследование этого вопроса — с привлечением материала других западнославянских, а также западноевропейских стран — дело специалистов-искусствоведов.

Попытки самостоятельного решения задачи создания художественного облика книги в Остромировом евангелии находят ана-

логии в его содержании. «Вольностей» при переписке его основного, канонического текста — «священного», читавшегося «во всеуслышание», конечно, не могло быть допущено. Но в той части книги, которая не читалась вслух, а лишь указывала, что и когда надлежало читать, проявлена некоторая инициатива. Речь идет о «Месяцеслове» — указателе чтений не по пасхальному циклу, а по календарным датам. В нем, наряду с византийскими святыми, которых, естественно, подавляющее большинство, представлены и отдельные святые славянских стран, а также древнеславянские названия некоторых месяцев. Все это дало основание современному исследователю происхождения Месяцеслова Остромирова евангелия сказать, что в его создании «участвовали все ветви славянских народов: западная, южная и восточная» [119].

Оригинальность художественного облика Остромирова евангелия ярче всего обнаруживается в сравнении с Мстиславовым евангелием начала XII в., когда наблюдается усиление византийского влияния на русское искусство. Больше всего сходства между ними — в орнаментации заставок: в обеих книгах они одинаково близки к византийским. В миниатюрах наблюдаются уже «разночтения»: в Мстиславовом евангелии в них отсутствуют многие элементы импровизации художников Остромирова евангелия, например лев на рамке изображения евангелиста Иоанна. И менее всего похожи друг на друга инициалы этих двух книг — наиболее оригинальная часть художественного оформления Остромирова евангелия, являющаяся скорее всего результатом самостоятельного творчества русских мастеров-орнаменталистов. Даже краски инициалов Остромирова евангелия иные — не те, которыми выполнены миниатюры: они гуще, рельефнее и гораздо лучше сохранились. Если на миниатюрах, особенно на первой, краски частично осыпались, то в инициалах этого не наблюдается — за исключением первого, нарисованного в той же тетради, что и первая миниатюра, схожими с последней красками и по рисунку несколько отличного от остальных инициалов. Если еще учесть, что две из трех миниатюр Остромирова евангелия сделаны на вшитых листах и поэтому могли быть заказаны «на стороне», то смело можно предположить, что его инициалы сделаны местными мастерами, пользовавшимися для изготовления красок своими собственными, приспособленными к

местному сырью, рецептами, как это делалось, например, мастерами-фрескистами.

Остромирово евангелие первый — не только по дате, но и по степени оригинальности — сохранившийся памятник искусства книги Киевской Руси. Как уже было сказано, эта великолепная и самобытная книга не могла не оказать влияния на дальнейшее развитие художественного оформления русской рукописной книги. Однако традиции Остромирова евангелия сочетались в некоторых его «потомках» с чертами, унаследованными от второй — по дате и значимости — лицевой книги XI в. — Изборника Святослава.

Касаясь художественного оформления древнерусских Евангелий, их современный исследователь-филолог пишет: «Специфика этого типа книги... состоит в том, что в нем текст поделен на несколько сот чтений и каждое чтение начинается с большого красочного инициала» [120]. В Изборнике Святослава текст «поделен» на гораздо большее число кусков, а крупных разрисованных инициалов в нем лишь два — в начале каждой из составляющих его частей. Отсутствие в этой книге большого числа крупных инициалов — самобытного элемента художественного убранства Остромирова евангелия — объясняется не дробным делением, а иным применением его текста. Громкое ритуальное чтение в храме отрывка из Евангелия с самого начала фиксировало внимание слушателей двумя фразами — либо «Во время оно», либо «Рече господь». Для чтеца же это отмечалось зрительно — крупным разрисованным инициалом. За постоянным же повторением этих двух обязательных зачинов евангельских чтений шел всегда разный текст, что «зеркально» отразилось в инициалах Остромирова евангелия: ни один из 133 его больших инициалов «В» и 92 «Р» не повторяется. Диакон Григорий (а ему особенности ритуального чтения Евангелия были хорошо известны) сумел подобрать для разрисовки инициалов таких художников, которые оказались способными осуществить задуманную, вероятно, им неповторимость множества красочных инициалов Остромирова евангелия, а некоторые из них стремились утвердить и свою творческую индивидуальность.

Это стремление чувствуется и у художников Изборника Святослава, но возможностей для его осуществления было у них

несравненно меньше. Поэтому вариативность изображения оказалась сконцентрированной в немногочисленных элементах художественного оформления этой книги преимущественно в ее миниатюрах-фронтисписах. Однако варьируется больше не само изображение «собора святых отец» — иллюстрация заглавия книги, коллективный портрет ее авторов, а его обрамление. И оно получилось перегруженным орнаментом, составленным из множества деталей пестрой раскраски и разнообразного, преимущественно византийского рисунка.

Что же было внесено в художественное оформление этой книги при ее переписке в 1073 г.? С полной уверенностью можно назвать лишь портрет заказчика-князя с семьей и повторение славословия ему же золотым письмом в рамке, заполненной византийским орнаментом, имеющим аналогии в Остромировом евангелии и являющимся отражением влияния греческих кодексов.

Этого влияния почти не чувствуется в орнаментации заставки второй части Изборника (рис. 4). Однако и львы, нарисованные на верхней линии заставки, не похожи на хищника, шагающего по верху рамки первой миниатюры Остромирова евангелия, — играют чисто декоративную роль. Повернув головы к зрителям, они как бы позируют им и никак не связаны с текстом книги. Однако два хищника, нарисованные на нижнем поле этой страницы, напоминают того, который увенчивает первую рамку Остромирова евангелия. Только это не львы, а гепарды, и, вероятно, прирученные, в золотых ошейниках [121]. Они фланкируют сцену, сюжет которой с текстом Изборника Святослава также не связан.

Зато рисунки знаков Зодиака (рис. 2—3) являются своеобразными «иллюстративными схолиями» к ближайшему к ним тексту, и на них следует остановиться подробнее. Здесь прежде всего чувствуется непрофессионализм и непосредственность. Эти рисунки явно не позднейшего происхождения, и краски, которыми расцвечены некоторые из них — те же, которыми выполнен портрет князя с семьей [122]. Среди искусствоведов, а особенно у историков, особой популярностью пользуются изображения «девицы» и «стрельца», в которых отмечается местный, русский колорит — как в иконографии, так и в разрисовке. Мне же хочется обратить внимание на «льва» и «козьльрога», потому что

в этих рисунках без особого труда узнается тот самый хищник, который дважды изображен — в другой только позе — в упомянутой выше сцене — в начале второй части Изборника. Только у второго из них между ушами нарисован огромный рог, и оба они без ошейников.

Как уже было отмечено выше (см. рис. 1), на последней странице Изборника Святослава видно, как писец учился рисовать примитивную заставку и какого-то зверя. Первая составлена из вертикальных черточек и крючков, украшена на концах примитивным орнаментальным узором византийского рисунка. Такие же украшения изображены и среди рисунков знаков Зодиака — на конце ветки, на которой сидит птица, втиснутая между передними ногами «козьльрога», и на обоих концах стержня весов (см. рис. 3).

Описанные случаи и детали явно не профессиональных попыток дополнения художественного оформления Изборника Святослава позволяют сделать следующее предположение. Старший писец этой книги — диакон Иоанн — человек, как отмечалось выше, начитанный, во время правки текста Изборника заинтересовался статьей о созвездиях, соответствующих каждому месяцу, и решил нарисовать их. Вероятно, он видел изображения знаков Зодиака в какой-нибудь книге, быть может, знал их символику, но рисовал он явно по зрительной памяти, не срисовывая откуда-то. И при этом некоторые названия созвездий отождествил с предметами и людьми, его окружавшими, а также с животными, знакомыми ему в натуре и по памятникам изобразительного искусства. Так, например, похожего на льва зверя он видел на фреске лестницы, ведущей на хоры Софийского собора, где находилась княжеская библиотека, а чтобы сделать из него невиданного «козьльрога», достаточно было прибавить к рисунку рог [123]. Некоторые из тех рисунков знаков Зодиака, которые навеяны окружающей писца действительностью, даже надписаны несколько иначе: «левъ», «рыба», «ярьмо» (в тексте «львъ», «риба», «ярьмъ»). Эти полногласные, просторечные формы соответствуют тем, что были отмечены выше — в приписке Иоанна: «оже», «собе», «диак» (вместо «еже», «себе», «диакон»). Наконец, в тексте пропущено место, относящееся к маю, но соответствующее ему созвездие Близнецов на полях нарисовано (надписано — вертикально, между обращенными в разные

стороны головами — «близнц»). Старший писец книги, вероятно, увлекшись рисованием, восполнил ошибку своего помощника, которую не заметил при правке текста.

Так, на полях старейшей среди сохранившихся в России книг для чтения, отразилось активное восприятие ее содержания первым читателем. И неспроста, конечно, византийские Псалтири с иллюстрациями на полях получили позднее в России столь длительную традицию, просуществовав до книгопечатания [124]: зарождение такого типа «напольной» иллюстрации наблюдается уже в Изборнике 1073 г.

Обратимся теперь к наиболее близким по времени происхождения к Остромирову евангелию и Изборнику Святослава русским книгам, чтобы посмотреть, как и какие именно элементы художественного оформления этих двух старейших памятников искусства книги Древней Руси в них отразились.

В новейшем лингвистическом исследовании Юрьевского евангелия первой четверти XII в. отмечается, что оно «своеобразно по графике и орфографии», относится к полным апракосам «Мстиславовского типа» и «по некоторым данным месяцесловных чтений сближается с галицко-волынскими памятниками XII—XIII вв.»; состав же чтений «безусловно свидетельствует о происхождении Юрьевского евангелия от тетра» [125].

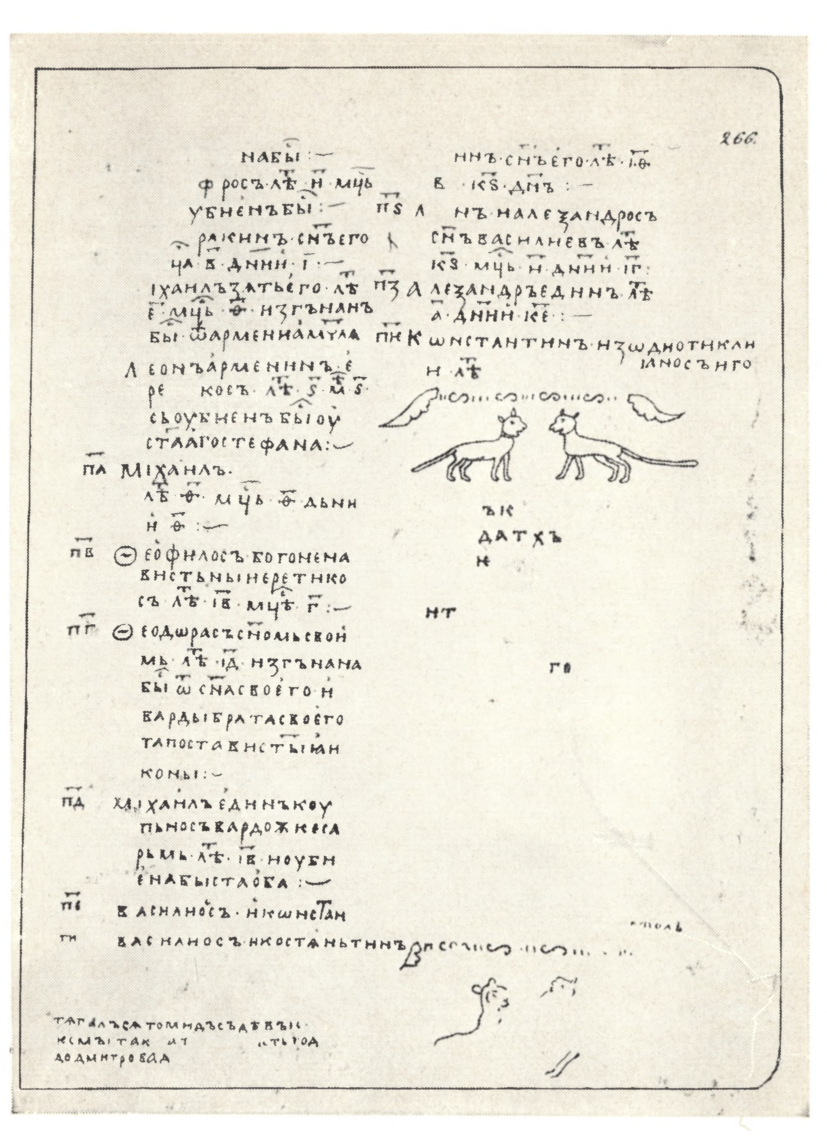
В академической многотомной «Истории русского искусства», где Юрьевскому евангелию уделено места больше, чем Остромирову и Мстиславову, а также Изборнику Святослава, оно названо «лучшим образцом рукописного орнамента». Главное отличие его заставок и инициалов от названных памятников отмечается в том, что они «близки к гравированным контурным изображениям на серебре XII в.»; «все 65 инициалов выполнены в одном стиле... но в то же время каждая буква совершенно индивидуальна» и что «богатая фантазия автора (инициалов. — *Н. Р.*) расцветила христианскую богослужебную книгу целым зверинцем» [126]. Подытоживая обзор элементов, составляющих инициалы, А. Н. Свирин пишет: «Наличие в орнаментации букв Юрьевского евангелия романских и сасанидских мотивов... свидетельствует о том, что все они не были чужды новгородскому искусству» [127].

Ограничившись приведенными цитатами в характеристике художественного облика Юрьевского евангелия, обратимся к срав-

нению элементов его художественного оформления с Остромировым евангелием и Изборником Святослава.

С последним его роднит, прежде всего, фронтиспис в форме храма; его окружают павлины и гепарды — как в Изборнике, а также птицы в нимбах с ветками в клювах. Наличие архитектурного фронтисписа в Юрьевском евангелии теперь — после исследований Л. П. Жуковской — проясняется: если его текст восходит к Тетраевангелию, то такой фронтиспис можно рассматривать в качестве отклика на архитектурно оформленные указатели чтений последнего. Указание же на близость состава чтений Юрьевского евангелия — в той части, где они могли быть в значительной степени выборочными, в Месяцеслове — с памятниками западнорусского происхождения, проясняют наличие в его орнаментации «романских мотивов», отмеченных А. Н. Свириным. Так сочетание филологического и искусствоведческого анализов памятника — его содержания и художественного оформления объясняет наличие в его орнаментации византийских и западноевропейских элементов. Итоги филологического и искусствоведческого анализов Юрьевского евангелия согласуются со скудными сведениями о его происхождении.

На обороте последнего листа сделана следующая запись: «Аз грешьный Феодор напсах евангелие се рукою грешною святому мученику Георгию в манастырь Новуграду при Куриаце игумене и Саве икономе угриньц псал». Если здесь ясно сказано, для какого монастыря была написана книга, а имя игумена датирует ее 1119—1128 гг., то относительно писца и заказчика такой ясности нет. Скорее всего следует понимать, что Феодор был заказчиком [128], а исполнителем — некий «угринец» — венгр [129]. Участие последнего в создании Юрьевского евангелия, сказавшееся, вероятно, в усилении имевшихся в его галицко-волынском оригинале «романских мотивов», является прямым следствием экономических и культурных связей России и Новгорода, в частности. «Здесь, как и в других случаях, прикладное искусство отразило широкие международные связи древней Руси», — говорится в заключении характеристики орнаментации инициалов Юрьевского евангелия в «Истории русского искусства» (с. 258). Эти связи обеспечили возможность появления в Новгороде, в непосредственной близости друг к другу — на противоположных берегах Волхова — двух книг одинакового содержания,

266

набы : — | нинъ снъ его лѣ і ѳ
фросъ лѣ н мць | в кѕ днъ : —
убиенъ бы : — | пѕ анъ малеѯандросъ
раіенинъ снъ его | снъ василиевъ лѣ
ча в днии г : — | кз мць и днии іг :
іханлъ зятьего лѣ | пз алеѯандръ едини лѣ
е мць ѳ изгънанъ | а днии ке : —
бы ѡарменианиула | пи кѡнстантинъ изѡднотиклианосънго
леонъ арменинъ е | и лѣ
ре косъ лѣ ѕ мѕ
сьоубиенъ бысоу
стаагостефана : —
па міханлъ.
лѣ ѳ мць ѳ дьни
и ѳ : —
пв ѳеофилосъ богонена
вистьныи еретико
съ лѣ ів мць г : —
пг ѳеодѡрасъ сномьсвои
мь лѣ ід изгънана
бы ѡ снасвоего и
вардыбратасвоего
тапоставистыи ан
коны : —
пд міханлъ единъкоу
пьносъ вардоже са
рьмь лѣ іе ноуби
енабыстаова : —
пе василиосъ и кѡнстан
ги василиосъ и костантинъ

Рис. 1. Последний (черновой) лист Изборника 1073 г.

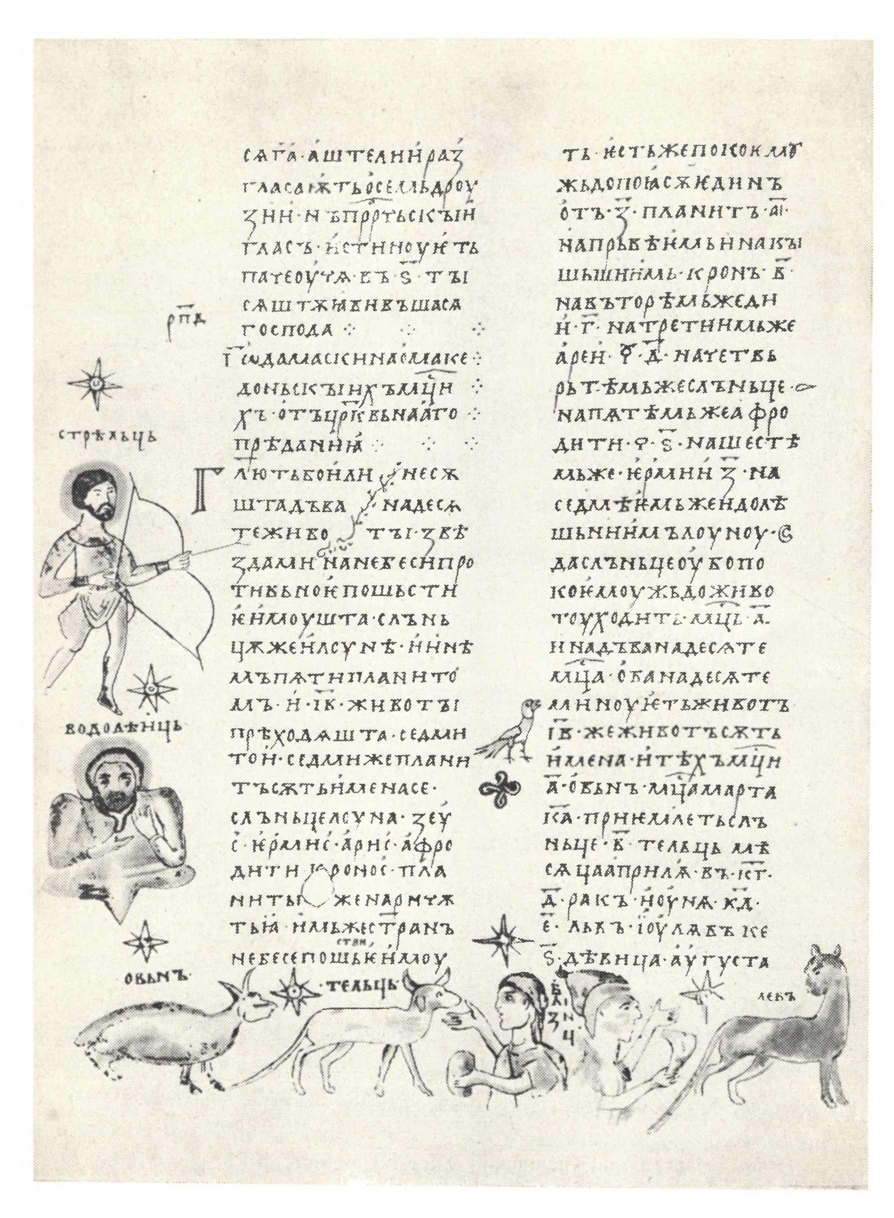

Рис. 2—3. Изображение знаков Зодиака в Изборнике 1073 г.

къ·кє·з·ꙗрьмъ·сєтє
бра·въ·кє·н·скор
пноє·октовра·кє·
ѳ·стрѣльць ноꙗбра·
въ·кє·і·козьрогъ·
дєкабравъ·кє·ıа·во
долѣиць·ıєнъуара·
въ·к·ві·рнба·фєуа
краара·к·лоунажєпо
конмоужьдомѣса
цжпрѣходнннжь
шнсжштн·нвъско
рѣобьходаштн·ꙗ
кожєбоаштєсътво
рнши·кроугъоутрь
бънномькроуѕѣ·ж
трьннкроугѣма
лѣнсмобраштє·та
кожєнтєєннєлоу
нвнонннжьшнсж
рпє штнхоуждннєсть
нєбндєтьскорѣн
м цнпорнмманємъ
оразанньнъıнхъ
мѣсацннхъ
марта·ла·сладъıсоа
ждьнпнн·к·апрн
ла·л·рѣпъıнєнжь
г·мана·ла·порсатє

т ѡмногы нхъбра шєнъ

нєꙗждь·д·ноуна·л
въ·тасъвъторъıнпн
нводъıмало·є·нулн
ꙗ·ла·въздьржнсмо
тъафроднснн·ѕ·ау
гоуста·слѣзанєꙗждь
з·сєтємвра·л·малѣка
нєꙗждь·н·октавра·
ла·нєꙗждьоцьтана·
ѳ·октавра·л·нємъı
нсатастс·і·дєкабра·
ла·ıсапоустъıнєждь
ıа·ннноуара·ла·въта
съ·к·пннкннацѣла
рпѕ мало·ві·фєуроуара·
ıсн·сєукланєꙗжь
м цнпонудѣмъ·а·нн
сан·к·нарсъ·г·снуа
н·д·ѳамоузъ·є·авъ·
ѕ·нлоуль·з·ѳıрсн·н·
марсоуан·ѳ·хисЛєвъ·
рпз і·тнвнѳъ·ıа·савать·
ıв·адаръ
м цн·помакєдономъ
а·таурос·в·днд уль·
г·каркнпъ·д·львъ
є·парѳєнос·ѕ·з·угос
з·скорпнос·н·тозєтнс
ѳ·єгокєръ·і·удрнхоос

Рис. 3.

Рис. 4. Заставка II ч. Изборника 1073 г.

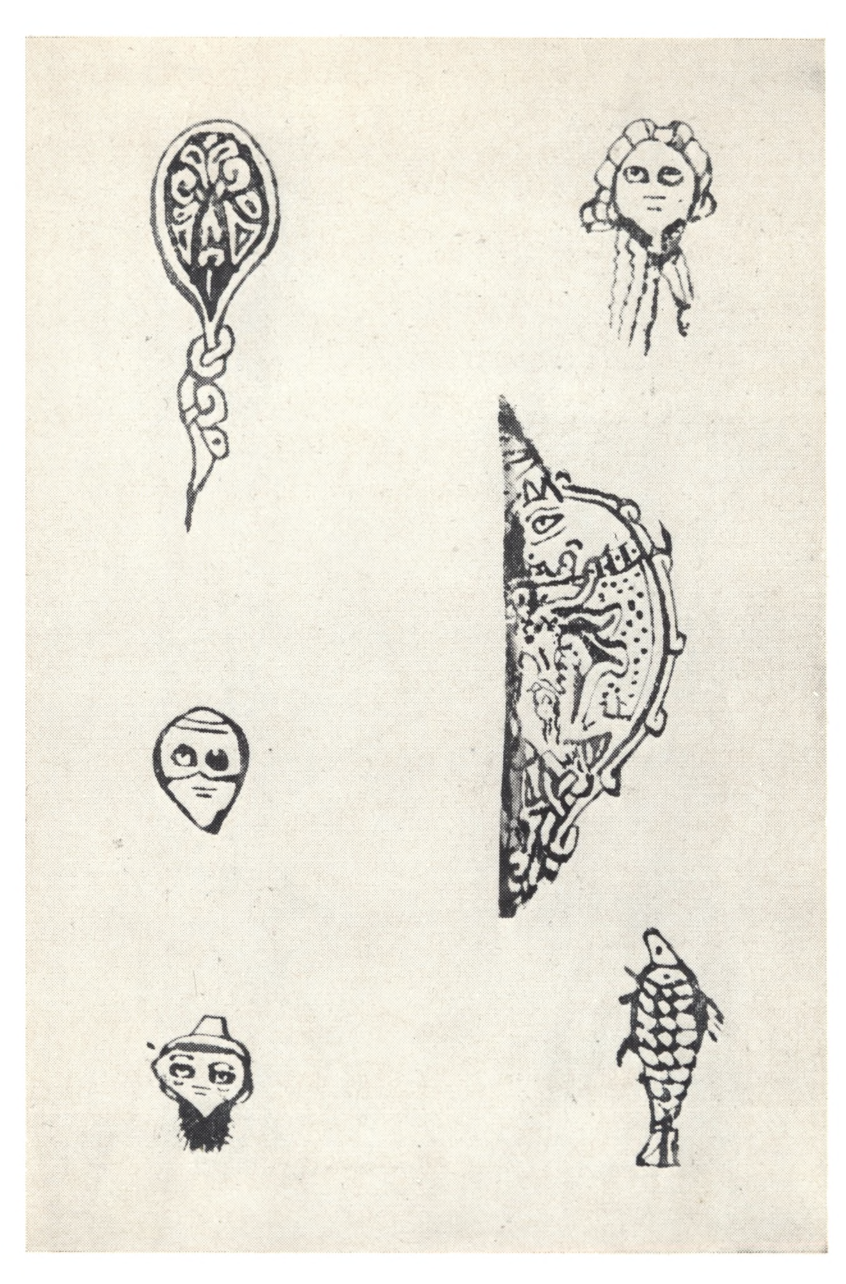

Рис. 5—7. Варианты инициалов в Минеях XI—XII вв.

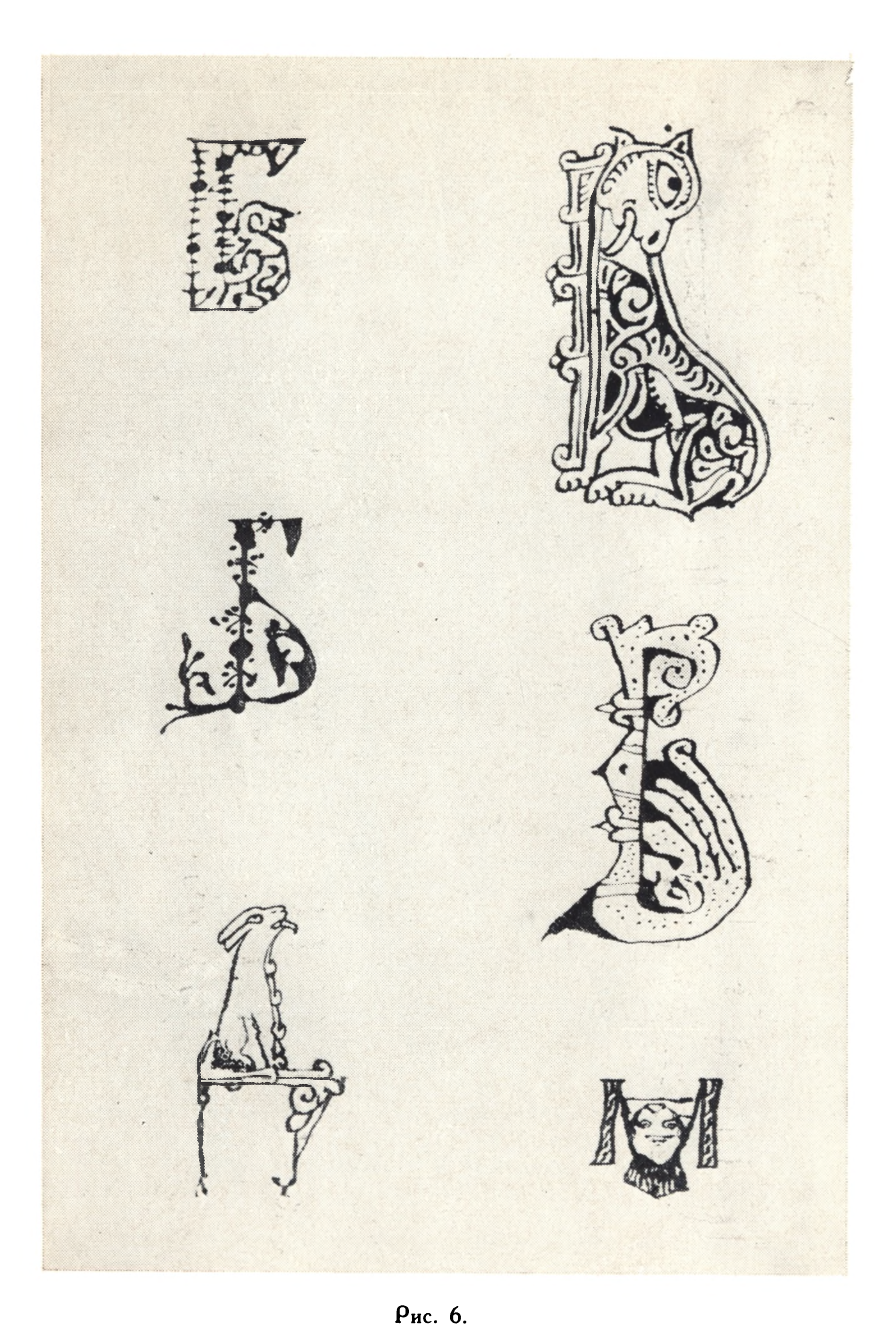

Рис. 6.

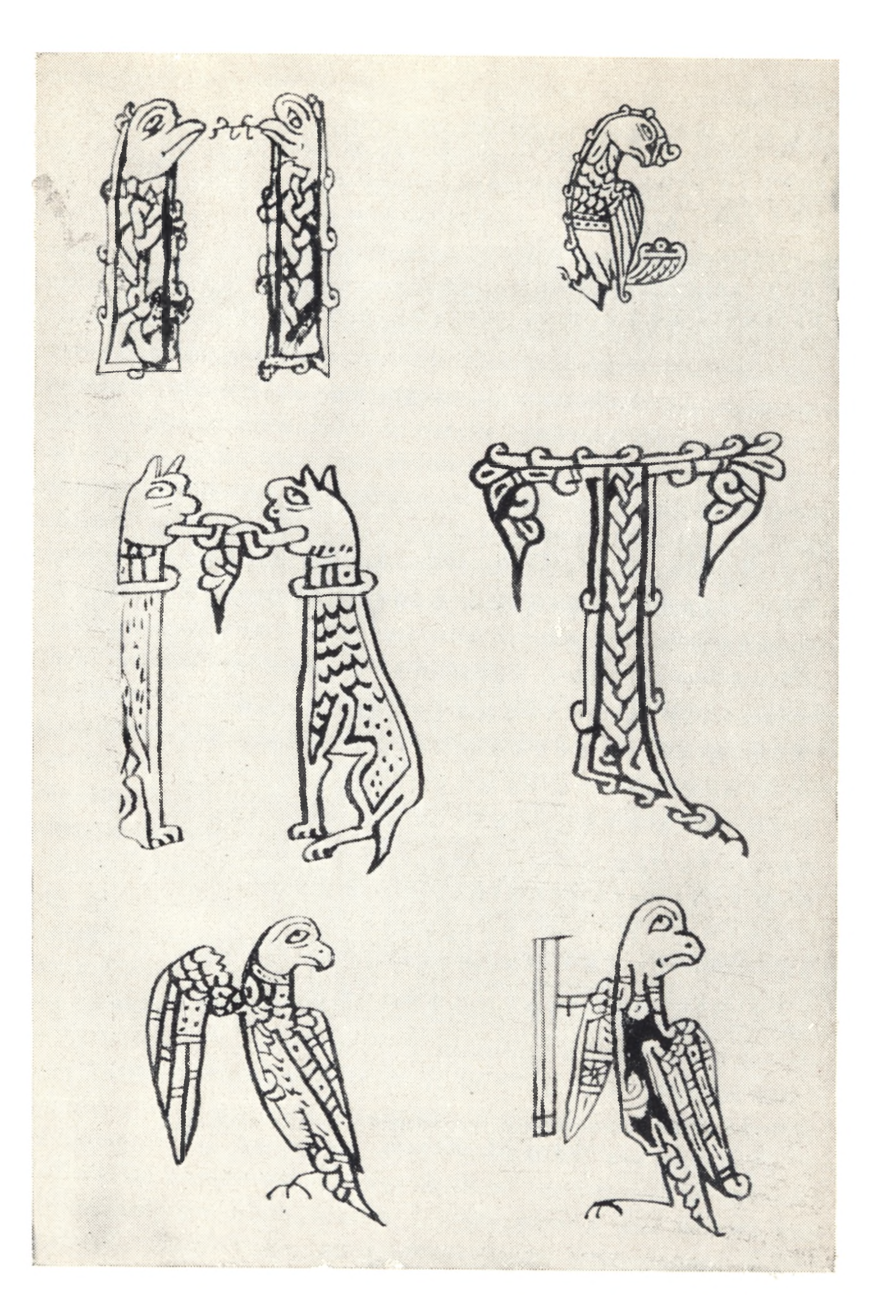

Рис. 7.

Рис. 8. Заголовки, напольные украшения и малые инициалы Миней XI—XII вв.

но разного художественного оформления: на княжеском Городище — Мстиславова евангелия, а в Юрьевом монастыре — кодекса, в котором отразились больше западноевропейские, чем византийские влияния, а главное — черты местного прикладного искусства.

Архитектурные фронтисписы получили в дальнейшем значительное распространение в новгородской рукописной книжности и их орнаментальное заполнение продолжало насыщаться элементами прикладного искусства. Так формировался собственно книжный, так называемый «тератологический» стиль орнамента. И уже в следующем, XIII в. вокруг архитектурных фронтисписов новгородских книг не остается и следов горделивых павлинов или царственных хищников — символов и атрибутов византийского искусства: все они оказались втиснутыми вовнутрь, перекрученными и «удавленными» ремнями орнаментального переплетения. Пустоты же внутри фронтисписов, лишенные изображений авторов книг, начинают заполняться деталями интерьера храма — подсвечниками, паникадилами, царскими вратами. Последние в одной Псалтири XIV в. (ГПБ, Fп. 1, № 2) подвешены на столбах, увенчанных трехликой головой, похожей на древнеславянского идола, найденного в Збруче[130]. Так долго еще образы древней славянской мифологии питали фантазию художников-оформителей русских рукописных книг.

Орнаментация новгородской книги XII—XIV вв., в свою очередь, повлияла на другие области художественного творчества этого города и принадлежавшей ему огромной территории на севере России. Характеризуя орнаментальный декор росписей Георгиевского собора в Старой Ладоге, В. Н. Лазарев отмечает его «наибольшую близость» с Юрьевским евангелием и некоторыми другими книгами XII—XIII вв.[131] В свою очередь, новгородские фрески и иконы отразились в художественном оформлении книг. Так, например, Пантелеймоново евангелие XII—XIII вв. по элементам художественного оформления отличается от Остромирова, Мстиславова, Юрьевского: в нем нет ни изображений евангелистов, ни архитектурного фронтисписа. Единственная миниатюра помещена в самом конце книги и изображает эпонимов заказчика и его жены — святых Пантелеймона и Екатерину. «Киноварный фон миниатюры сближает ее с новгородской станковой живописью», — замечает А. Н. Свирин[132].

Графичность же рисунка и иконография изображения Екатерины напоминает древнейшие фрески новгородского Софийского собора.

Оставляя в стороне искусствоведческий аспект исследования этой миниатюры, обращу внимание на то, что она связана не с основным текстом, а с выходной записью книги. Ее писец — «попинъ св. Предтеча Максим Тьшиницъ», желая здоровья своему заказчику «и с подружиемъ своимъ и всем иже в дому его», перечисляет его вклады в церковь — икону, колокол и еще одну четью книгу — Пролог. В заключение своей приписки Максим объясняет, что сделал ее не столько для прославления заказчика, сколько для того, чтобы «некто се видев пакы понудится на доброе дело» — последовал бы примеру либо его, писца, либо заказчика. И оба толкования последней фразы показывают практическое, утилитарное значение приписки писца и, в какой-то степени, ее иллюстрации. Тем самым последняя — функционально и в книговедческом аспекте — резко отличается от всех до сих пор известных примеров применения изображений в русской книге первых веков ее существования.

Можно было бы привести еще примеры разнообразия целей и способов применения миниатюры в новгородских Евангелиях XIII—XIV вв., случаев их происхождения из различных источников. Однако на эту тему в последние годы появился целый ряд работ специалистов-искусствоведов[133], которые наряду с исследованиями филологов принесут большую пользу историкам русской книги первых веков ее существования, когда складывался не только репертуар, но и художественный облик рукописной книги.

Полную картину сложения этого облика невозможно представить себе, изучая лишь богатую, заказную, да еще такую специфическую, ритуальную книгу, как Евангелия, и игнорируя книгу «массовую», лежащую вне поля зрения искусствоведов. Поэтому обратимся сейчас к книгам XI—XII вв., другого содержания и иного оформления — рукописным книгам массового производства.

Отличительной кодикологической особенностью Миней — сначала богослужебных, а потом и четьих — является обязательная многотомность, обусловленная их содержанием и применением. Тексты круглогодичных богослужений невозможно

было уже из-за их объема уложить в один том. Такие пухлые тома были бы неудобны и для употребления: тексты из Миней не только читались одним человеком, но и пелись хором (в Минеях сохранились старейшие образцы музыкальной нотации); поэтому книга должна была хорошо разгибаться. Наконец, и особенности церковного устава подсказывали переписку богослужебных «клиросных» текстов отдельными томами; клирошанам приходилось постоянно перемежать тексты по крайней мере двух книг: Минеи и Октоиха; четыре месяца в году к ним добавлялись Триоди. И гораздо проще было во время чтения и пения на клиросе менять эти книги, чем переписывать тексты богослужений каждого дня в одну книгу. Поэтому даже Октоих — книга гораздо меньшего, чем Минея, объема — переписывался обычно в двух томах. Что же касается Миней, то и само их название подсказывало помесячное расположение материала; «отпев» службы того или иного месяца, соответствующий том Миней ставили на полку до будущего года, что было очень удобно и для хранения книг.

Большой объем текста Миней делал необходимым привлечение к их переписке большего числа писцов, а их многотомность давала возможность организовать переписку одного комплекта в нескольких местах. Тем самым создавались условия для образования своеобразной «книжной мануфактуры» со всеми свойственными ей качествами: разделением труда на отдельные операции, выполнявшиеся ремесленниками-специалистами — книгописцами и переплетчиками, одновременно или последовательно работавшими над отдельными этапами создания книги. В этом процессе в первые века истории русской книги не всегда обязательно участвовали художники-оформители: книги неритуального применения обычно не заказывали богатые вкладчики. Это давало возможность книгописцам пробовать свои силы в попытках художественного оформления древнерусских книг, так же, как они часто вносили в их тексты попытки собственного осмысления [134].

Среди сохранившихся русских книг XI—XIII вв. насчитывается около 50 томов и фрагментов Миней, и почти все они — новгородского происхождения. Три старейшие из них, датированные 1095—1097 гг., были тщательно изучены известным ученым-славистом акад. И. В. Ягичем, отметившим их общие палео-

графические и кодикологические особенности. Эти особенности — «величина кожи» (так он называет формат пергамена), приемы разлиновки и брошюровки тетрадей — обнаруживаются еще в пяти Минеях конца XI — начала XII в.[135] Общность приемов работы от начальной (разлиновка листа) до заключительной стадии производства книги — ее переплетения — свидетельствует о том, что создатели этих восьми Миней принадлежали к одной «артели», в которой сохранялись свои кодикологические традиции. Что же внесли своего, индивидуального в оформление этих книг их переписчики?

В первых двух томах — сентябрьском и октябрьском — большинство букв заголовков написано теми же, что текст, чернилами, как и во многих других сохранившихся неукрашенных книгах того времени, двойными вертикальными и одинарными горизонтальными линиями. Попытки внесения в начертания этих букв, если не художественного оформления, то хотя бы разнообразия, выражаются в заполнении отдельных их элементов, преимущественно округлых, штриховкой — горизонтальными, вертикальными и ломаными линиями. В заголовках ноябрьского тома буквы начинают составляться из комбинаций двух-трех простейших графических элементов — пока еще расплывчатых и нарисованных неуверенной рукой; в последующих томах они стабилизируются и приобретают четкость, что придает буквам заголовков «однообразную красивость». Стремление нарушить и это новое единообразие заголовков ощущается в поисках новых приемов заполнения пространств между двойными элементами их букв и в овальных частях: кроме штриховки, в них появляются, например, намеки на человеческие лица.

В написании заголовков писцы были связаны одинаковым размером и однообразием рисунка букв, ограничивавшими их стремление к импровизации. Осуществить это стремление они могли лучше в инициалах. Поэтому, если в овальных частях букв заголовков есть только намеки на человеческие лица, то в инициалах появляются определенно женские или мужские (с бородой) физиономии. И чаще всего человеческие лица рисуются в инициале «О», сама форма которого для них наиболее подходяща. Но тот же инициал давал возможность и для иных импровизаций. Ломаные линии его штриховки, вероятно, напоминали книгописцам чешую; инициалы «О» удлинялись, вверху в них

ставилась точка или рисовался кружок, а снаружи черточками обозначались плавники и хвост — получалась рыба. Иногда боковые линии того же инициала продолжались после их пересечения вверху; эти «ворсинки» украшались на концах треугольничками, а овал буквы вытягивался, обостряясь, вниз — получалось нечто вроде корнеплода.

Обильный материал для разрисовки инициалов давали новгородским книгописцам предметы быта и домашнего обихода, а также памятники прикладного искусства. Например, в сентябрьской Минее одному инициалу «С» придана форма ковша с ручкой в виде птичьей головы; в октябрьской — в инициале «П» вертикали напоминают орнаментированные столбики крылец или наличников окон, которые находят при раскопках в Новгороде. В январской Минее инициал «С» сделан в виде хищной птицы ювелирной отделки, словно срисован с какого-то серебряного изделия. В ноябрьской Минее некоторые инициалы украшением своих вертикалей с помощью примитивных жирных точек, черточек и крестиков напоминают еще один вид ювелирного искусства — филигрань, а также шитье бисером или жемчугом.

Изделия прикладного искусства отражаются и в орнаментальных деталях, украшающих иногда концы заголовков рассматриваемых книг. Это — нарисованные в профиль звериные морды с узорами в пастях, напоминающие ручки литых дверей с кольцами во рту морд-масок. В апрельской Минее к одной такой морде с орнаментом в пасти пририсовано туловище сидящей собаки в ошейнике. Другой пес — с высунутым языком и пригнутыми ушами — сидит, подняв голову (как будто его гладят), соединенный цепью с орнаментальной деталью внизу — так нарисован инициал «Д». В февральском томе собака сидит на орнаментальном узоре, украшающем сбоку заголовок; ее хвост нарисован как типичный «византийский завиток». Последние встречающиеся при заголовках в старейших из сохранившихся русских книг, начиная с Изборника 1076 г., разбросаны в различных комбинациях — и по страницам новгородских Миней в сочетаниях со «звериными» элементами. Например, в одном из инициалов августовской Минеи две химерические фигуры держат пастями за концы какой-то перекрученный византийским завитком стержень. Так традиционные элементы орнаментального убранства книг сочетаются с деталями украшений предме-

тов прикладного искусства — чеканки, литья, может быть ковки, а главное — резьбы по дереву и кости [136].

Все это, находящее аналогии в оформлении роскошных Евангелий XI—XII вв., имеет мало общего с появившимся позднее в Новгороде тератологическим, «чудовищным» стилем книжного орнамента. «Ювелирные» звери в инициалах рассматриваемых новгородских Миней «мирно сосуществуют» с орнаментальными деталями, которые, через полтора-два столетия начнут их душить и терзать на части. Даже когда такому зверю приходится вписываться в контур инициала, он только съеживается и не пытается из него вырваться — например из инициала «О» в августовском томе. В этом же томе «ювелирные» птицы образуют инициал «Х» распростерши крылья, без каких-либо орнаментальных добавок. Отдельные же инициалы новгородских Миней XI—XII вв. явно подражают роскошным образцам Остромирова, Мстиславова и Юрьевского евангелий. Таковы инициал «В» в октябрьской Минее и «С» — в ноябрьской, а также некоторые другие.

К древней традиции орнаментации книг восходят и орнаментальные детали, оформляющие изредка верхние и нижние строки в старейших экземплярах новгородских Миней. В сентябрьской попадаются простейшие полоски из крючков и черточек, какие есть в Изборниках 1073 и 1076 гг. Плетеный жгут, обрамляющий с трех сторон первый заголовок октябрьского тома, своей формой напоминает заставки Изборника 1076 г. и Мстиславова евангелия (его книгописец учился рисовать на первой, чистой странице книги, потом набросал его куски на полях некоторых страниц и на обороте последнего листа, а, научившись, нарисовал вокруг своей пометы — обращения к читателю).

Разнообразие орнаментации заголовков, инициалов и других элементов украшения рассматриваемых Миней (рис. 5—8), наряду с разнообразием их почерков, свидетельствует о том, что их создала группа книгописцев; некоторые из них оставили — в записях и пометах — свои имена. Если вглядеться в ряд этих имен, то можно представить себе, как была организована работа создателей названных книг. В первом, сентябрьском томе, написанном несколькими почерками, называет себя лишь один писец — «Дъмка». Он представляет, очевидно, «артель» книгописцев, и никто больше из них не заявляет еще о себе. В сле-

дующем томе, кроме имени того же Дъмки, попадается имя еще одного — «Городена». В апрельском и июльском томах эта картина повторяется: в первом «расписался» лишь один, вероятно, образованный писец, знавший даже глаголицу,— Лаврентий; во втором рядом с ним заявил о себе Матфей. Наконец, в августовском томе оставил память о себе только Матфей, написавший свое имя на поле одной из страниц вертикально, как это обычно делалось в подписях на иконах. Таким образом, можно представить себе, что рассматриваемый комплект Миней создавался группой переписчиков, которые учились друг у друга, но работали явно не в одной келье, и в обстановке отнюдь не молитвенной, благоговейной, как это описано в Киево-Печерском патерике.

Приведенные сведения, наблюдения и догадки должны быть проверены в дальнейшем на более широком круге аналогичного материала. В первую очередь изучению должен подвергнуться еще один комплект новгородских Миней — XII в., сохранившийся почти полностью (нет только мартовского и июльского томов), однако в данном случае должны быть привлечены методы и музыкальной палеографии, так как этот комплект — нотный [137]. Кроме этого, сохранились остатки еще одного, ненотированного комплекта Миней того же столетия (пять томов из него находятся в Софийской библиотеке в ГПБ), имеются — в меньшем числе томов — остатки минейных комплектов XIII и XIV вв., наконец, отдельные тома — такие, как, например, знаменитая Путятина Минея XI в. Художественное оформление последней не было рассмотрено в новейшем ее лингвистическом исследовании, хотя отдельные палеографические черты ее сходства с рассмотренными мною древнейшими новгородскими Минеями в нем отмечаются [138].

Обследование всех сохранившихся новгородских Миней XII—XIII вв., при котором могут быть обнаружены признаки принадлежности их к разным годовым комплектам, несомненно, увеличит материал для суждения об организации ремесленного книгописания в Новгороде в эти столетия.

В заключение — об элементах импровизации в русской книжной миниатюре XII—XIV вв.

На первых порах эти элементы не выходили за пределы традиционной иконографии обязательного сюжета — изображения

авторов книги, которые имеются уже в обеих старейших русских датированных книгах двух основных видов — богослужебной и четьей — в Остромировом евангелии и Изборнике Святослава. Традиционная иконография, также, как канонический текст, не давали простора творчеству художников-оформителей. Однако существовала книга канонического текста, бывшая исключением из этого правила — Псалтирь, употреблявшаяся и при богослужении, и в быту. И не случайно, что именно Псалтирь стала — первой в истории русской книги — иллюстрироваться, а не украшаться лишь изображением ее автора.

Традиции иллюстрации текста Псалтири были достаточно распространены в Византии, в славянских и западноевропейских странах[139]. Художники-эрудиты могли найти в латинских, славянских и греческих Псалтирях различного типа многочисленные и разнообразные сюжеты и детали для своих импровизаций, что отразилось уже в старейшей из сохранившихся русских лицевых Псалтирей — в так называемой «Хлудовской», последней четверти XIII в.[140]

По композиционным принципам расположения иллюстраций Хлудовская псалтирь отразила влияние разных традиций. Изображения в ней находятся и на полях, как в определенной редакции византийских Псалтирей[141], и среди текста, иногда по нескольку в одном и том же месте. Две же иллюстрации даны во всю страницу, чем, несомненно, подчеркивается их особое значение: это — сцена воцарения Давида и первая миниатюра книги, напоминающая архитектурные фронтисписы (она помещена на фоне тройной аркатурной рамки), нарисованная тщательно, с ансамблевой группировкой музыкантов, играющих на различных — струнных, духовых и ударных инструментах. Эта миниатюра является уникальной в истории русской книги: Давид изображен не автором, а исполнителем псалмов — солистом инструментального ансамбля.

В противоположность Киевской, от Хлудовской псалтири не сохранилось «потомков». И это вряд ли случайно; более того, можно усмотреть полемический отклик на нее в миниатюре официозно-церковных Макарьевских Миней четьих XVI в. — в цикле иллюстраций Книги Козмы Индикоплова. И хотя этот материал выходит за хронологические рамки данной книги, следует сказать о нем для завершения характеристики уникальной

миниатюры Хлудовской псалтири. Она не имеет сопроводительного текста; миниатюра же Четьих миней сопровождается таким текстом: «Якоже бы нарицася клиросъ тоя церкве тако в то время и ликове быша. От тех же ликов ни один псалма или стиха состави в Псалтири, но токмо Давид един пророчества и пиша раздаваша им пети. Егда же пророчества Давид, тогда и лики взываху с бубны и органы и сопелми пояху по нем» [142].

Цель этого текста — утвердить единоличное авторство Давида и его роль как «начальника» исполнения Псалтири. Совершенно противоположная ситуация изображена в Хлудовской псалтири: все «лики» уже играют, а Давид лишь «изготовился» со своим инструментом и как будто ожидает момента своего вступления солистом в этом «сводном», состоящем из четырех групп музыкантов, инструментальном ансамбле.

Различная трактовка одного и того же сюжета позволяет считать миниатюру Макарьевских миней полемическим откликом на миниатюру Хлудовской псалтири. Такое предположение согласуется с хорошо известной внутриполитической ситуацией в Новгороде в первой половине XVI в., характеристика которой не входит ни в хронологические, ни в тематические рамки предлагаемой книги [143].

* * *

Подводя итоги рассмотрению старейших русских книг — особенностей их содержания и оформления — следует сказать, что выводы о характере работы и степени самостоятельности творчества древнерусских «книжников» различных специальностей — переписчиков и художников-оформителей книг, составителей Изборников и писателей, — носят в значительной степени предварительный характер и должны быть проверены на более широком круге материала последующих, хотя бы трех ближайших столетий. Однако даже рассмотренный материал, относящийся лишь к первым векам истории русской книги, дает основание для выводов о том, как относились к своему труду переписчики и оформители книг.

Прежде всего необходимо отметить их активное, творческое отношение к своим оригиналам — греческим или славянским книгам, к их содержанию и оформлению. В части основного текста

богослужебных книг, в первую очередь Евангелия, писцы были ограничены в возможностях импровизации: текст «священных книг» не подлежал переделкам и долго сохранялся в своем первоначальном переводе. Проявить инициативу писцы могли лишь в компоновке этого текста, составляя, например, подборки евангельских чтений по типу полного или краткого апракоса, в зависимости от заказа — для какой церкви, монастырской, где служили ежедневно, или приходской (в них служили только в праздники) предназначалось это Евангелие. Еще большая свобода в выборке текстов наблюдается в Минеях. В обоих случаях первоначально возможности варьирования и импровизации представляли не основные, читавшиеся вслух или певшиеся тексты книг, а их «справочный аппарат»: уставные указатели-Месяцесловы в Евангелиях, надписания текстов — в Минеях; и тут и там писец мог делать отсылки, чтобы не переписывать еще раз уже встречавшиеся тексты.

Однако и основной текст богослужебных книг стал понемногу и местами изменяться переписчиками. Постепенная архаизация языка первоначальных переводов этих книг, происходившая в условиях развития русского литературного языка, обусловила сначала отдельные лексические замены, а затем и некоторые синтаксические реконструкции. Книгописцы получили возможность вносить и в основные тексты богослужебных книг элементы своего живого, разговорного языка.

Работавшие рядом с ними художники-оформители гораздо шире проявляли собственную инициативу. При разрисовке книги не обязательно было в точности придерживаться оригинала, откуда списывался текст: основные элементы его оформления были традиционными — заставки и инициалы, иногда изображения авторов. Но в эти элементы, особенно в первые два из них, художники и книгописцы с самого начала стали вносить нечто свое собственное, либо заимствованное по памяти из других книг того же самого или даже иного содержания, либо отражения своих впечатлений из окружающей действительности. Так открывались возможности широкого влияния на орнаментацию старейших книг прикладного искусства — отечественного и зарубежного.

Если до сих пор подробному рассмотрению были подвергнуты лишь отдельные, выдающиеся памятники письма и художест-

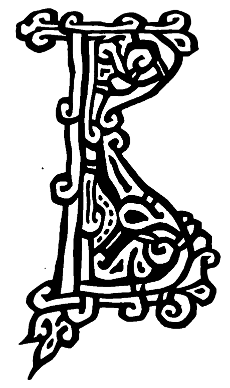
венного оформления книги, говорилось о таких незаурядных и знаменитых «книжниках», какими были составитель Изборника 1076 г. и митрополит Иларион — философ и писатель в лучшем и вполне современном смысле этого слова, то теперь следует обратиться ко всей массе сохранившихся рукописных книг XII—XIV вв. и их создателей.

В эти столетия сложились совершенно иные социально-экономические условия жизни русского народа: наступил период феодальной раздробленности, междоусобных войн и вражеских нашествий. На смену угасавшему Киеву, колыбели русской книги и литературы, постепенно приходили новые центры письменности и культуры со своими местными традициями и специфическими особенностями. Как эти особенности сказались на истории русской литературы и культуры вообще, не входит в тематические рамки предлагаемой книги. И этому вопросу уделяется достаточное внимание специалистами-историками древнерусской литературы и искусства[144].

Поэтому во второй части предлагаемой книги будет предпринята попытка выявить и проанализировать некоторые основные особенности истории русской книги рассматриваемого периода.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ИСТОРИИ РУССКОЙ КНИГИ XI—XIV вв.

АЖНЕЙШЕЙ особенностью истории русской книжности первого столетия ее существования были, как уже отмечено выше, синхронность появления и взаимосвязь формирования основных типов книг с первыми памятниками русской литературы. Это было, в свою очередь, связано с образованием центров производства книги — княжеского и монастырского — с их библиотеками, а также началом книгообмена, как внутреннего, так и внешнего. Последующие столетия с их опустошительными феодальными войнами и вражескими нашествиями нанесли огромный ущерб древнерусской книжности. Значительное число обращавшихся в те времена на Руси книг погибло в пожарах и разорениях, многие книги рассыпались, когда их — по свидетель-

ству летописей — «одирали», т. е. лишали драгоценных окладов, разрушая переплеты. Чаще всего это случалось с Евангелиями, чем объясняется наибольшее число сохранившихся фрагментов именно этой книги. Наконец, книги захватывали и в качестве военных трофеев. Так началась принудительная миграция книги, нарушившая естественный книгообмен между культурными центрами Киевской Руси, а также с зарубежными странами [145].

Источниками сведений по истории русской книги XII—XIV вв. являются прежде всего сами сохранившиеся ее экземпляры: свидетельства памятников историографии и литературы тех времен немногочисленны и однообразны. Летописи пестрят сообщениями о гибели книг во время войн и при пожарах; гораздо реже в них сообщаются сведения о владельцах и дарителях книг. Таково, например, сообщение о «богатстве книгами» — нарядӱ с «кунами и селы и всем товаром» ростовского епископа Кирилла [146] и перечень обильных книжных вкладов волынского князя Владимира Васильковича [147]. Однако в обоих случаях подчеркивается материальная, а не познавательная ценность книг. И можно лишь предположить существование библиотек у названных лиц. Хотя волынский князь и характеризуется летописцем как книголюб, щедро раздававший книги по церквам и даже сам их иногда писавший, ничего подобного описанию Начальной летописью создания библиотеки Ярославом Мудрым и похвале книгам в Ипатьевской летописи нет. Не нашел волынский летописец собственных слов и для прославления деятельности князя-книголюба: в нужном месте он просто сделал обширную выписку из Слова о законе и благодати, что свидетельствует о распространении, даже в условиях междоусобиц, литературных памятников, созданных в Киеве, т. е. миграции книг.

Столь же кратки и неясны свидетельства агиографических памятников XII—XIV вв. о «книжности» их героев. Как исключение можно назвать Житие Авраамия Смоленского, где называются его любимые писатели и говорится, что он «вся от всех избирая и списая ово своею рукою, ово многими писцы», т. е. организовал в своем монастыре скрипторий, составлял Изборники [148]. Как «книжник и философ так ни яко же в Русской земли не бяшет» характеризуется летописцем Климент Смолятич — второй после Илариона митрополит из русских, поставленный на этот пост при аналогичных обстоятельствах [149]. Но никаких

сведений о его деятельности как организатора книгописания и создателя библиотеки не сохранилось.

Скудость сведений источников по истории русской книги периода феодальной раздробленности заставляет обратить особое внимание на сохранившиеся экземпляры книги этого периода. Должны быть тщательно рассмотрены данные статистики, персоналии и библиогеографии. Всему этому посвящены главы второй части исследования.

* I *

О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ СТАТИСТИКИ РУССКОЙ КНИГИ XI—XIV ВВ.

НАЧАЛО статистике и изучению географии распространения русской книги первых четырех веков ее существования было положено 80 лет тому назад Н. В. Волковым. В его работе, не утратившей и по сей день своей незаурядной информационной ценности, были подытожены имевшиеся тогда в распоряжении исследователей сведения о сохранившихся от XI—XIV вв. русских книгах с приложением их краткого перечня, насчитывающего 708 номеров. В отдельных, небольших по объему главах этого исследования рассматриваются и уточняются подсчеты сохранившихся древнерусских книг, приведенные предшественниками Н. В. Волкова, указываются причины гибели книг в старину и некоторые возможные способы подсчета всех существовавших до XIV в. русских книг, дается классификация сохранившихся из них по времени и местам написания, а также «распределение рукописей по содержанию» и в заключение сообщаются сведения об их «местах хранения».

Сведения о числе сохранившихся русских книг, а также об их местах хранения нуждаются, разумеется, в добавлениях и коррективах, имея в виду, прежде всего то, что после выхода в свет исследования Н. В. Волкова были обнаружены новые книги XI—XIV вв., а главное — их перемещение из хранилищ духовного ведомства и частных собраний в государственные библиотеки и архивы после Октябрьской революции. Однако данные

памятников письменности и литературы по истории русской книги XI—XIV вв., преимущественно свидетельства летописей, за последние 80 лет почти не пополнились. Главное же — сохраняют свою ценность некоторые методические указания Н. В. Волкова; к чему приводит их игнорирование, показывает статья Б. В. Сапунова.

«Есть один путь, который может привести к приблизительному определению степени сохранности древнерусских книг, но и его нельзя признать твердым... сосчитать все церкви, выстроенные в России в течение первых четырех веков христианства ...; тогда, при предположении, что каждая из церквей была снабжена хоть одним списком Евангелия, можно будет вынести заключение о степени сохранности евангельских списков ...отсюда же явится возможность составить хоть некоторое представление о сохранности остальных древних книг», — писал Н. В. Волков. По этому пути пошел Б. В. Сапунов, игнорируя последующее предостережение своего предшественника: «Нельзя отыскать ни в летописях, ни в других источниках мало-мальски полных и систематических сведений о строении церквей по всей России, и следовательно, составить общий счет русских церквей нет положительно никакой возможности» [150].

Следует отдать должное Б. В. Сапунову: для своих исследований он проделал большую работу по подсчету упоминаний русских летописей о постройках церквей. Однако некоторые выводы вызывают сомнения, например следующий: «многие церкви по нескольку раз восстанавливались заново после очередного пожара» и «восстанавливая церковь после пожара, ее часто приходилось снабжать новым комплектом книг» [151]. Но разве из свидетельства летописей о том, что при пожарах церквей из них выносились в первую очередь иконы и книги, не следует, что это делалось для того, чтобы сохранить их для вновь отстроенной церкви? И упоминание о том, что в отдельных случаях книги и иконы не удавалось спасти от огня, не свидетельствует ли о том, что это отмечалось как исключение, а не как правило? Не лучше ли было сказать, что не «часто», а редко, лишь в отдельных случаях приходилось восстанавливаемые после пожара церкви «снабжать новыми комплектами книг».

Сомнения вызывает и методика подсчета Б. В. Сапуновым количества городских и сельских церквей, а также «церквей, нахо-

дившихся в домах феодалов». К этим цифрам прибавляется предполагаемое число церквей в монастырях, и выводится общий итог: «Всего за 250 лет по всей Руси было построено около 10 000 церковных зданий» [152].

Во второй части своей статьи Б. В. Сапунов обращается к вопросу о минимально необходимом для отправления богослужения в каждой церкви наборе книг. Таковых им насчитывается восемь, в том числе Служебники и Требники, которые, судя по владельческим записям, чаще были принадлежностью не церквей, а церковнослужителей. «Часовник или Октоих можно было заменить Псалтырью следованной», — утверждает Б. В. Сапунов дальше; на это ему возражает крупнейший современный знаток древнеславянской книги: «Следованной псалтири в те времена еще не существовало... напротив, совершенно необходим Часослов..., а также Октоих» [153]. Эти ошибочные данные второй части умножаются на сомнительные из первой, и делается окончательный вывод: «для свершения службы в 10 000 церквях и 200 монастырях нужно было иметь около 85 000 книг». В дальнейшем эта цифра произвольно увеличивается: «Если число церковных книг приближалось к сотне тысяч, то общее количество книг, бывших в обращении в Древнерусском государстве с X века по 1240 год, должно исчисляться порядком сотен тысяч единиц» [154].

Можно было бы не останавливаться так подробно на работе Б. В. Сапунова, признать ее недостатки данью времени, отнести их за счет тогдашней молодости и еще не достаточной опытности автора [155], если бы не одно обстоятельство: его выводы получили широкое распространение, вошли в учебники по истории книги [156], используются в разнообразных исследованиях — от лингвистических до искусствоведческих и историко-культурных, как советских, так и зарубежных [157]. Объяснить это следует не только тем, что некоторым исследователям явно импонирует невероятно большая цифра подсчитанных Б. В. Сапуновым русских книг XI—XIII вв., но и тем, что статистикой древнерусских книг в настоящее время никто, кроме него, не пытался заниматься, и просто нет другого современного определения числа обращавшихся в те времена в России книг.

В те годы, к которым относится начало работы Б. В. Сапунова, — так же, как и во времена Н. В. Волкова, — статистикой

древнерусской книги было трудно заниматься, поскольку не было сводного указателя ни самих сохранившихся книг, ни их описаний [158]. В настоящее время положение круто изменилось: опубликован «Предварительный список славяно-русских рукописей XI—XIV вв., хранящихся в СССР» [159]. И уже в первых рецензиях, естественно, началось сравнение этого «списка» со «статистическими сведениями» Н. В. Волкова. Так, например, Л. П. Жуковская отметила, что «выявленные для ПС полторы тысячи рукописей более чем в два раза превышают количественные данные труда Н. В. Волкова... в котором сообщалось о 691 рукописи» [160]. Однако это утверждение ошибочно, начиная с неточного указания названия труда Н. В. Волкова и количества перечисленных в нем книг [161].

Главная и принципиальная ошибка заключается здесь в том, что нельзя сравнивать «статистические сведения о сохранившихся *древнерусских книгах*» (выделено мною.— *Н. Р.*) с «предварительным списком *славяно-русских рукописей*». За счет этой ошибки отпадает, при сравнении первых со вторым, 1/3 номеров последнего — по подсчетам самой Л. П. Жуковской, которая пишет, что «2/3 рукописей» в нем «являются древнерусскими» [162]. Далее: в «Предварительном списке», учтены не «рукописи», а их современные «единицы хранения»; поэтому некоторые книги, хранящиеся фрагментарно в разных местах, учтены многократно, например Слепченский апостол отмечен четырежды [163]. Наконец,— и это главное,— Н. В. Волков подсчитал именно книги или их определенные к его времени по содержанию фрагменты, а не «рукописи»; что же касается последних, то в настоящее время только еще начата предварительная работа по соотнесению фрагментов, преимущественно лишь XI в., с сохранившимися книгами и друг с другом. Однако, несмотря на все сказанное, у Н. В. Волкова указано все-таки гораздо меньше книг, чем в «Предварительном списке»; как и почему это получилось — показывает тщательное, а не поверхностное сравнение этих двух источников, о результатах которого надо сказать, так как они имеют непосредственное отношение к статистике рукописной книжности.

Прежде всего, важно отметить, что немногим более половины неучтенных Н. В. Волковым, но приводимых в «Предварительном списке» единиц хранения являются не целыми рукописными

книгами, а их фрагментами. Последних оказалось: в один лист — 81, в два — 93, в три — 13, в четыре — 27, в пять — девять листов — 42, т. е. всего 256 номеров «Предварительного списка». Книг же, начиная с их фрагментов, свыше 10 листов, у него не учтено: XII—XIII вв.— 28, XIV в.— 174; всего — 202[164].

Как же распределяются неучтенные Н. В. Волковым книги и их фрагменты по хранилищам, в которых они находились в конце прошлого столетия? В частных собраниях их было 96, в духовных учебных заведениях — 28, в соборах и монастырях — 7, в научных учреждениях и обществах — 15, в библиотеках (Публичной, Академии наук, Типографской и в Румянцевском музее) — 83.

Из этих цифр трудно поставить в упрек Н. В. Волкову первые три: собрания рукописных книг духовного ведомства и частные в дореволюционное время не всегда были доступны исследователям, а иногда не имели описаний. Относительно последней цифры следует иметь в виду, что в государственных библиотеках и поныне остаются не отраженными в опубликованных описаниях некоторые собрания рукописной книги. Наконец, значительное число не учтенных Н. В. Волковым книг и их фрагментов (общим числом 182) находятся в настоящее время в фондах, образованных уже в нашем столетии в библиотеках, архивах и музеях — частично из мелких периферийных собраний, в конце прошлого столетия либо еще не существовавших, либо неизвестных[165], а большей частью из новых поступлений. Среди последних значительную долю составляют отдельные листы, обнаруженные вшитыми в позднейшие книги, или использованные кусками в подклейке их переплетов при современном и тщательном описании фондов древнерусской книги — рукописной и старопечатной[166]. И среди этих, вновь найденных фрагментов, попадаются иногда очень древние. Специальный же учет и атрибуция фрагментов являются фактами советской археографии новейшего времени[167].

Итак, значительная часть добавлений к «Статистическим сведениям о сохранившихся древнерусских книгах», сообщенных Н. В. Волковым 80 лет тому назад, объясняется не находками новых книг, а более тщательной обработкой их фондов, в том числе старых — коллекций и собраний XIX в. Этим же объяс-

няется еще одно отличие «Указателя» древнерусских книг Н. В. Волкова от современного «Предварительного списка славяно-русских рукописей»: в первом есть достаточное количество книг, не упоминаемых во втором[168]. Это в подавляющем большинстве те книги, которые в настоящее время передатированы и отнесены к позднейшим, чем XI—XIV вв. Такая передатировка чаще всего была сделана в самые последние годы в связи с подготовкой продолжения «Предварительного списка славяно-русских рукописей» на следующее, XV столетие[169].

Какие выводы необходимо сделать из сопоставления трех попыток учета русских книг XI—XIV вв., предпринятых Н. В. Волковым, Б. В. Сапуновым и Археографической комиссией, и на чем должна основываться статистика книги русского средневековья? Как и насколько применимы методы современной книжной статистики к прошлому русскому книги?

Исходными данными книжной статистики в наши дни является государственная библиография, дающая сведения о репертуаре, тиражах и местах выхода книг. Эти же сведения, почерпнутые преимущественно из архивных материалов, используются для статистики книг прошлого, причем с углублением в века трудности добывания их увеличиваются, а степень достоверности уменьшается. Особенно сложны розыск и систематизация данных книжной статистики «допечатного» периода, когда отпадает второй из названных компонентов — тираж. Первый же из них также не лежит на поверхности и требует особых методов рассмотрения и систематизации.

Если, например, попытаться восстановить репертуар русской книги первых четырех веков ее существования по Предварительному списку Археографической комиссии, то создастся представление о подавляющем большинстве книги богослужебной и религиозно-нравоучительной; одних только Евангелий, например, из числа сохранившихся русских книг XI—XIV вв., оказывается около одной трети. Хотя это не представляется неожиданным и объясняется особенностями истории культуры — безраздельным господством в средние века в области идеологии церкви — здесь должны быть внесены коррективы статистического рода.

Прежде всего следует учитывать не «единицы хранения» рукописей, а книги как единицы библиотечного и библиографического учета. Поэтому полная картина статистики книги русского

средневековья предстанет перед исследователями только тогда, когда будет закончена работа по отождествлению сохранившихся, и в немалом числе (особенно евангельских текстов) — фрагментов книг. И хотя завершение этой работы — дело далекого будущего, попытаемся сейчас представить себе статистику русской книги XI—XIV вв. Но при этом внесем пока некоторую условность учета: примем за единицу, кроме сохранившихся целиком или с небольшими утратами кодексов, их фрагменты лишь от 8 листов, не менее одной тетради — этого конечного составного элемента, «атома» книги,— и не будем учитывать — до завершения работы по отождествлению сохранившихся листов — россыпей книг, результаты его насильственного «расщепления».

В статистику книги далекого прошлого из современной практики следует внести учет многотомных книг. Таковых русское средневековье знало немало: это круглогодичные календарные циклы богослужебных и четьих книг — Минеи и Прологи, а также парные тома Октоиха и Триоди. Однако и здесь окончательная картина вырисуется лишь тогда, когда будет внесена полная ясность, например, в вопрос о редакциях и вариантах Пролога: только тогда можно будет скомплектовать их сохранившиеся отдельные экземпляры в части годовых комплектов, которые, конечно, надлежит учитывать как одну многотомную книгу. «Парность» томов Октоихов и Триодей в отдельных случаях может быть установлена палеографически и кодикологически.

Сохранившиеся экземпляры русских книг XI—XIV вв. служат книжной статистике как сами по себе, в качестве единиц учета, так и своими приписками, в которых иногда указываются другие, не дошедшие до нас книги, созданные тем же книгописцем, а главное — содержатся сведения о персоналии русской книги, ее заказчиках и производителях. Эти сведения настолько драгоценны, что их приходится в отдельных случаях привлекать из книг, до нашего времени не сохранившихся, но известных либо в списках позднейших веков, либо по библиографическим описаниям и исследованиям авторов, которые были «самовидцами» утраченных книг и специалистами в своей области.

* * *

Все сказанное об источниках и принципах отбора исходных данных для статистики древней рукописной книги должно быть

учтено при извлечении статистических данных из составленной мною Синхронно-тематической таблицы сохранившихся русских книг XI—XIV вв.[170], которая не претендует на исчерпывающую полноту по следующим причинам.

Во-первых, если в древлехранилищах нашей страны в послевоенные годы проделана и продолжает интенсифицироваться работа по дальнейшему выявлению и углублению научного описания древнейших русских книг, то за рубежом такая работа специально не проводится. Но уже Н. В. Волковым было отмечено около двух десятков русских книг XI—XIV вв., находившихся тогда в зарубежных хранилищах. Этот перечень пополнился во время Великой Отечественной войны, когда отдельные памятники русской культуры, в том числе старинные книги, оказались за рубежом. Сведения о «книгах-эмигрантах» в печати имеются, но явно недостаточные[171]. Однако находки за рубежом новых древнейших русских книг XI—XIV вв. — явление весьма редкое.

Во-вторых, и работа советских археографов по научному описанию фондов рукописной книги далеко еще не закончена и должна быть развернута не только в центральных, но и в периферийных хранилищах[172]. Во время этой работы, конечно, будут найдены или уточнены датировкой новые книги XI—XIV вв., обнаружены или отождествлены их фрагменты. Какие и насколько достоверные выводы можно сделать о числе, репертуаре, среде и географии распространения известных ныне русских книг XI—XIV вв., будет показано в следующих главах книги.

* II *

РЕПЕРТУАР И КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКИХ КНИГ XI—XIV ВВ.

ИЗУЧЕНИЕ сохранившихся русских книг XI—XIV вв., в первую очередь классификация по функциональному предназначению, дает возможность представить себе некоторые закономерности сложения их репертуара, а также понять причину кажущейся диспропорции в числе сохранившихся от тех времен экземпляров книг различных названий.

Уже в XI в., как о том свидетельствуют, и с достаточной полнотой, всего около двух десятков сохранившихся книг, образовались два основных их типа — различных по предназначению, но первоначально тесно связанных друг с другом: богослужебная и четья. Первый — представлен двумя полными кодексами Евангелия-апракоса (Остромировым и Архангельским) и двумя его фрагментами в 10 и 2 листа. Что же касается второй богослужебной книги Нового завета — Апостола, то старейший сохранившийся экземпляр относится лишь к следующему столетию, хотя эта книга, наряду с Евангелием, являлась необходимой для отправления главного богослужения христианской церкви — литургии. Однако в отличие от Евангелия, Апостол не являлся ритуальной книгой и мог быть переносим из церкви в церковь (например, в монастырях), в то время как Евангелие постоянно лежало на престоле каждой функционирующей церкви, даже каждого придела [173]. Иногда богатые вкладчики снабжали Апостол драгоценным окладом, что ставило эту книгу, наряду с Евангелием, под угрозу «одрания», т. е. разрушения и гибели во времена войн и вражеских нашествий. Всем этим — гораздо меньшим, чем Евангелие, существовавшим числом экземпляров Апостола, при одинаковой подчас «привлекательности» их окладов, следует объяснить несоответствие количества сохранившихся от XI—XII вв. экземпляров двух важнейших богослужебных книг [174].

Вызывает недоумение отсутствие древних списков Псалтири, которая больше всех других библейских книг использовалась при богослужениях — от XI и XII вв. известно лишь два ее фрагмента в 9 и 12 листов. Однако учитывая то, что Псалтирь была одновременно и богослужебной, и четьей книгой, можно предположить, что в истории русской книги она разделила участь последних — зачитывалась «до дыр», и потому ее экземпляры постоянно обновлялись последующей перепиской. Кроме того, текст Псалтири, постоянно повторявшийся и при богослужении, и в келейном правиле, большинство церковнослужителей, особенно монашествующих, знало наизусть и, вероятно, могло обходиться без этой книги. То же можно сказать и насчет Октоиха, русские экземпляры которого сохранились лишь с конца XIII в.: и тексты, и «гласы» этой книги повторялись в течение года каждые восемь недель. Однако те певческие книги, где то же самое

«осмогласие» применялось к гораздо большему разнообразию текстов,— Кондакари, Ирмологии и особенно Стихирари — сохранилось в относительно большом числе экземпляров уже с конца XI — начала XII вв. То счастливое обстоятельство, что до нашего времени дошли старейшие образцы нотации русского хорового пения, дает возможность изучать его историю [175].

Значительное число сохранившихся русских книг XI—XIII вв. являются Минеями — книгами круглогодичного богослужебного цикла, повторяемость текстов которых, в сравнении с Псалтирями, Октоихами и некоторыми другими богослужебными книгами была наименьшей («памяти» отдельных святых отмечались в году неоднократно, но каждый раз особой службой). Поэтому каждая церковь должна была обладать если не полным 12-томным комплектом Миней (он был обязателен для монастырей с их ежедневным богослужением), то по крайней мере так называемыми Праздничными минеями или, Трефологиями. Поэтому для книжной статистики — в тех случаях, когда принадлежность группы Миней к одному и тому же годовому комплекту доказывается палеографически, кодикологически и лингвистически, можно эти книги учитывать за одну многотомную [176]. То же можно сделать и в отношении к Триодям — постной и цветной, употреблявшихся последовательно друг за другом 4 месяца в году.

Для отправления православного богослужения — ритуала с течением веков усложнявшегося, кроме богослужебных — алтарных и клиросных книг, необходимы были церковные уставы, непосредственно связанные с Кормчими книгами, содержащими, наряду с церковно-каноническими памятниками, регулировавшими взаимоотношения между членами клира, основные положения богослужебных уставов. Поэтому уже от XII в. сохранились, наряду с богослужебными книгами, списки Кормчих книг и Уставов церковных.

Какие выводы можно сделать из анализа сохранившихся русских богослужебных книг XI—XIII вв.?

Самыми древними из них являются необходимые для богослужения алтарные и клиросные книги — Евангелие, Апостол, Псалтирь, Минеи, Триоди, Октоих и Уставы церковные, а также нотные — Кондакарь, Стихирарь и Ирмологий [177]. Для ведущих богослужения «солистов» — священников и диаконов — необходимы

были Служебники, а для отправления «треб» — ритуалов, совершавшихся вне церкви, еще и Требники. Со временем, по мере усвоения богослужебных книг русскими священнослужителями, некоторые из них, первоначально традиционно стабильные по составу, распадаются на сборники молитв и песнопений, приспособленные для удобства применения при богослужении. Так, например, в отдельные книги переписывались каноны [178] и паремии, известно также такое необычное сочетание в одной книге — Евангелия с Октоихом [179]. Все это доказывает, что русские книгописцы достаточно свободно обращались и с составом богослужебных книг, переписывая их подчас так, как это было удобно для богослужебной практики и внося тем самым изменения в содержание книг традиционных названий.

Второй и важнейший вывод можно сделать следующий. Зная по сохранившимся спискам Устава церковного историю ритуала православного богослужения, можно утверждать, что сохранившиеся экземпляры отражают весь репертуар русской богослужебной книги XI—XIII вв., без изъятия, а также, в какой-то степени, пропорциональное соотношение различных по содержанию и предназначению видов этой книги [180].

Это нельзя утверждать в отношении к четьей русской книге XI—XIII вв. Известно, что ни один памятник оригинальной русской литературы, созданный в это время, не сохранился в списке того же столетия. Однако и переводная литература тех времен известна в подавляющем большинстве случаев лишь в позднейших списках: не сохранились, например, древние списки тех памятников, которые были известны жившим в те времена русским книжникам и писателям. Приведу два примера, относящиеся лишь к одному, XI в.

Самая большая глава старейшей русской книги для чтения — Изборника 1076 г. — так называемый «Стословец» — известен в списках не ранее XV в. «Слово о воплощении» Ефрема Сирина, цитируемое в Слове о законе и благодати, сохранилось лишь в позднейших списках, также как и памятники историографии, использованные летописцами XI в.

Однако даже более чем скудные остатки русской четьей книги XI—XIII вв., представленные в сохранившихся от тех веков экземплярах, дают основания для некоторых и немаловажных выводов относительно направления развития ее репертуара.

Старейшие сохранившиеся до нашего времени русские четьи книги по содержанию относятся к переводной патристике и агиографии. По своему же функциональному предназначению большинство древнейших из них являются толкованием «священного писания». Таков, прежде всего, Изборник Святослава — старейшая из сохранившихся в России датированная четья книга; как было уже отмечено, эта книга особого типа: составленная для быстрых справок при толковании неясных мест преимущественно в Библии, она не содержит ни толкований ее книг целиком, ни более или менее крупных сочинений отцов церкви или пространных выписок из них. Но от того же времени — XI в. — сохранились полные толковые варианты Псалтири,— книги, по своему назначению «двуединой» — богослужебной и четьей. От следующего столетия сохранилось и толкование последней, самой сложной для понимания библейской книги — Апокалипсиса, при богослужении не употреблявшейся. И только к XII и XIII вв. относятся старейшие списки толкований главных богослужебных библейских книг — Евангелия и Апостола. Все это намечает контуры постепенного «усвоения» нашими предками библейских книг, переход некоторых из них в категорию четьих из категории богослужебных. Объяснить этот процесс можно стремлением русского читателя уже с первых веков существования русской книги не только слушать ритуальное чтение книг священного писания при богослужениях, но и лучше понять их содержание, усвоить их подчас весьма сложную символику.

В процессе читательского усвоения библейских книг большую роль играли сочинения отцов церкви, чем следует объяснить наличие произведений некоторых из них в списках уже XI — нач. XII вв. И здесь следует отметить интересное «статистическое явление»: на два полностью сохранившихся экземпляра Евангелия XI в. приходится две полных толковых Псалтири — Афанасия Александрийского и Феодорита Киррского и списки сочинений еще трех византийских писателей. Не говорит ли это о том, что в XI в. пропорциональное соотношение богослужебных и четьих книг было иным, о чем можно судить — по сохранившимся экземплярам — в отношении к последующим столетиям. И не ставит ли это под сомнение общепринятое мнение об изначальном количественном преобладании богослужебных книг над четьими? Однако это остается лишь предположением, т. к. сохранившиеся

русские книги последующих веков дают иную картину соотношения числа богослужебных и четьих книг.

В тесной связи с патристикой стояла агиография. Если первая толковала богослужебные книги и излагала основы христианского вероучения, то вторая на наглядных примерах показывала результаты усвоения всего этого. «Послушаи ты жития святаго Василия и святаго Иоанна Златоустаго и святаго Кирила философа и инех мног святыих — како ти съпърва поведають о них рекуште: измлада прилежаху святых книг — то же и на добрая дела подвигнушася. Вижь како ти начятък добрыим делом поучение святыих книг» — такая рекомендация содержится в конце вводной статьи Изборника 1076 г.— первого русского сочинения о «почитании книжном» [181]. Поэтому не случайно то, что уже от XI и XII вв. сохранились как агиографические сборники — Синайский патерик и так называемые (по местам последнего хранения) Успенский и Выголексинский — так и фрагменты отдельных, разнообразных по местам происхождения Житий святых. К этому же времени относится и старейший из сохранившихся экземпляр Пролога — книги, в которой патристический и агиографический материал объединен и организован по календарному принципу. И именно этот тип четьих книг — Прологи и Четьи минеи — стал весьма распространенным в последующие века, оттеснив толковые Изборники — справочники типа Святославова, с которых и началось усвоение русским читателем библейских книг и патристической литературы. Объяснить это можно опять-таки постоянно развивающейся потребностью к чтению древнерусского читателя, которого уже перестали удовлетворять исключительно библейские книги — богослужебные и толковые; понадобился более широкий круг регулярного, каждодневного чтения.

Этот круг пока еще тесно связан с церковным календарем: в Прологах и минейных четьих сборниках излагались события жизни святых или евангельские эпизоды, которые прославлялись в тот или иной день в церкви. Таким образом, домашнее чтение — будь оно именно домашним (у «мирских» людей), келейным или «соборным», по монастырским уставам (у монашествующих) — было как бы продолжением богослужения, его дополнением. Постепенно в круг этого чтения начинают входить уже не исключительно переводные сочинения: в старейшем из сохранившихся сборников такого типа, составленном в Рос-

сии — в Успенском последней четверти XII в. — содержатся древнейшие памятники оригинальной славянской и русской агиографии. И, как пишет современный исследователь Успенского сборника, «рукопись эта связана с историей и бытом своей эпохи» [182] и отразила читательские интересы определенных слоев русского общества. С расширением читательского интереса, несомненно, было связано и распространение в рукописной книжности памятников историографии — переводной и оригинальной. К концу XIII в. их было, очевидно, в читательском обращении уже так много, что, несмотря на массовую гибель книг, от того времени сохранились по одному списку Хроники Георгия Амартола и Новгородской летописи.

Подводя итоги краткого обзора репертуара сохранившихся четьих книг XI—XIII вв., следует отметить, что хотя они, быть может, не охватывают круг чтения тех времен полностью, во всей его широте (вполне можно допустить, что не только отдельные памятники, но и целые жанры русской литературы того времени до нашего времени не дошли), основное направление развития рукописной книжности того времени ее сохранившиеся экземпляры в какой-то степени все-таки отражают. Подтверждением тому может быть следующее соображение: каждый тип и вид рукописной книги, равно как и всякое литературное произведение, были в той мере застрахованы от бесследной гибели, в какой они были распространены в рукописной книжности. И современная зависимость «редкости» книги не столько от ее тиража, как от популярности — свойство древнее, сложившееся еще в первые века существования русской книги.

Намеченные — по сохранившимся экземплярам — контуры основных направлений эволюции репертуара русской книги в XII—XIII вв. достаточно четко прослеживаются и в следующем столетии.

Среди сохранившихся книг того времени значительно возрастает процент богослужебных вообще и Евангелий — в особенности. Объяснить это следует не только тем, что в это время — в последний век феодальной раздробленности России резко увеличивается количество церквей [183]. Поэтому и Апостола уцелело от XIV в. почти вчетверо больше, чем от предыдущих трех столетий. То же примерно происходит с Псалтирью и Минеями; что касается последних, то еще предстоит работа по выяснению,

сколько годовых комплектов представляют сохранившиеся экземпляры — не более трех каждого месяца. Исчезают Кондакари, так как кондакарная нотация, не получившая широкого распространения, изжила сама себя[184]. Заметно сокращается число сохранившихся Стихирарей: если от XII — XIII вв. их известно 17, то от XIV в.— 8. Почти в том же числе сохранились Ирмологии. Резко увеличивается число сохранившихся Служебников — книги, как уже отмечалось, «карманной», а не алтарной или клиросной, бывшей обычно собственностью не церквей, а представителей духовенства. Этот факт подтверждает не только рост числа церквей и профессиональных переписчиков книг, но и распространение грамотности среди духовенства: едва ли не большинство Служебников, особенно различных дополнений к ним, написаны отнюдь не профессиональными почерками. Этим же можно объяснить и наличие таких богослужебных книг, каких от предыдущих столетий не сохранилось,— Требников, Обиходов и Шестодневов церковных — различных богослужебных сборников. Церковнослужители продолжают отступать от канонических, традиционных составов богослужебных книг, заказывая переписать или сами переписывая в отдельные книги те богослужебные тексты, в которых они больше нуждались, и в том порядке, который был наиболее удобен для отправления богослужения — на клиросе и в алтаре, в церкви и по домам. Так вкратце можно прокомментировать итоги изучения сохранившихся русских богослужебных книг XIV в.

В отношении четьих книг XIV в. следует прежде всего отметить увеличение числа их видов и названий: в XI — XIII вв. их 8, а в следующем столетии 10. Изменился и репертуар четьих книг: не сохранилось ни одного Изборника типа Святославова. Заменившие их, вероятно, на время (от XV в. такие сборники сохранились) «монографические» толкования отдельных библейских книг тематически расширяются: от XIV в. сохранились толковые варианты не только Евангелия, Апостола, Псалтири и Апокалипсиса, но и других книг Библии, иных жанров,— например книги Иова. Сохранились и списки отдельных книг Ветхого завета и их комплектов в четьих вариантах, вне Паремийников: известен один список Пятикнижия и один список книг Иисуса Навина, Судей, Руфи и Есфири, смешанных со статьями из Хронографа. Оживление читательского интереса

к «историческим» книгам Ветхого завета проявляется и в том, что от XIV в. сохранилось три списка Палеи, и все они — толковые.

Значительные изменения отмечаются в репертуаре патристических книг: расширяется круг авторов, причем сочинения отцов церкви оказываются в меньшинстве в сравнении с произведениями писателей-аскетов. Если, например, сочинений Григория Богослова от XIV в. сохранилось пять списков (предыдущих столетий — 2), то одной только Лествицы Иоанна Синайского известно 13 списков (XI — XIII вв. — три). Это явление следует объяснить ростом числа монастырей и монашествующих в России, начавшимся еще в XIII в. [185] Этим же можно объяснить и еще одно изменение репертуара патристических и агиографических книг — увеличение числа «соборников», организованных соответственно с уставным монастырским чтением произведений этих двух жанров — Торжественников, Златоустов, Измарагдов, Прологов; последних, например, от XI — XIII вв. сохранилось 18, а от XIV в. — 40 томов. Соответственно возросло и число сохранившихся списков Патериков: от предыдущих столетий их сохранился только один, а от XIV в. — четыре и все разные.

Знакомство с названиями четьих книг XIV в. на первый взгляд может дать неправильное представление о круге чтения русских людей того времени. Если судить только по видам и названиям сохранившихся книг, создается впечатление о преобладании религиозно-нравоучительной тематики, почти целиком представленной переводной патристикой и агиографией. Однако в это время активно распространились — в отдельных случаях даже за пределы Руси — такие крупнейшие памятники оригинальной русской литературы, как Слово о законе и благодати, памятники русской патристики, агиографии и историографии. Их не видно в перечне названий русских четьих книг XIV в.: они обнаруживаются лишь при аналитическом описании сборников, заслоненные плотным «конвоем» окружающих их переводных, традиционных памятников. Однако этот «конвой», вероятно, и обеспечил им сохранность и распространение в рукописной книжности. Так, например, Слово о законе и благодати уже в XIII в. вошло в Торжественники [186], так же, как проповеди Кирилла Туровского, сочинения Климента Смолятича, Серапиона Владимирского и других знаменитых русских писателей XI —

XIV вв. И, может быть, тем, что Слово о полку Игореве оказалось в окружении памятников светской литературы (как можно судить по «конвою» его единственного известного списка), не будучи защищенным «стеной» традиционных памятников агиографии и патристики, и следует объяснить его одинокость в русской рукописной книжности. О достаточно широком распространении в рукописной книжности XIV в. памятников не только религиозно-нравоучительных, но и светских, хотя и не известных в списках этого времени, свидетельствуют не только сохранившиеся уже от следующего столетия их списки, но и прямые заимствования из них в книгах и памятниках литературы XIV в. Такова знаменитая приписка к Псковскому апостолу 1307 г. с цитатой из Слова о полку Игореве, цитация Слова о законе и благодати в целом ряде сочинений авторов XIV в.[187]

Все сказанное свидетельствует о том, что в XIV в. в русской рукописной книжности существовал и распространялся гораздо более широкий круг литературных памятников, чем можно судить по сохранившимся их спискам того времени. Об этом же свидетельствует и то обстоятельство, что следующее столетие — время начала национального возрождения России после периода феодальной раздробленности — дает уже значительное увеличение как общего числа сохранившихся книг[188], так и тех из них, которые создавались не только для «душеспасительного» чтения. И то, что от XV в. сохранилось несравненно больше списков памятников оригинальной русской, в том числе светской литературы,— как по отдельности, так и авторскими или тематическими подборками, следует поставить в заслугу русским книжникам предшествующего столетия.

Репертуар русской книжности XV в. по сохранившимся ее экземплярам и на основании источниковедческого анализа созданных в то время литературных памятников — должен стать предметом специального и очень нужного для истории русской культуры исследования. О некоторых же предпосылках для крупного — количественного и качественного — скачка в истории русской книги XV в.,— предпосылках, появившихся уже в предыдущем столетии, будет идти речь в следующей главе, посвященной «персоналии» русской рукописной книжности XI—XIV вв.

* III *

О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ЗАКАЗЧИКОВ И МАСТЕРОВ РУССКОЙ КНИГИ XI—XIV ВВ.

ПОСЛЕ знакомства с репертуаром и функциональным предназначением сохранившихся русских книг XI—XIV вв., перейдем к рассмотрению сведений о тех, кому они были обязаны своим появлением и распространением. И попытаемся ответить на вопрос, в какой степени содержание и внешний облик книги тех веков зависел от персоналии ее производителей и заказчиков.

Сведения о заказчиках и писцах книг начали накапливаться с самого начала русской археографии. Уже в первом из вышедших в России печатных научных описаний собраний рукописной книги К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым были отмечены или воспроизведены многие приписки на книгах, являющиеся основным источником сведений о персоналии русской рукописной книжности [189].

Полностью воспроизведены приписки в монументальнейших описаниях А. Х. Востокова, А. В. Горского и К. И. Невоструева [190]. Еще в прошлом столетии были предприняты и первые попытки систематизации сведений о персоналии рукописной книжности — первоначально в простейших сводных хронологических списках имен [191]. К первым годам текущего столетия относится начало работы акад. Н. К. Никольского по составлению полной и исчерпывающей персоналии рукописной книжности XI—XVII вв., сведенной из опубликованных описаний рукописных книг, а также из их исследований (главным образом — И. И. Срезневского) и сведений, почерпнутых автором во время своей многолетней работы над русской рукописной книгой. Работа осталась незаконченной, и опубликовано было только ее начало [192].

Анализ сведений о заказчиках и создателях русских книг XI—XIV вв., почерпнутых из приписок, осложняется, прежде всего, терминологическими неясностями. Еще И. И. Срезневским было отмечено, что слова «написал» и «списал» могли быть сказаны «и о тех лицах, по воле которых книги были написаны» [193].

И только в пространных и обстоятельных приписках можно подчас точно определить, к кому именно — к заказчику или книгописцу — относятся эти слова [194]. Неясны часто и термины, которыми книгописцы обозначают свое социальное положение [195], в отдельных случаях трудно понять, и какая часть работы была проделана данным лицом в условиях разделения труда создателей книги [196]. Наконец, едва ли не большинство приписок не имеют вообще указаний на социальное положение заказчиков и писцов книг: их имена, особенно последних, буквально тонут в обилии самоуничижительных определений, из которых самыми краткими являются ничего не говорящие «грешный раб» или «раб божий». Все это и многое другое ограничивает возможности точного социологического анализа персоналии русской рукописной книжности. Однако попытку такого анализа следует предпринять, при всех ограниченных ее возможностях,— для того, чтобы попытаться установить хотя бы схематически связь репертуара и внешнего облика русской рукописной книжности с ее производителями и потребителями.

Приписки на книгах XI — XIII вв. содержат имена 22 заказчиков — людей различных социальных положений [197]. Посмотрим, что именно каждый из них заказывал. Один князь заказал Евангелие, два других — по книге толкований священного писания, четвертый — Кормчую книгу (в выходной записи на ней названа в качестве заказчицы и его жена; имя другой княгини — в качестве заказчицы — названо на Псалтири). Посадник заказал Евангелие, тиун — книгу Ефрема Сирина. Два архиерея заказали по Кормчей, третий — Ирмологий, четвертый — Пролог. Настоятель монастыря заказал Евангелие, монахи — две богослужебные и одну четью книгу. Двое именитых людей (они названы по имени и отчеству) заказали по Прологу, третий — Евангелие и Апостол; трое остальных «мирских» людей и священник заказали три Евангелия и Устав церковный с Кондакарем.

Эти скудные сведения дают возможность судить не только о социальном составе заказчиков книг тех времен и о том, какие книги они заказывали, но и для каких целей. Один князь (Мстислав) и посадник (Остромир) заказали книги явно для вклада в церкви; другой князь (Владимир Василькович) — Кормчую, вероятно, для собственной надобности. Князья Владимир и Святослав Ярославичи заказали книги явно для домашнего чтения;

для домашнего употребления, конечно, заказала княгиня Марина «Псалтирю с покаянны и молитвами»[198]. Три архиерея заказали книги в полном соответствии со своими обязанностями, четвертый — для чтения. Игумен и священник заказали книги, вероятно, для своих церквей; монахи — для богослужения и келейного чтения, «мирские люди» — также богослужебные и четьи книги. Таким образом, сохранившиеся в приписках на книгах XI — XIII вв. сведения о заказчиках дают основания утверждать, что книги заказывались и для вкладов в церкви, и для собственного употребления в соответствии с профессиональными потребностями или читательскими интересами.

В приписках на сохранившихся русских книгах XIV в. в качестве заказчиков названы имена шести князей, пяти бояр, четырех архиереев, одиннадцати настоятелей монастырей, шести монахов, шести именитых и трех «мирских» людей без указания признаков социальной принадлежности, двух священников — всего 42 имени. Значительное увеличение общего числа этих имен, в сравнении с предыдущим столетием (почти вдвое) соответствует увеличению (примерно в два с половиной раза) числа сохранившихся книг XIV в.[199] Одна из причин увеличения числа последних, отмеченная в предыдущей главе — рост числа монастырей, отразилась и в резком увеличении среди заказчиков книг имен настоятелей монастырей. Если группа заказчиков-архиереев, по сравнению с XI — XIII вв., не увеличилась (так как число епархий оставалось прежним), то настоятелей монастырей стало больше вдесятеро. С изменениями в истории сложения административного аппарата русской церкви связано появление в приписках на книгах, в качестве заказчиков, имен церковных старост. На одной книге — Параклитике (особый вид Октоиха) в 1369 г. названы два имени — братьев «Совькиничей»[200], а на другой — Прологе 1400 г.— четыре. И про последних, названных, «боярами», сказано, что книга была заказана ими от имени «всих боляр и всеи улици Кузмодемьяне»[201]. Таким образом, индивидуальные заказы именитых людей начинают уступать место коллективным, в которых они, заказывая книги, быть может — за свой счет, действуют уже как представители «уличан». В дальнейшем — уже в XV в.— в этой роли начнут выступать и ремесленники. Это явление — немаловажный факт истории русской книги первого полутысячелетия ее существования.

Обратимся теперь к репертуару книг XIV в., на которых указаны имена заказчиков, и посмотрим, насколько и каким интересам последних они соответствовали.

Из шести князей пять заказали по Евангелию, один — летопись (Лаврентьевскую); трое новгородских и один смоленский епископ заказывали почти исключительно богослужебные книги, причем первые — по нескольку. Настоятели монастырей заказали шесть богослужебных и пять четьих — монастырского круга чтения книг. Монахи заказали четыре богослужебных и две четьих книги, именитые люди — пять богослужебных и одну четью. Остальные три «мирские» человека и два священника заказали исключительно богослужебные книги. Эти факты не нуждаются в особом комментарии. Они лишь подтверждают наблюдения над соответствием репертуара книг и персоналией их заказчиков, относящиеся к предыдущим трем столетиям. Но для XIV в., когда репертуар русской книги значительно расширился, а ее функциональное предназначение стало соответствовать более разнообразным читательским интересам, они явно не достаточны. Объяснить это несложно: выходные записи с указанием имени и социального положения заказчиков в большинстве случаев делались на книгах, предназначавшихся для вкладов в церкви и монастыри, которые самими заказчиками вряд ли читались. И из двух сохранившихся списков тех веков русских летописей имя заказчика указано лишь на одной; отсутствие выходной записи русского списка греческой Хроники Георгия Амартола восполняет миниатюра, изображающая ее заказчиков, и исследователям приходится лишь спорить о том, в какие годы их жизни была создана эта книга [202]. Однако этот случай уникальный и находит аналогию в выходной миниатюре Изборника Святослава: обычно на миниатюрах изображались лишь эпонимы заказчиков. Неизвестно, для кого переписаны отдельные части Библии, предназначенные явно для домашнего чтения, старейший список Пчелы, хотя писец последнего свое имя обозначил. Наконец, неизвестно, для кого составлены русские четьи Сборники XIII и XIV вв., отразившие как эрудицию их составителя, так и репертуар четьих книг того времени.

Таковы итоги анализа состава заказчиков русской книги XI — XIV вв. и некоторые наблюдения по поводу его соотношения с репертуаром последней.

Перейдем теперь к анализу социального состава мастеров русской книги XI — XIV вв. Исходные данные для него гораздо обильнее, чем для анализа состава заказчиков: если последних за этот период известно 64 имени, то первых более чем вдвое — 144. Однако по своему социальному положению мастера книги делятся лишь на три категории: представители белого (38) и черного (17 имен) духовенства, а также люди, не указавшие на свою принадлежность к духовному сословию (89)[203]. Хронологическая последовательность появления и роста состава каждой из перечисленных групп, а также некоторые явления и тенденции внутри каждой из них дают для истории русской книги важный материал, почти не используемый в книговедческих работах. Восполняя этот пробел, попытаемся выявить и объяснить основные тенденции развития и изменений социального состава производителей русской книги в первое четырехсотлетие ее существования.

Преобладание среди мастеров книги людей «мирских» отмечается уже в первые три столетия истории русской книги, хотя в старейших по датам приписках называются люди духовного звания — один священник (Упырь Лихой) и два диакона (Григорий и Иоанн). Представители духовенства выступают в этот период как главные писцы и как члены книгопроизводственных групп смешанного социального состава. Таков один из писцов Архангельского евангелия 1092 г.: если имя его читается в настоящее время плохо (скорее всего «Петр»), то обозначение сана не вызывает споров — «прозвутор грешный». Важно отметить, что профессия книгописца в духовном сословии иногда была наследственной. Так, например, писцом Мстиславова евангелия был «Алекса сын Лазорев прозвитера»; попович Михаил участвовал в переписке Учительного евангелия второй половины XII в.; священник Захария переписал в 1271 г. Паремейник вместе со своим сыном Елевферием[204]. И еще важнее отметить, что ряды ремесленников-книгописцев пополняли не только поповичи, но и лица, утратившие духовное звание, которые не смущались называть себя в приписках «бывый попин» или даже «распоп»[205]. Что же касается сана книгописцев духовного звания, то большинство из них назвало себя диаконами — лицами низшего духовного сана, в обязанность которых входило приготовление к богослужению облачений, сосудов и книг; последние они, конечно, умели и писать. Привлекает внимание и то, что многие книгописцы духовно-

го звания назвали свои не христианские, а древнерусские, языческие имена, а иногда и те, и другие, либо прозвища. Таков первый по датировке из всех известных русских писцов поп Упырь Лихой, диакон Добрило-Константин, пономарь Творимир-Иаков, священник Дъмка и некоторые другие. Все это не случайное явление, а отражение известного исторического факта — двоеверия, пережитки которого в XI — XIII вв., как видно из приведенных примеров, отражались в быту даже духовенства.

«Мирских», языческих имен, естественно, больше можно ожидать среди книгописцев, не указавших своей принадлежности к духовенству. И ожидания эти вполне оправдываются. Среди них — имена или прозвища, происходящие — быть может — от особенностей внешности («Белына», «Даниил Черьмный»), характера или свойств натуры человека («Завид», «Бестрой», Жаден»), от названий птиц («Чьгъл» — щегол, Ворон). Все это должно привлечь внимание специалистов по ономастике, а сейчас важно осмыслить это явление в истории русской книги как свидетельство «мирского» светского окружения мастеров книги XI — XIII вв. Наконец, следует отметить еще один важнейший факт: в сохранившихся книгах XI — XIII вв. находится всего одно имя писца-монаха. Это, конечно, не значит, что монахи мало писали книг — такое предположение противоречило бы свидетельствам источников. Однако мастера книги из «мирских людей» и близкого к ним по социальному положению белого духовенства производили в эти века, вероятно, гораздо больше книг, чем монашествующие, выступавшие чаще в роли заказчиков книг. Таковы некоторые наблюдения и выводы о персоналии мастеров русской книги XI — XIII вв.

В приписках и пометах на русских книгах XIV в. сохранилось 90 имен книгописцев: 20 представителей белого и 16 — черного духовенства, 54 писца, не указавших свою принадлежность к духовному званию.

Процентное соотношение между этими группами, по сравнению с предыдущими тремя столетиями, выглядит так:

Века	Духовенство		„Мирские“
	белое	черное	
XI—XIII	32,72	1,82	65,45
XIV	22,22	17,78	60,00

Уменьшение числа книгописцев из белого духовенства и «мирских», наряду со «скачком» числа монашествующих, объясняется просто — резким увеличением числа монастырей, которое отразилось и на репертуаре книги XIV в., и на персоналии ее заказчиков и писцов. Произошли и некоторые изменения внутри групп: в первой из них на 16 диаконов приходится всего 5 священников (в предыдущих столетиях соотношение между ними выражалось как 6 : 8 — преобладали священники), а в предпоследней появились представители высокопоставленного монашества — один игумен и два митрополита [206]. Что же касается изменений среди «мирских» книгописцев, то из 54 только трое назвались поповичами [207], но зато появляются «владычни робята» (Пролог 1356 г.) и «паробки» (в нескольких приписках на книгах новгородской Софийской библиотеки), «владычен писец» (Минея 1365 г.) или просто «писец» (Пролог 1400 г.). Все это отражает важнейший глубинный процесс истории русской книги, начавшийся уже на грани XI и XII вв. — процесс демократизации и профессионализации книгописного ремесла. Если в первые три столетия истории русской книги значительный процент ее — около одной трети — изготовлялся представителями белого духовенства, или выходцами из него, для которых книгописание не было основным занятием, то в XIV в. «мирские» книгописцы, хотя количественно и несколько уменьшившиеся (их «потеснили» монашествующие), начинают складываться уже в более монолитную профессиональную категорию. Что же касается монашествующих, процент которых увеличился в XIV в., по сравнению с XI—XII вв. почти в десять раз, то это были книгописцы-профессионалы особого рода, писавшие книги больше не по заказу, а в исполнение «послушания», обычно по «благословению» и выбору настоятеля монастыря. И это обстоятельство обусловило влияние заказчиков и писцов-монахов на репертуар русской рукописной книги: в конце XIV в. начали складываться сохранившиеся до нашего времени монастырские библиотеки с их специфическим и довольно однообразным репертуаром книг, состоявшим преимущественно (но не исключительно!) из патристики и агиографии.

Обратимся теперь к рассмотрению явлений, отразивших отмеченную выше профессионализацию и демократизацию книгописного ремесла в XIV в. И прежде всего проследим эволюцию

того элемента, в котором книгописцы с самого начала истории русской книги могли проявить и проявляли инициативу, могли сказать свое слово даже при переписке книг богослужебных и церковно-канонических. Проследим эволюцию формуляра выходных записей на русских книгах XI—XIV вв.

Исследователями давно уже была отмечена связь старейших русских выходных книжных записей с византийскими[208]; однако этот формуляр на русской почве очень скоро подвергся значительным изменениям. Поскольку этот факт для истории книги имеет немаловажное значение, рассмотрим его подробнее.

Прежде всего отметим распад традиционной выходной записи на ее отдельные элементы, при котором некоторые из последних становились необязательными. Таковым неожиданно оказался первый элемент выходных записей — обращение к богу с благодарностью по случаю завершения переписки книги: оно есть лишь в двух из десяти известных приписок писцов XI в. — священника Упыря Лихого и диакона Григория[209]. И уже через сто лет другой диакон — Константин Добрило — выразил чувство радости по поводу завершения переписки Евангелия совершенно иначе, «по-мирски»: «Яко же радуется жених о невесте, тако радуется писец, видя последний лист»[210]. К богу же писцы стали чаще обращаться с просьбами о помощи в их труде или «о помиловании»[211]; к этой просьбе они обычно просили присоединиться заказчиков и читателей книги. Так эволюционировали на русской почве некоторые традиционные элементы византийских выходных записей.

Более важным представляется проследить эволюцию элементов отражения в приписках русских книг XI—XIV вв. окружавшей писцов действительности, иначе говоря, развитие историзма в этих приписках.

Мною уже отмечалась «летописность» Послесловия диакона Григория; это свойство отражается во многих приписках к книгам последующих веков. При этом не всегда отмечаются лишь события жизни заказчиков книги: гораздо чаще, особенно к концу рассматриваемого хронологического периода, в приписках фиксируются события феодально-областнического или общерусского значения. Этот факт особенно примечателен потому, что такие приписки сохранились почти исключительно в переводных богослужебных или религиозно-нравоучительных книгах. Книго-

писцы явно стремились фиксировать исторические события своего времени в книгах «священного писания» потому, что авторитет этих книг был достаточно высок и считалось все написанное в них — вечно[212]. При этом иногда переписчики, демонстрируя свою эрудицию, приводили цитаты из других известных им книг.

Закончив в 1296 г. переписку сочинений антиохийского писателя XI в. Никона Черногорца, писец отметил, что «того же лета бысть поскуда хлеба, а в Суждальской земли голод бяше; мнозии худии идяху в Новгородскую волость кормитися; то же бяше по грехом нашим — не имеяхом бо любви межи собою, но снедаху друг друга завистию, яко же рече пророк: снедающие люди моя в снедь хлеба место»[213]. Последней фразой — пришедшей ему на память цитатой из Псалтири — переписчик иллюстрировал и обосновал свое объяснение неурожая, осмысленное им традиционно, как «божья кара». В другом случае, при фиксации переписчиком внутриполитического положения своей феодальной области, ему вспомнилось другое, светское сочинение, да еще, вероятно, в те времена редкостное — Слово о полку Игореве. В приписке к Апостолу 1307 г., говоря о борьбе князей за Новгород, псковский книгописец отмечает: «при сих князех сеяшет и ростяще усобицами, гыняше жизнь наши в князех которы и веци скоротишася человеком»[214]. Таковы лишь два примера, показывающие, как в приписках книгописцев отражаются подчас не только исторические события, но и их эрудиция, их начитанность не только в тех книгах, какие им чаще всего приходилось переписывать.

Однако едва ли не в большинстве случаев в записях и пометах на книгах, начиная с древнейших, отражались не исторические события, а окружавший мастеров книги быт, их отношение к своему труду и его результатам, иногда даже организация самого процесса изготовления книги.

Так, например, в начале XII в. переписчик Кормчей книги явно не заинтересовался ее содержанием и все время как бы «подхлестывал» сам себя: «О Офреме, держи си крепко ум, грешнице»; «Офреме, не дьржи ума кроме!»; «Офреме грешниче — не ленися!»; «Офреме грешьнице, что не помянеши дне того, како ленишися»[215]. И во всех этих приписках — ни слова о покаянии в грехах, а только жалобы на свою невнимательность и лень. Од-

нако и в такого рода приписках, когда они оформлялись в виде законченных небольших текстов, отражается подчас отношение переписчика к своему труду.

«Братья, аще кде буду изъгрубил — или в тузе (унынии. — *Н. Р.*), или в печали, или в беседе коли с другом — а вы, бога деля (ради. — *Н. Р.*) исъправляюче чтете, зане грех кляти тружающегося бога ради», — так написал писец в конце Евангелия 1307 г. В этой приписке не только нет извинения за ошибки, но — с чувством собственного достоинства — указывается, что нельзя бранить написавшего книгу «бога ради», т. е. бесплатно [216].

Как редкий пример, отразивший отношение писца к содержанию переписываемой книги, приведу слова, написанные перед текстом «Жития Саввы Освященного» в списке XIII в. — слова, обращенные, возможно, ко второму писцу: «То ти язъ мольвлю, хотя грешен есмь человек: не токмо послушятель буди тех словесъ, но и творець», — пишет «поп поломонарь» Кохан [217]. Это прозвище наводит на мысль, не был ли этот писец, работавший далеко от России, в Иерусалиме, выходцем с Юга России. И не отразилось ли в этой приписке то самое активное отношение переписчика-читателя к книге, которое было свойственно киевским книжникам предшествующих столетий.

Зато столетие спустя нижегородский монах Лаврентий, завершивший эстафету владимиро-суздальских переписчиков книг, донесшую до нас текст Киевской, начальной русской летописи, никак не отразил свое отношение к ней, хотя в книге, которую он переписал, излагалась история его родины с древнейших времен. В пространной приписке к этой книге, названной позднее его именем, он лишь выразил радость по поводу окончания переписки, сделав это в традиционной форме сравнения себя с купцом, получившим барыш, «кормчим во отишие приставшим», странником, «в отечество свое пришедшим».

Относясь подчас инертно к текстам переписываемых книг, которые далеко не всегда возбуждали у переписчиков читательские интересы, книгописцы иногда проявляют заботу об их дальнейшей судьбе и сохранности, выражаясь порой весьма эмоционально. «О горе тому, кто черькает у книг по полем! — на оном свете те письмена исьцеркают беси по лицю жагалом железньным», — предупреждает писец-новгородец (Минея XII в. — ГИМ, Си-

нод. № 163). Ему вторит писец Христинопольского апостола того же времени, написанного на Юге России: «Еже святые книги режеть — не дай ему бог добра в сий век и в будущий» [218].

Значительного числа примеров, отражающих возбуждение читательского интереса у переписчиков богослужебных книг XI—XIV вв. в записях и приписках того времени указать затруднительно; старейшие из таковых относятся лишь к следующим столетиям, но и в те времена они довольно редки. Примечательно, что древнейшие из таких приписок встречаются на Псалтири, что еще раз подтверждает «двуединость» ее предназначения — как богослужебной, так и четьей книги. Такова, например, известная и весьма пространная приписка священника Захарии на Псалтири 1296 г. — приписка автобиографического содержания. Сообщив, что он, «имея из детьска обычая, много написав богословия святых книг» и «уже при старости ему бывшу... и сию Псалтирь написах», он резюмирует: «Молитва бо и Псалтиря вышши есть всех добрынь и пища уму есть якоже хлеб телу... Блажен и треблажен иже во время с покаяньны и с молитвами Псалтирю сию поеть» и т. д. [219].

Подробнее следует остановиться на приписках, отражающих сам процесс изготовления книги — взаимоотношения мастеров книги, степень ответственности каждого из них за результаты коллективного труда.

Выше уже говорилось о роли диаконов Григория и Иоанна как главных писцов роскошных книг, созданных для богатых и знатных заказчиков. Ответственность за эту работу давала им право назвать в выходных записях лишь свои имена, хотя над Остромировым евангелием, например, вероятнее всего трудилось несколько писцов и художников-оформителей. Кроме того, они не только распоряжались своими подручными, но и показывали им образцы своего собственного каллиграфического мастерства. Возможно и такое предположение: подручные писцы Остромирова евангелия и Изборника Святослава были людьми, низшими по сану и подчиненными по службе главным писцам этих двух книг.

Иными представляются взаимоотношения между писцами Архангельского евангелия. Эту скромную, украшенную лишь киноварными заставкой, концовкой и инициалами книгу писали три писца, и каждый из них обозначил свое имя. Один, по-ви-

димому, старший писец сделал в конце традиционную выходную запись с трафаретным набором самоуничижительных эпитетов, хотя и произнесенных с заметной экспрессией: «Оох, отци и братия мои!». И свое имя он назвал в такой унизительной форме — «Мичка», что неизвестно, как его на самом деле звали. Подручные писцы оставили в Архангельском евангелии лишь свои имена — в небольших по объему пометах: один — через четыре листа после записи «Мички», второй на обороте последнего листа, под концовкой, назвав в ней, быть может, имя заказчика книги[220]. Такое расположение приписок создателей Архангельского евангелия, — все они «расписались» в конце книги, как бы подписывая ее,— свидетельствует о том, что они не только в равной степени участвовали в создании этой книги, но и были, скорее всего, людьми равного социального положения, несмотря на то, что один из них был священником. Таким образом, если роскошные книги XI в., созданные для богатых и знатных заказчиков, «подписаны» лишь одним человеком, отвечавшим за всю работу, то в обычных «массовых» книгах хотя и был главный писец, делавший обычно выходную запись, полного обезличивания остальных переписчиков не было.

Аналогичная с Архангельским евангелием картина вырисовывается и при знакомстве с новгородскими Минеями конца XI — начала XII в., о чем подробно было сказано в конце первой части предлагаемой книги. Напомню лишь основной свой вывод относительно писцов этого многотомного комплекта. «Начальником» — в прямом и первоначальном смысле этого слова — переписки этих книг был писец Дъмка-Иаков, сделавший в двух первых томах выходные записи. Однако со второго уже тома в кратких пометах заявляют о себе и другие писцы, вероятно, члены книгописной артели, изготовившей эти книги. Кооперация книгописцев одинакового социального положения, при рациональной организации труда, дала возможность привлекать к созданию книг, даже однотомных, большое число участников[221]. Последнее обстоятельство свидетельствует о том, что в рассматриваемый период истории русской книги число ее мастеров было достаточно большим и, во всяком случае, гораздо большим числа сохранившихся их имен.

При этом важно отметить, что профессия мастеров рукописной книги была распространена тогда по всей России,

что подтверждается широтой географии распространения русской книги XI—XIV вв.[222]

Распространение профессии мастеров книги в период феодальной раздробленности по всем русским землям при политической разобщенности последних обусловило появление местных школ письма и художественного оформления книги. Вершин своего развития эти местные школы достигли уже в последующие столетия, в условиях политической и культурной консолидации русских земель, последовавшей в результате ликвидации феодальной раздробленности, когда, в частности, возобновился и развился книгообмен; однако принципы письма и художественного оформления книги в некоторых феодальных областях сложились еще в предшествующие столетия. Это подтверждают исследования искусствоведов, занимающихся историей искусства книги древней Руси, иногда даже само «библиогеографическое» расположение материала их исследований, — например, в книге А. Н. Свирина «Древнерусская миниатюра» (М., 1950), где специальные главы уделены искусству оформления книг XI—XIV вв., созданных в Киеве, Владимиро-Суздальской земле, в Новгороде и Пскове, в Москве, Твери, Ярославле, Смоленске. В последнее время появились исследования советских искусствоведов, посвященные не только отдельным выдающимся памятникам искусства книги XI—XIV вв. местных школ, но и анализу самих этих школ, даже их регионов[223].

Наиболее полные сведения об искусстве письма и оформления русской книги XI—XIV вв. сохранились для новгородской школы. И это объясняется не только общеизвестной причиной — тем, что Новгородская земля, избегшая татарского разорения, сохранила наибольшее число известных в настоящее время русских рукописных книг. Крупнейший торговый центр — Новгород стоял на важнейших торговых путях, его политической роли уделялось особое внимание руководителями Русского государства еще в дофеодальный период: в XI в., например, князем в Новгород назначался обычно наследник Киевского князя. Все это привело к тому, что именно в Новгороде оказались и сохранились такие выдающиеся памятники искусства книги древней Руси, как Остромирово евангелие и Изборник Святослава, были созданы Мстиславово и Юрьевское евангелия, а также целый ряд других памятников искусства книги последующих веков;

появился, развился, а вскоре и распространился по другим областям феодальной Руси тератологический стиль художественного оформления книги. Поэтому не случайно, а закономерно то, что если среди сохранившихся имен заказчиков русских книг XI—XIV вв. не наблюдается численного превосходства новгородцев, то среди мастеров — переписчиков книг и их оформителей — они преобладают. И именно они, новгородские мастера книги, внесли в большинстве случаев на поля русских книг рассматриваемого периода отражения исторической действительности, а также окружавшего их быта, условий и организации своего труда.

Новгородские книжники внесли также заметный вклад в создание репертуара русской книги XI—XIV вв., добывая для своих книг тексты в других областях древнерусского государства, или же привозя их из-за рубежа. Новгородские паломники «по святым местам» часто переписывали в монастырях Афона и Палестины книги или приобретали их там. Так, например, в 1397 г. переписчики Тактикона Никона Черногорца «два калугера Яков да Пумин» отметили, что оригинал их книги «вынесл... из святое горы игумен Ларион того же монастыря» [224]. Ими же, новгородскими книжниками, был внесен большой вклад в распространение книги в отдаленных областях севера России, в колонизации которых новгородцы предупредили москвичей на несколько столетий [225]. Поэтому позднее, в XV в., когда там появились монастыри, основанные москвичами, в их библиотеках едва ли не преобладали книги новгородского происхождения или же их списки. Наиболее ярким примером этого является библиотека Кирилло-Белозерского монастыря [226]. И не случайным, а закономерным, обусловленным интенсивным развитием книгопроизводства в Новгороде было появление в этом городе в конце XV и начале XVI вв. таких книжных колоссов, как Геннадиевская библия или Макарьевские минеи четьи, потребовавшие для своего осуществления привлечения огромного числа книжников всех специальностей — переводчиков, редакторов и сводчиков текстов, его переписчиков и оформителей — вплоть до переплетчиков, а также многих текстов, до тех пор в русской книжности не обращавшихся.

* * *

В заключение обзора персоналии русской книги XI—XIV вв., в качестве итога наблюдений над социальным составом ее заказчиков и мастеров, попытаюсь ответить на вопрос, поставленный в начале этой главы: в какой степени и каким образом репертуар, а также художественное оформление книг тех времен зависели от их производителей и потребителей.

Прежде всего, следует отметить следующую особенность: в рассматриваемый период книготорговля еще не была достаточно развитой — во всяком случае, продажных записей на сохранившихся книгах XI—XIV вв. не обнаружено. Поэтому лица, пожелавшие приобрести книгу для пожертвования в монастырь или церковь, а также для личного пользования, должны были ее заказать. Таким образом, в XI—XIV вв. при отсутствии книжного рынка, репертуар книги зависел от ее заказчика больше, чем в последующие века, когда при развитой книготорговле (по свидетельству Стоглава, например, книги в XVI в. повсеместно продавались на «торжищах») мастера книги не должны были ориентироваться исключительно на вкусы индивидуальных заказчиков. И это наложило сильный отпечаток на репертуар русской книги первых четырех столетий ее существования: заказывались в большинстве случаев книги вкладные, богослужебные. Они же, как уже неоднократно отмечалось выше, были в гораздо лучших, чем четьи книги, условиях хранения и гибли сравнительно с последними реже, почему и сохранились в преобладающем числе. Кроме того, не следует забывать, что выходные записи с упоминанием имен заказчиков делались в большинстве случаев на книгах не четьих, а богослужебных, так как являлись своего рода документом, подтверждающим «благочестивые даяния» вкладчиков и дающим основание на «вечное поминовение» их имен при богослужении, как это часто и писалось в выходных записях. От желания, точнее, достатка заказчика зависело и художественное оформление книги; наличие в числе первых богатых и знатных людей обусловило в отдельных случаях появление настоящих книжных шедевров. Таковой представляется зависимость содержания и оформления книги XI—XIV вв. от ее заказчиков.

Что же касается мастеров книги, то в тех случаях, когда им заказывалась книга определенного содержания, но не оговарива-

лось и не оплачивалось специально ее художественное оформление, они были вольны в выборе последнего по своему усмотрению. И в таких случаях в оформлении книги отражалось не столько индивидуальное мастерство исполнителей, сколько их навык — степень овладения средствами художественного оформления книги, традиционными для той области, где она создавалась, или для определенной школы, в отдельных случаях, быть может, отдельных книгописных мастерских. Здесь открывается широкое поле для искусствоведческих исследований различных перекрестных влияний — как собственно книжно-оформительских, так и влияния основных тогда видов изобразительного искусства — монументальной и станковой живописи. Однако в работах современных искусствоведов, посвященных оформлению книги XI—XIV вв., большее внимание привлекают последние из названных влияний — различных школ изобразительного искусства, в том числе и зарубежных [227]. Поэтому до сих пор является не объясненным, например, такой факт: почему в Новгороде, сохранившем так много памятников искусства книги Киева, усвоившем и развившем их оформительские традиции, не сохранилось ни одной лицевой Псалтири византийской традиции, представленной таким великолепным экземпляром, как Киевская 1397 г., и получившей такое широкое распространение во Владимиро-Суздальской, а потом в Московской Руси. Очевидно, что та струя миграции книжного потока, которая занесла традиции Киевской псалтири 1397 г. в среднерусские земли, миновала Новгород, хотя отдельные мастера книги из Киева, работавшие в этом городе, известны (например, писец Триодей — постной и цветной в одном томе — Моисей «Киянин»). Таков еще один пример, показывающий, как на помощь искусствоведу, изучающему историю русской книги, может прийти библиогеография [228].

Относительно участия книгописцев в создании репертуара четьих книг XI—XIV вв., основываясь на данных их приписок и помет, сказать почти ничего нельзя. Фактов, подобных созданию Изборника 1076 г., когда писец сам по собственному выбору из книг первой русской библиотеки создал такую книгу, в последующие три века не сохранилось. И здесь следует обратиться к анализу репертуара четьих книг XI—XIV вв. по их спискам последующих веков, обратиться к изучению репертуара русской

литературы того времени. Репертуар этот представляется достаточно широким и разнообразным, тематически и по жанрам, как это показывает обращение к любому курсу истории русской литературы. Его составляют памятники литературы периода, предшествующего феодальной раздробленности, а также созданные в XIII—XIV вв. в различных феодальных центрах и отразившие как местные, областнические, так и централистические тенденции[229]. И среди них — такие непревзойденные образцы, как «Слово о полку Игореве», «Моление Даниила Заточника», цикл повестей о татарском нашествии, начинающийся произведениями, отразившими поражение русских войск, а заканчивающийся повестями об их победах (эти события нашли достаточно яркое и разнообразное отражение также в памятниках иных жанров — в первую очередь русской агиографии XIII—XV вв.). Сохранение и распространение в рукописной книжности всех этих памятников, дающие возможность в настоящее время изучать их, является заслугой тех многочисленных и, в подавляющем большинстве, безымянных книгописцев, о которых шла речь в этой главе. Приведенные выше приписки и пометы, свидетельствуют не только о социальном составе мастеров книги, а также — и это главное — о царившей вокруг них атмосфере уважения к книге, об их стремлении зафиксировать в ней не только окружавший их быт с его повседневными заботами, но и исторические события того времени, стоявшие в центре едва ли не большинства памятников русской литературы XIII—XV вв. Все это отразилось в сложении и сохранении репертуара русской четьей книги в период феодальной раздробленности.

В эти же столетия в различных уголках феодальной Руси были созданы и настоящие шедевры художественного оформления книги — такие, как Киевская Псалтирь 1397 г., любопытным откликом которой стала книга, переписанная в 1485 г. в далеком и глухом Угличе Федором Шараповым, как лицевой список Хроники Георгия Амартола, написанный неизвестным «многогрешным рабом божиим Прокопием», ярославское Федоровское евангелие, лицевая Псалтирь 1395 г., «свершенная... рукою грешнаго инока Луки Смолянина», и многие другие, в том числе такие шедевры московского книгописания, как Сийское евангелие и так называемые (по именам позднейших владельцев и вкладчиков, а не их заказчиков и исполнителей, которые неизвестны)

Евангелия Хитрово и Кошки, как Сильвестровский сборник и многие, многие другие.

Будем надеяться, что искусствоведы, изучающие художественное оформление русской книги XIII—XV вв., последуют примеру литературоведов и развернут изучение этой книги по гораздо большему, чем до сих пор, кругу памятников — не только шедевров, но и «рядовой», массовой рукописной книги столетий, предшествующих появлению русского книгопечатания. У последнего же гораздо больше связей со всем предшествующим периодом истории русской книги в отношении оформления, а не содержания; в России книгопечатание продолжило в первые полтора столетия своего существования лишь одну традицию — богослужебных книг. И тогда можно будет решать проблему участия мастеров русской книги XIII—XV вв. в создании ее репертуара и художественного оформления, в создании внутреннего и внешнего облика средневековой русской книги на более широком, чем сейчас, материале.

* IV *

О ГЕОГРАФИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОЙ КНИГИ XI—XIV ВВ.

ИЗУЧЕНИЕ географии распространения книги или короче «библиогеографии» базируется на исходных фактических данных двух категорий: данных о местах написания книг и о регионах их распространения. Первые назовем «статическими», вторые — «динамическими»[230].

В рассматриваемый период в условиях отсутствия книжного рынка, когда книга чаще всего изготовлялась там, где и предполагалось ее использование, приобретают особое значение данные о местах происхождения книг. Тем более, что сравнительно малочисленные данные второй категории свидетельствуют чаще о миграции текстов, а не самих книг. Здесь особенно важно отметить, что в качестве заказчиков и мастеров русской книги XI—XIV вв. выступают жители едва ли не всех центров феодальных «полугосударств», а иногда представители различных слоев населения малых княжеств и городов. Поэтому так

редки случаи обращения к зарубежным мастерам письма и особенно оформления книги: история оклада Мстиславова евангелия, которое возили «облачать» в Константинополь, — случай едва ли не уникальный.

В одном из советских книговедческих исследований относительно международной миграции книги сказано следующее: «Чрезвычайно важным моментом в развитии средневековой книги следует считать то, что на этой ступени процесс формирования книжного организма вышел за рамки одной страны и мало-помалу начал приобретать интернациональный характер. Объяснение этому можно найти в том, что каналы торгового, политического, языкового, военного общения в феодальном мире постепенно расширялись, и каждое новое изобретение в книжном производстве быстро становилось известным в соседних странах... Восточные славяне лишь в IX—X вв. стали ощущать потребность в книжной организации письменности и приняли ее... уже в готовом виде. Книги этих народов содержали все характеристики европейской книги того времени... Существенно также, что средние века подсказали решение ряда проблем, с которыми книга столкнулась в более позднее время. Так была осознана необходимость специализации книг в зависимости от их назначения... — для церковных служб и личного пользования» [231].

Эти высказывания, основанные на материале западноевропейской книги, преимущественно печатной, с некоторыми коррективами относятся и к истории русской книги. Россия периода феодальной раздробленности по своей социально-экономической структуре имела много общего с западноевропейскими феодальными государствами. Поэтому другой советский книговед, отмечая, что «сейчас в исторической науке... начинает применяться синхронистический метод исследования», рекомендует историю книги «вписать в широкую историко-культурную среду» [232]. Что же касается первой из приведенных цитат, то перечень «каналов общения» в ней следует расширить еще одним, соответствующим общности вероисповедания. Именно по этому «каналу» устремились в славянские страны и на Русь византийские книги. Однако остальные из названных «каналов» повлияли на направление, содержание и мощность книжного потока: торговые, политические, в том числе династические связи были первопричиной того, что русская книга в XI—XII вв. отразила в своем содержании

и оформлении влияние и западноевропейской культуры. Это влияние не было непосредственным: чуждый славянским народам латинский язык и католическая религия много веков были серьезным барьером в международном обмене культурными ценностями. Посредником же между западноевропейской и русской книгой выступила в первые века существования последней книга славянских народов католического вероисповедания — книга латинского алфавита, но славянского языка [233].

Посмотрим, как распространялся по территории России книжный поток, хлынувший в Киевскую Русь после ее христианизации.

Основным маршрутом распространения книги по Руси первоначально был знаменитый торговый путь «из варяг в греки». По нему шли не только купцы, но также греческие иерархи и русские паломники, часто привозившие с собой предметы церковной утвари и книги — из Константинополя, с Афона и «святой земли» — Палестины. Но этот поток уже изначально не был чисто византийским: в монастырях Афона и Палестины жило много выходцев из славянских стран. Не был этот поток и односторонним, направленным лишь с юга на север: сохранились свидетельства миграции святынь и «от варяг». И если, например, первый монастырский устав списал для Киево-Печерского монастыря его игумен Феодосий у приехавшего с очередным митрополитом греческого монаха [234], то главная церковь в нем была построена — греческими же мастерами — «по мере» золотого пояса, принесенного варягом и снятого с креста, на котором было изображение Христа «якоже латына чтуть» [235]. Таковы факты встречи противоположных вероисповеданнических потоков в цитадели русского православия и колыбели летописания. Что же касается княжеского двора, то в Слове о полку Игореве говорится: «ту немци и венедици, ту греци и морава» пели «славу Святославлю» [236]. Отметим, что в этом перечне иноземных песнотворцев при дворе Киевского князя из четырех названных народов лишь один был православного вероисповедания, что также свидетельствует о преодолении вероисповеданнических барьеров в культурных связях Киевской Руси. Все это способствовало «интернациональному характеру формирования книжного организма» Киевской Руси и разнообразию источников ее книжного «импорта», местом сосредоточения которого был изначально Киев

со своими центрами книгопроизводства, — княжескими и монастырскими.

Маршруты миграции книги в последующем столетии по территории феодальной Руси можно было бы также наметить по торговым путям — статические данные библиогеографии это сделать позволяют. Сохранились свидетельства о книгописании в Смоленске [237] — узловом пункте пути «из варяг в греки», само географическое расположение которого предполагает интенсивное перекрещение культурных потоков, шедших с юга — из Киева, с севера — из Новгорода и с запада — по Западной Двине, непосредственно, минуя Новгород, из Ливонии и Скандинавии [238]. Сохранились книги XIII—XIV вв., созданные в городах бассейна верхней Волги, куда стали перемещаться европейские торговые пути после того, как с начала XII в. монополия Византии в средиземноморской торговле стала быстро утрачиваться. Однако социально-экономические условия и внутриполитическое положение феодальных русских княжеств в XII—XIV вв. заставляют внести значительные коррективы в их библиогеографию, тем более, что динамические библиогеографические данные этих веков являются недостаточными [239].

Во-первых, западнорусские княжества — Полоцкое и Галицко-Волынское, в которых в эти столетия интенсифицировалось производство книги [240], имели непосредственные сухопутные границы и широкие династические связи с Литвой, Польшей, Венгрией. Новгородская же купеческая республика, оказавшаяся, в результате упомянутого выше перемещения торговых путей, у их истока, стала главным посредником в торговле с Западной Европой быстро развивавшегося экономически и политически Владимиро-Суздальского княжества. Во-вторых, и это главное, соперничавшие между собою феодальные княжества были, каждое по-своему, заинтересованы в усвоении культурного, прежде всего книжного наследия Киевской Руси. Это лучше всего можно проследить на материале истории летописания, изученном более тщательно, чем другие жанры русской литературы.

«В XII и XIII вв. происходит интенсивный процесс политического дробления Руси, дробления экономического, культурного и т. д.», — пишет Д. С. Лихачев и при этом отмечает: «Время это не было временем культурного упадка. Рост областных

центров имел первостепенное значение в интенсивном культурном развитии Руси XII — начала XIII в. Проникновение в высокое искусство Руси местных традиций, вкусов непосредственных исполнителей, вносивших в свои произведения черты народного искусства, находилось в зависимости от чрезвычайного развития ремесел, появление многочисленных отраслей строителей, живописцев...» И к этому перечню с полным основанием можно прибавить и мастеров книги, тем более, что в следующем абзаце говорится о «широком проникновении народных начал в книжность, в архитектуру, в живопись XII—XIII вв.[241]. О том, как отражались эти «народные начала», «вкусы непосредственных исполнителей» в оформлении книги, достаточно написано специалистами-искусствоведами[242]. Однако, как было отмечено мною, в искусствоведческих исследованиях художественного оформления древнерусских книг фигурирует один и тот же, довольно узкий круг преимущественно выдающихся памятников, книжных шедевров. Поэтому полная картина отражения взаимовлияния различных местных и зарубежных школ на художественное оформление русской книги XI — XIV вв. предстанет перед исследователями лишь тогда, когда будет изучен более широкий круг памятников, не только книжные шедевры. Сейчас же продолжим рассмотрение отражений местных влияний в книге одного жанра и функционального предназначения — в русских летописях.

«Одним из характерных явлений культуры XII — XIII вв. был огромный рост потребности в историческом осмыслении событий... Ведением собственных летописей озабочены князья, городские общины, отдельные церкви»,— пишет Д. С. Лихачев. За источниками и образцами для своих летописей местные авторы обратились к начальной русской, киевской летописи, в которой имелось и первое в русской историографии «историческое осмысление событий» и «начатки личного княжеского летописания»[243]. Эти «начатки» мигрировали в форме книжных фолиантов вместе с основателями местных княжеских династий. Таковым был новый вид книжной миграции, пришедшей в условиях феодальной раздробленности «в помощь» традиционному, совпадающему, как отмечалось выше, с торговыми путями.

Однако летописатели феодальных княжеств не всегда довольствовались заимствованием из книжности древнего Киева

лишь летописных источников; характерным примером является использование Слова о законе и благодати в Ипатьевской летописи.

«При изучении Ипатьевской летописи не уделяют обычно должного внимания «Слову о законе и благодати» как источнику последней ее части»,— пишет другой исследователь летописания, объясняя заимствования из сочинения митрополита Илариона в этой летописи, а также в одном из ранних памятников историографии Владимиро-Суздальского края, сходством исторической ситуации [244]. При этом использовалась первоначальная редакция Слова о законе и благодати, известная в настоящее время лишь в единственном списке; это говорит о том, что миграция текстов сочинений Илариона, начавшаяся через ближайшие к Киеву Галицко-Волынские земли, довольно быстро донесла их до северных русских феодальных княжеств, а также до Новгородской земли [245].

Новым и важным этапом истории русской литературы в период феодальной раздробленности явилось появление городского летописания, возникшего в Новгороде в качестве оппозиции княжескому летописанию после переворота 1136 г. и изгнания новгородцами князя, происходившего из киевского рода. И хотя составлением нового летописного свода занялся постриженник Киево-Печерского монастыря архиепископ Нифонт, этот свод не только отразил новые тенденции, но и использовал новые источники, преимущественно местного происхождения. Характеризуя общую тенденцию развития культурной жизни Новгорода той поры, Д. С. Лихачев пишет: «В середине XII в. в Новгороде усиленными темпами происходит процесс общей демократизации культурной жизни... Этот процесс в равной мере характерен и для новгородского искусства, и для новгородского летописания» [246]. Что же касается последнего, то и в последующие века в нем участвовали не только специально на то уполномоченные лица, но и действовавшие по собственной инициативе, в том числе книгописцы. К последним принадлежал пономарь церкви св. Иакова в Неревском конце Тимофей, оставивший свою запись в древнейшем из сохранившихся списков новгородской летописи. И это не было в данном случае неожиданным: при этой церкви летописание велось уже с середины XII в. и его начало — по характеристике Д. С. Лихачева —

«представляет собою любопытнейшее явление в истории русского областного летописания»[247].

Новгородские летописи стали источником, питавшим материалом множество книг, расходившихся по обширнейшей Новгородской области и за ее пределы — книг разнообразного содержания. Одних только списков новгородских летописей, которых историки летописания насчитывают до семи, известно гораздо больше, чем списков остальных русских летописей, взятых вместе. Таковым был вклад новгородских книжников не только в развитие русской историографии, но и русской книги, так как именно летопись, оформленная как книжный фолиант, постоянно служила документом в бесконечных княжеских спорах о владениях и по поводу прав на руководящее положение среди других феодальных княжеств[248].

Обратимся теперь к случаю, когда для основания местного летописания разыскали книгу, происходящую, быть может, из самой библиотеки Ярослава Мудрого.

В конце XIII — начале XIV в. на руководящую роль в феодальной Руси стало претендовать Тверское княжество. Тверь была в то время одним из крупных русских городов, куда часто уезжали обиженные «младшие князья» и бежали от татарских притеснений жители соседних княжеств[249]. «Торговые связи с Литвой — непосредственно, и с Западной Европой — через Новгород и Смоленск уже в XIII в. создали для Твери прочный и привычный круг европейских интересов, наложивших весьма своеобразный отпечаток на ее духовную культуру[250]. В 20-е гг. XIV в. там были образованные люди, пришедшие издалека: «много наученный в философии» Феодор из Иерусалима, игумен Иоанн «цареградец», греческий книгописец «Фома сирианин»[251]. Поэтому не случайно, что когда началось в Твери летописание, то обратились не к Киевской летописи, а к одному из ее источников — к византийской Хронике Георгия Амартола.

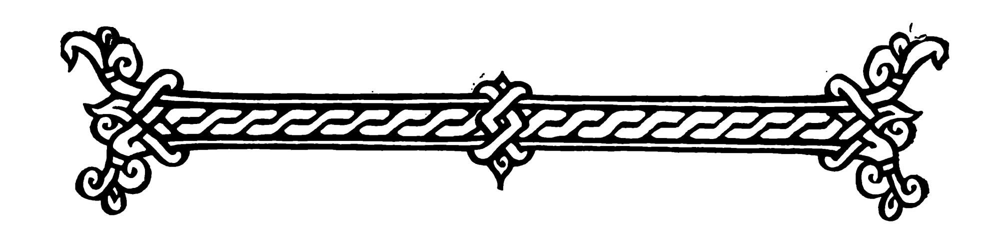
Исследователи спорят, где, когда и кем была переведена с греческого на славянский язык эта хроника — в самой ли Византии, в Болгарии или в Киеве — русским книжником из окружения Ярослава Мудрого[252]. Место же создания старейшего из сохранившихся ее списков не вызывает спора, так как свидетельствуется выходной миниатюрой, изображающей «предстоящими Христу» тверского князя Михаила Ярославича и его мать

Оксинью. «Стремление обосновать права тверских единодержавцев... очевидно, заставило... сделать попытку последовательно рассмотреть русскую историю в непосредственной связи с историей всемирной, а историю своего правления сделать неотъемлемой от истории правления римских кесарей и византийских императоров»,— пишет новейший исследователь этой книги [253]. Тот же автор и совершенно основательно считает, что список Хроники Амартола был начальной частью тверского летописания, появившегося в связи с постройкой монументального кафедрального собора, контуры которого обрамляют его выходную миниатюру.

Таковы некоторые эпизоды истории русского летописания XII — XIV вв., отразившие факты миграции книги — в данном случае одного функционального предназначения — документальной. Этот вид книги, имевший важное государственное значение, для вящей впечатляемости и убедительности иногда иллюстрировался, как об этом свидетельствует, кроме тверского списка Хроники Георгия Амартола, Радзивилловская летопись конца XV в., протограф которой также был иллюстрирован [254]. Орнаментальным убранством эти книги не блещут: в последней, например, хотя и оставлено в начале место для заставки, инициалы разрисовывать не предполагалось [255]. Все внимание художников-оформителей этих книг сосредоточено на иллюстрациях — на изображениях событий, о которых идет речь в тексте; среди них много реалий древнерусского быта. Поэтому исследованием миниатюр Радзивилловской летописи занялся ученый-археолог А. В. Арциховский.

К сожалению, сохранившийся материал дает возможность изучать становление жанра миниатюры исторических книг только с конца XIV в. Однако предпринимались попытки выяснения генетической связи иллюстраций этих книг с памятниками предшествующих веков иных жанров, в частности с «лицевыми» княжескими житиями [256]. Здесь, естественно, высказываются предположения о связи миниатюр с древнерусской станковой и монументальной живописью: жития святых писались обычно в связи с их канонизацией, сопровождавшейся появлением их идеализированных изображений средствами не только словесного, но и изобразительного искусства. Отсюда — усложнение проблемы взаимосвязей различных местных школ иллюстриро-

вания книги в XI — XIV вв.: для ее изучения приходится учитывать факты миграции не только книг, но и изображений героев агиографических произведений. С обоими же видами древнерусского изобразительного искусства — станковой и монументальной живописи была связана книжная иллюстрация с самого начала своего существования. Изучение географии распространения русской книги XI—XIV вв. тесными узами связано с историей русской литературы и искусства.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

НАБЛЮДЕНИЯ над репертуаром, персоналией и географией распространения русских книг XI—XIV вв., наряду с тем, что было отмечено в первой части предлагаемой книги относительно происхождения, содержания и художественного оформления старейших из них, дают основание для следующего вывода.

Несмотря на то, что до нашего времени сохранилась лишь малая часть обращавшихся в те времена в России книг, они содержат достаточно материала для суждения об основных закономерностях истории русской книги XI—XIV вв. Если и исчезли отдельные памятники, пусть даже целые жанры, содержавшиеся в русской книге той поры, представление о тенденциях эволюции основных типов книг, ориентированных на определенную функцию в феодальном обществе, можно и должно составить на основании сохранившегося материала. Изначальная ориентация книги на ее функциональное предназначение — быть предметом религиозного культа, пособием при богослужении или же именно книгой — источником информации, фиксировалась ее оформлением. Поэтому представляется совершенно невозможным изучать историю русской книги XI—XIV вв., как, впрочем, и историю средневековой книги любой страны, понимая ее иначе, чем продукт синтеза словесного, прикладного и изобразительного искусств. Эта синтетичность активно включала книгу в межобластной и международный обмен культурными ценностями, что открывало широкие возможности влияния на нее искусства различных стран, а также местных художественных традиций отдельных областей древнерусского государства. Все сказанное еще раз свидетельствует о необходимости комп-

лексного изучения книги XI — XIV вв. книговедами, филологами и искусствоведами.

Это изучение прежде всего даст материал для определения понятия «книга», которое дискутируется в советском книговедении [257]. Оно не может быть вневременным, универсальным для всех эпох и народов, даже для отдельных периодов истории книги одной страны: слишком резко контрастными были условия существования книги — самого емкого «аккумулятора» духовной жизни народа на различных этапах социально-экономического развития той или иной страны [258].

Каковы же рекомендации можно предложить для дальнейшего изучения истории русской книги XI — XIV вв. совместными усилиями книговедов, филологов и искусствоведов?

В первую очередь необходимо внесение полной ясности в вопросы классификации книги того времени по ее функциональному предназначению. С этим были связаны и способы использования книги и художественное оформление, даже степень сохранности каждого ее экземпляра. Так, например, две книги XI в. одинакового содержания — Остромирово и Архангельское евангелия — имели разное изначальное предназначение. Первое, написанное по типу краткого апракоса, явно не предназначалось для ежедневного употребления в какой-нибудь рядовой церкви; второе — в большей части своей полный апракос — скорее всего было написано именно для этого. Отсюда — роскошь оформления и несравнимо лучшая степень сохранности первой из этих книг, ставшей уже с самого начала своего существования раритетом, «подписным», подносным экземпляром, сохранившим имена своего мастера и заказчика.

Связь художественного оформления книги с изначальным предназначением ее каждого экземпляра лучше всего прослеживается на примере богослужебных книг XI — XIV вв., сохранившихся до нашего времени в гораздо большем, чем четьи, числе и разнообразии своего оформления. Среди них особое место занимает Евангелие, стоящее на грани между предметами религиозного культа и собственно книгой. Отсюда — особенности его художественного оформления, начинавшегося с переплета, бывшего доступным для всеобщего обозрения при богослужении. Поэтому не случайны сохранившиеся сведения об особом старании богатых заказчиков придать наиболее импозантный

вид именно этому элементу оформления данной книги[259]. Элементы же внутреннего художественного убранства книги, ее миниатюры, заставки и инициалы, недоступные взгляду «непосвященных» (в данном случае это слово следует понимать буквально, имея в виду не посвященных в духовный сан), стали очень рано порывать с традициями: уже в XIII в. старовизантийский стиль был полностью вытеснен тератологией. Возникший при этом парадокс, заключавшийся в явном несоответствии содержания богослужебных книг оформлению в «чудовищном» стиле, особенно в его наивысшем развитии, когда в инициалах и заставках появляется и начинает активно и самостоятельно жить абсолютно «светская» человеческая фигура, следует сопоставить с теми «вольностями», которые переписчики книг вносили в части текста, не читавшиеся вслух. И разрушение старовизантийского орнамента напоминает судьбу на русской почве традиционной выходной записи книги, которая распалась на свои составные части, изменявшиеся до неузнаваемости и до полного самоуничтожения. Действия же человеческой фигуры в тератологическом орнаменте, столь несовместимые с содержанием богослужебных книг, где она в подавляющем большинстве случаев встречается, находят параллели в поражающих подчас своим бытовизмом приписках книгописцев. И не только параллели здесь можно отметить, но и прямые контакты — в тех случаях, когда при инициалах бывают надписи типа «гуди гораздо»[260]. Таковы примеры изменения на русской почве некоторых элементов содержания и оформления важнейших из богослужебных книг — Евангелий.

Что же касается не алтарных, а клиросных богослужебных книг, доступных более широкому кругу церковных причетников, то при изготовлении этих книг прежде всего учитывалось удобство пользования. Поэтому, как отмечалось выше, Минеи писали в 12 томах, Октоихи — в двух, Триоди — иногда обе в одном томе. Все это прежде всего диктовалось частотностью употребления названных книг и особенностями произношения их текста. Каждая Минея употреблялась раз в году в течение соответствующего месяца, и по ней, так же, как по Триодям, читали и пели. Паремейники, как Евангелие и Апостол, только читали, а по Кондакарям, Стихирарям и Ирмологиям только пели. Художественному оформлению всех этих книг не придавалось

большого значения — разглядывать его клирошанам было некогда. Разумеется, из этого правила бывали исключения, когда и клиросные книги украшались богатой орнаментацией и даже миниатюрами — чаще всего изображением Иоанна Дамаскина в Октоихах. Изображениями авторов украшались иногда и Служебники, особенно архиерейские; сохранившиеся художественно оформленные и иллюминированные Служебники приписываются и знаменитым основателям монастырей, например Варлааму Хутынскому.

В противоположность Служебнику трудно представить себе иллюминованный Требник, хотя книга эта чрезвычайно близка к нему по своему составу; и недаром отдельные тексты «кочуют» между этими книгами [261]. Однако функциональное предназначение этих книг было различным: если Служебник содержал в основном тексты и «сценарии» [262] богослужений, совершаемых в церкви, то в Требнике переписывались чинопоследования, которые можно было «по потребе» или по нужде совершать и на дому. Поэтому Требники переписывались более небрежно, без всяких украшений и обычно в малом «карманном» формате — для удобства их употребления.

Таковы некоторые примеры, как функциональное предназначение богослужебных книг определяло разницу их художественного оформления.

Несравнимо менее обозримой является в настоящее время связь между содержанием и оформлением четьей книги XI — XIV вв., сохранившейся до нашего времени в гораздо меньшем, чем богослужебная, числе, а главное — почти совсем не привлекающей внимания искусствоведов [263]. В самом насыщенном материалом современном исследовании — в неоднократно уже упоминавшемся мною «Искусстве книги Древней Руси» А. Н. Свирина — воспроизведены орнаменты и миниатюры 23 книг XI — XIV вв.: 10 — из Евангелий, 6 — из Псалтирей, 3 — из Апостола, по одной — из Миней и Устава церковного и только из двух четьих книг — Изборника Святослава и Хроники Георгия Амартола.

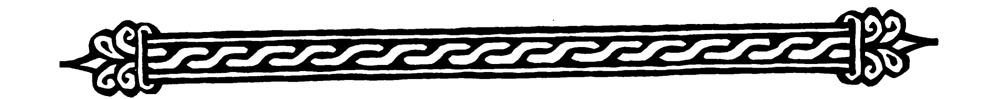
Исследователи — филологи и историки используют несравненно более широкий, чем искусствоведы, круг памятников. Они привлекают для изучения и издания древних памятников все сохранившиеся их списки, вовлекая тем самым в научный обо-

рот значительное число книг. В последнее время и языковеды переходят иногда от монографического изучения отдельных рукописных книг к изучению их больших массивов, объединенных по типологическому признаку [264].

Следующим этапом должно стать кодикологическое изучение фрагментов и многотомных книг. И тогда статистика русской книги XI—XIV вв., основанная на конкретном фактическом материале, даст надежный материал для библиографии русской рукописной книжности данного периода. О важности для советского книговедения не только статистики, но и библиографии древнейшего периода истории русской книги говорить не приходится.

Опыт статистики и библиографирования рукописной книжности, накопленный в итоге изучения русской книги XI—XIV вв., прежде всего понадобится и должен быть апробирован при изучении книги следующего столетия. За это говорят два обстоятельства. Во-первых, от XV в. сохранилось гораздо больше книг, чем от четырех предыдущих столетий вместе взятых. Во-вторых,— и это главное,— репертуар русской книги в XV в. значительно расширился, причем преимущественно за счет четьих книг. Поэтому русская книга XV в. должна стать предметом специального исследования, которое должно дать ответ на вопрос, что представляла из себя — по своему репертуару и функциональному предназначению — русская книга накануне книгопечатания в нашей стране.

Главы предлагаемой книги, написанной в итоге 30-летней работы ее автора с русской рукописной книгой, имели своей целью показать, сколь разнообразным и многогранным может и должно стать изучение истории русской книги уже с первых веков ее существования. И если это удалось показать хотя бы частично, основываясь на изучении лишь целиком сохранившихся экземпляров, то можно представить, насколько расширятся эти возможности, когда совместные усилия книговедов, филологов и искусствоведов охватят весь сохранившийся материал истории русской книги означенных и последующих столетий.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ленин и книга. М., 1964, с. 362.

2 См. указатели статей, опубликованных в сборниках 25 и 30 специального книговедческого издания «Книга. Исследования и материалы». В «передовой» статье второго из них отмечается, что «в последнее время появилось немало капитальных историко-книжных исследований»; однако признается, что «значительно более активны ученые, работающие в области истории печати» (1975, сб. 30, с. 17—18). Далее при ссылке на это издание — «Книга».

3 Библиотека В. И. Ленина в Кремле. Каталог. М., 1961, с. 530 (№ 6727).

4 «Книга», 1967, сб. 15, с. 138.

5 Лисовский Н. М. Книговедение как предмет преподавания, его сущность и задачи. Вступит. лекция, читанная 28 сент. 1913 г. в Петрогр. ун-те. Пг., 1915, с. 11.

6 Там же, с. 11—12, 17—18.

7 «Близкое соприкосновение имеет книговедение с историей культуры, а в особенности с историей литературы... Стиль внешней стороны книги, налагаемый местом и временем ее появления в свет... ставит книговедение в связь с историей искусства, где можно почерпнуть обширный запас сведений для данного вопроса» (Лисовский Н. М. Книговедение как предмет..., с. 12).

8 Sertum bibliologicum в честь президента Русского библиологического общества проф. А. И. Малеина. Пг., 1922, с. 13—14.

9 «Книга», сб. 15, с. 138.

10 Sertum bibliologicum..., с. 7.

11 О нем Н. М. Лисовский упоминает, говоря, что библиография «у нас в России зародилась еще в XV в.» (Лисовский Н. М. Книговедение как предмет..., с. 3).

12 «Круг дисциплин, входящих в книговедение и сопричастных с ним в различных современных схемах родственен схеме Лисовского», — говорится в одной из последних статей о нем. (Динерштейн Е. А. Ключарь русской библиографии. К пятидесятилетию со дня смерти Н. М. Лисовского.— «Сов. библиогр.», 1970, № 3, с. 62).

13 «Книга», сб. 15, с. 148.

14 В качестве примера укажу на брошюру В. И. Анисимова, вышедшую в 1920 г. под таким «говорящим» названием: «Краткий очерк развития письменности и типографского искусства в России».

15 «Книга», сб. 15, с. 150.

Институт книги, документа, письма был создан на базе библиотеки и собрания рукописей акад. Н. П. Лихачева — крупного, разностороннего ученого, знатока старинной книги, основоположника изучения истории русской бумагоделательной промышленности и филигранистики в нашей стране.

[16] «Книга», сб. 15, с. 154.

[17] Например, читая первое издание книги Е. И. Кацпржак «История письменности и книги» (М., 1955), можно подумать, что от XI в. сохранилось всего четыре русских книги. Во втором издании, вышедшем под названием «История книги» (М., 1964), рассказывая о рукописных русских книгах более подробно, автор пишет: «Подлинных памятников русской письменности XI в. сохранилось до наших дней около тридцати, среди них — четыре книги». После этого кратко описываются Остромирово и Архангельское евангелия, Изборники 1073 и 1076 гг. (с. 170—173). Далее, в числе книг XI в., «дошедших до нас в отрывках или позднейших списках», называются летописи, «литургические книги», «сочинения религиозно-нравственного содержания». Как будто Евангелия писались тогда не исключительно для «литургического» использования, а Изборники не составлены почти целиком из сочинений «религиозно-нравственного» содержания.

[18] Чаев Н. С., Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1946. 215 с.; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. 616 с.; 16 л. ил.

[19] Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Спб., 1887.

[20] «Книга», сб. 15, с. 150.

[21] Истрин В. А. Развитие письма. М., 1961. 394 с. с ил.

[22] «Книга», сб. 15, с. 166.

[23] Истрин В. А. Развитие письма, с. 311—312. Во втором издании эти утверждения повторяются (Истрин В. А. Возникновение и развитие письма. М., 1965, с. 492).

[24] Название это появилось после выхода обоих изданий книги В. А. Истрина. Однако особенности графики берестяных грамот и необходимость создания для последних специальной вспомогательной дисциплины были обоснованы Л. П. Жуковской гораздо раньше, в 1955 г. («Палеографический и лингвистический анализ новгородских берестяных грамот», сборник под ред. В. И. Борковского). Основные выводы работ Л. П. Жуковской приводятся в книге Л. В. Черепнина «Русская палеография», вышедшей в 1956 г. (с. 160—161), которая В. А. Истриным названа в «Библиографии» его книги.

[25] Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. Скорописание или скоропись? (об уточнении термина) — «Вспомогательные исторические дисциплины», Л., 1969, сб. 2, с. 134—143.

[26] Немировский Е., Горбачевский Б. Рождение книги. М., 1957, с. 8.

[27] Немировский Е. Л. Орнаментика первых московских печатных книг. — «Труды НИИПолиграфмаша», 1962, вып. 21, с. 69—70.

[28] Особенно насыщена материалами статья Е. В. Зацепиной «К вопросу о происхождении старопечатного орнамента».

[29] Куфаев М. Н. Проблемы философии книги (опыт введения в историю книги).— «Sertum bibliologicum...», с. 22.

[30] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 67.

[31] Примеры применения библиогеографии и соображения об ее использовании исследователями рукописной книги различных специальностей приведены мною в статье: «Об исследовании географического распространения рукописной книги (по материалам Софийской библиотеки)». — В кн.: Пути изучения древнерусской литературы и письменности. Л., 1970, с. 160—170. Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. Искусство книги древней Руси и библиогеография. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 24—51.

[32] За необходимость создания библиогеографии высказываются и советские ученые-лингвисты: «К сожалению, слависты почти не занимаются такой важной отраслью истории культуры, как география книги» (Толстой Н. И. Взаимоотношения локальных типов древнеславянского литературного языка позднего периода. — В кн.: Славянское языкознание. Доклады советской делегации на 5-м Международном съезде славистов. М., 1963, с. 269).

[33] «И бе Ярославъ любя церковные уставы, попы любяше по велику, излиха же черноризьце, и книгам прилежа и почитая е часто в нощи и въ дне. И собра писце многы и прекладаше от грекъ на словеньское писмо. И списаша книгы многы, ими же поучащеся вернии людье наслаждаются ученья божественнаго... Ярослав же сей, якоже рекохом, любим бе книгамъ и многы написавъ положи в святей Софьи церкви, юже созда самъ». — «Повесть временных лет» под 1037 годом (цитируется по ее изданию в серии «Литературные памятники». Ч. 1. М.-Л., 1950, с. 102—103; по этому же изданию начальная русская летопись будет цитироваться и в дальнейшем).

[34] Для старшего сына Ярослава Мудрого Владимира им было переписано Толкование библейских пророческих книг, сохранившееся, вместе с припиской, в нескольких списках XV в.

[35] Шевырев С. П. Поездка в Кирилло-Белозерский монастырь. Вакационные дни проф. С. Шевырева в 1847 г. Ч. 2. М., 1850, с. 30—31.

[36] Употребление этого слова для обозначения правительственных чиновников появляется в памятниках лишь с XIV в. (см.: Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка, т. 1. Спб., 1893, стб. 668—669). В самом же Изборнике Святослава это слово употребляется для обозначения духовного лица — диакона, служащего обедню (л. 52 об.).

[37] Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей Румянцовского музеума. Спб., 1842, с. 505.

[38] Горский А. и Невоструев К. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отд. 2-е. Ч. 2. М., 1859, с. 391. Близость этой даты к предполагаемому времени написания оригинала Изборника Симеона — Святослава подтверждает мнение двух последних авторов, а не Востокова, который имел в виду Константина IX Мономаха и его жену Зою.

[39] Из-за того, что рамка была сделана заранее, текст Похвалы в ней целиком не поместился и был закончен на обороте листа, над изображением Христа. Повторение Послесловия в начале книги С. П. Шевырев объясняет так: Изборник первоначально был переписан не для Святослава, а для его брата и предшественника на Киевском княжении Изяслава — того самого, который упоминается в Послесловии к Остромирову евангелию. Когда же в 1073 г. первый сменил второго, то он приказал «переписать» Изборник на свое имя (Шевырев С. П. Поездка..., с. 31—32). Против этого весьма основательно возражает Н. М. Каринский (см. след. сноску).

[40] Каринский Н. М. Образцы письма древнейшего периода истории русской книги. Л., 1925, с. 10.

[41] Последняя страница Изборника Святослава производит впечатление какой-то незавершенности, «черновитости»: почерк ее текста неровный и небрежный, нижняя строка левого столбца повторена; к последней, оборванной фразе с именами Константина и Зои на полях добавлено имя «Диотиклитиянос», в перечнях византийских императоров не встречающееся. Среди проб пера — отдельных букв и слогов есть обрывки фраз — «Есмы так», «Ть год до Дмитрова д...», «Тягалъся Томид с девък...» Последние две, вероятно, отражают какие-то эпизоды из жизни писца или окружавшей его среды. Вызывает удивление, как такой лист мог попасть в книгу, изготовленную для князя — без переписки набело и устранения всей «кухни» переписчика.

[42] Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей..., с. 500. В настоящее время известны еще два списка аналогичного по содержанию греческого сборника — в одном афонском монастыре и в Ватиканской библиотеке. В современном описании последней его название также не указывается (Bibliothecae apostolicae Vaticanae... Codices Vaticani graeci, vol. 2, 1937, p. 138—141, № 423).

[43] Изборник 1076 года. Издание подготовили В. С. Голышенко, В. Ф. Дубровина, В. Г. Демьянов, Г. Ф. Нефедов, М., 1965, с. 700—701. По этому изданию будут приводиться цитаты и в дальнейшем.

[44] Оба Изборника часто называют «Святославовыми». Небрежность в употреблении названий этих двух книг приводит к путанице не только в советской, но и зарубежной литературе. Так, например, в «Хрестоматии по старобългарской литературе» П. Динекова, К. Куева и Д. Петкановой, вышедшей в 1967 г. вторым изданием, Изборник 1076 г. называется «вторым Симеоновым сборником» (с. 88), хотя к нему не имеет никакого отношения не только Симеон, но и Святослав. К сожалению, эта путаница продолжает проникать и в советские издания: так, например, в новейшем издании БСЭ «Изборникам Святослава» посвящена общая статья, весьма краткая.

[45] Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. Старейшая русская книга для чтения. — «Вопросы истории», 1976, № 12, с. 208—211.

[46] «Сочинение сие, содержащее похвалу чтению книжному и наставление как читать с пользою, есть, по-видимому, оригинальное произведение словенское, а не перевод с греческого», — писал А. Х. Востоков, комменти-

руя первую публикацию «Слова о чтении книги».— В кн.: Пенинский И. Славянская хрестоматия. Спб., 1828, с. 252.

47 Попытка отыскать эту цитату в греческом или древнееврейском тексте Псалтири также не увенчалась успехом. (За помощь в этих разысканиях благодарю сотрудника ГПБ, специалиста-гебраиста Л. Х. Вильскера.)

48 Подробнее об этом — с сопоставлением соответствующих текстов — см.: Розов Н. Н. Как «сделана» вступительная статья Изборника 1076 года. (К 900-летию памятника). — В кн.: Культурное наследие Древней Руси. (Истоки. Становление. Традиции). М., 1976, с. 42—46.

49 В. Ф. Дубровина опубликовала греческие тексты, соответствующие приблизительно половине статей. В использовании их в отдельных случаях ею отмечается «выборка глав и стихов» источника «иногда с довольно свободной их перестановкой» (Изборник 1076 года, с. 754), т. е. то же самое, что было мною отмечено в отношении к вводной статье Изборника. Рецензенты отмечают, что этот — «один из древнейших датированных памятников русской письменности... не является прямым переводом с греческого и составлен непосредственно на славянской почве» (Карягина Л. Н. — ИОЛЯ, 1966, т. 25, с. 536) и что он «не переписан с готового сборника, а составлен... из разных источников» (Львов А. С. — «Советское славяноведение», 1966, № 6, с. 84, 86). Болгарский рецензент также утверждает: «Съпоставката с гръцките съответствия потвърждава мнението на редица изследователи, че първоначалният текст на Изборника не е буквален превод от гръцки, а е съставлен на славянска почва» (Кочева Ем. Ново издание на Изборника от 1076 г. в СССР. — Български език», 1967, вып. 5, с. 503).

50 Lépissier J. Une source de l'Izbornik de 1076. — «Revue des Études slaves», Paris, 1966, vol. 45, p. 39—49. Житие Нифонта в качестве источника статьи «О милостивом Созомене» было указано Н. И. Петровым в кн.: О происхождении и составе славяно-русского печатного Пролога. Киев, 1875, с. 219.

51 Sevčenko I. On some sources of Prince Svjatoslav's Izbornik of the year 1076. — In: Orbis scriptus, Dmitrij Tschizewskij zum Geburtstag. München, 1966, S. 723—738.

52 Freydank D. Interpretation einer griechische — kirchen slavischen Übersetzung im Izbornik von. 1076.— «Zeitschrift für Slawistik», 1967, Bd. 12, S. 38—48.

53 Мещерский Н. А. К изучению лексики Изборника 1076 г. — Русская историческая лексикология и лексикография. 1. Л., 1972, с. 11—12.

54 Poppe A. Państvo i Kośćiół na Rusi w XI wieku. Warszawa, 1968, S. 226.

55 Это окончательно удостоверила В. Ф. Дубровина, опубликовавшая соответствующий греческий текст (Изборник 1076 года, с. 819—822). Ею же отмечено, что единственное упоминание о пьянстве в Книге пророка Иоиля «отнюдь не носит обличительный характер, который имеет статья» (Изборника. — *Н. Р.*). Факт, лишний раз иллюстрирующий свободу обращения составителя Изборника со своими источниками и преобладание в этой книге «злободневной» тематики над той, которую содержат использованные им источники.

[56] Повесть временных лет, с. 303 (пер. Д. С. Лихачева).

[57] Еремин И. П. О византийском влиянии в болгарской и древнерусской литературах IX—XII вв. — В кн.: Литература Древней Руси (этюды и характеристики). М. — Л., 1966, с. 9—17. В перечне «классиков церковной прозы IV—VI вв.», которые пользовались «авторитетом у болгарских и древнерусских книжников», И. П. Ереминым указаны имена многих лиц, названных в заглавиях и выписках Изборника 1076 года (с. 12).

[58] Сведения о писателях и писцах XI в. заимствованы из двух источников: «Материалы для повременного списка русских писателей и их сочинений» Н. К. Никольского (в 1906 г. вышло их «корректурное издание») и «Славянской кирилловской палеографии» Е. Ф. Карского (Л., 1928). Перечень писцов у Карского дополняется неопубликованными материалами картотеки Никольского, хранящейся в БАН, но по XI в. они полностью совпадают.

[59] Срезневский И. И. Славяно-русская палеография. Спб., 1885, с. 117.

[60] Голышенко В. С. Палеографическое описание. — В кн.: Изборник 1076 года, с. 125. Речь идет о почерке «опытного писца»: ранее было отмечено, что «писцами Изборника, по-видимому, были опытный писец и ученик, выполнявший работу под его началом» (с. 113).

[61] Подробнее об этом см. статью: Розов Н. Н. Скорописание или скоропись? (об уточнении термина).

[62] См. сноску 33.

[63] Anzeiger für slavische Philologie, Bd. 1, Wiesbaden, 1966, S. 194—195 (цитируется в переводе с немецкого языка).

[64] Popov N. P. Les autres de l'Izbornik de Svjatoslav de 1076. — «Revue des Études Slaves», 1935, vol. 15, N 3—4, p. 217.

[65] «В лето 6559. Постави Ярослав Лариона митрополитом русина в святей Софьи собравъ епископы». — Повесть временных лет..., с. 104. Под 1055 годом во 2-й Новгородской летописи упоминается уже другой митрополит — Ефрем (Новгородские летописи. Спб., 1879, с. 3).

[66] Повесть временных лет..., с. 105.

[67] В таком порядке они переписаны в книге середины XV в. (ГИМ, Син. 591, л. 168—203). Первоначальная редакция Слова о законе и благодати, а также Исповедания веры в других списках неизвестны. О списках последующих редакций Слова и Молитвы см. сноски 73, 74.

[68] Памятники духовной литературы времен великого князя Ярослава 1-го. (Прибавления к творениям св. отцов в русском переводе, ч. 2). М., 1844. Об этом издании см.: Розов Н. Н. Из истории лингвистических публикаций литературных памятников XI в. — В кн.: Вопросы теории и истории языка. Сборник в честь проф. Б. А. Ларина. Л., 1963, с. 270—278.

[69] Müller L. Des Metropoliten Ilarion Lobrede auf Wladimir den Heiligen und Glaubensbekenntnis der Erstaufgabe von 1844 neu herausgegeben und erläutert von Ludolf Müller. Wiesbaden, 1962. Краткая характеристика этой книги дана мною в рецензии: Древнейший памятник русской литературы в издании и интерпретации современного немецкого ученого. — ИОЛЯ, 1963, т. 22, с. 439—443.

[70] Об этом Л. Мюллер сообщил в своем докладе «Митрополит Иларион и Повесть временных лет» на заседании Сектора древнерусской литературы ИРЛИ 15 окт. 1969 г. в Ленинграде.

[71] Цитируется — здесь и в дальнейшем — по моему изданию текста сочинений Илариона в «Славии»: «Slavia. Časopis pro slovanskou filologii». Roč. XXXII. Praha, 1963, s. 141—175. В издании воспроизведена орфография подлинника, в частности написание слова «благодать» через букву «ять». Отдельные цитаты приводятся в пересказе современным русским языком.

[72] Например, И. П. Еремин, называющий Слово о законе и благодати «Древнейшим из дошедших до нас памятников торжественного эпидиктического красноречия Киевской Руси».— В кн.: Лекции по древней русской литературе. Л., 1969, с. 77 и след.

[73] Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. Рукописная традиция Слова о законе и благодати. — ТОДРЛ, 1961, т. 17, с. 47—48.

[74] Текст Молитвы Илариона опубликован мною в «Славии» — среди остальных его сочинений — и отдельно, в двух редакциях, по 12 спискам XV—XVII вв. — «Acta Universitatis Szegediensis de Attila Jósef nominatae. Dissertationes slavicae», IX—X, Szeged, 1975, s. 115—155.

[75] Поводом для произнесения Слова о законе и благодати скорее всего было завершение постройки Ярославом Мудрым оборонительных сооружений вокруг Киева, о чем сказано в Повести временных лет под 1037 годом (об этом, в связи с моей гипотезой об уточнении датировки Слова, см. в «Славии», с. 147—148). В монументальном археологическом исследовании древнего Киева цитата из Слова о законе и благодати взята в качестве эпиграфа к главе, посвященной истории оборонительных сооружений Киева в XI—XIII вв. (Каргер М. К. Древний Киев, т. 1. М.-Л., 1958, с. 231).

[76] Какие неожиданные результаты может принести тщательный источниковедческий анализ произведений Илариона, показывают исследования акад. Н. К. Никольского, обнаружившего в них заимствования из западнославянских, католических источников. Об этом подробнее см.: Розов Н. Н. Из истории русско-чешских литературных связей древнейшего периода (о предполагаемых западнославянских источниках сочинений Илариона). — ТОДРЛ, 1968, т. 23, с. 65—82. Л. Мюллер добавляет примеры таких заимствований еще одним — литургической формулой католического ритуала (Müller L. Eine westliche liturgische Formel in Ilarions Lobpreis auf Vladimir. — «Forum slavicum», München, 1971, N 37, S. 80—86.

[77] Повесть временных лет, с. 104—105.

[78] Опубликовано мною в «Археографическом ежегоднике» за 1964 г. (М., 1965, с. 278—289).

[79] Он использовал ораторский прием Илариона в речи по случаю победы над турецким флотом в 1770 г. (Платон, митрополит. Полн. собр. соч., т. 1, Спб., 1913, с. 305).

[80] П[етровский] М. Иларион, митрополит Киевский, и Доментиан, иеромонах Хиландарский. — ИОРЯС, 1908, т. 13, кн. 4. Перечень произведе-

ний русской литературы, использовавших Слово о законе и благодати, приводится А. Б. Никольской в статье: Слово митрополита Киевского Илариона в позднейшей литературной традиции. — «Slavia», Roč. VII, 1926—1929, seš. 3—4.

81 Розов Н. Н. К изучению русско-армянских культурных связей древнейшего периода. Русский митрополит Иларион и католикос Нерсес. — В кн.: Литературные связи, т. 1. Русско-армянские литературные связи. Исследования и материалы. Ереван, 1973, с. 62—78.

82 Параллельные тексты соответствующего места Слова о законе и благодати и Ипатьевской летописи опубликованы А. Н. Насоновым в кн.: История русского летописания XI — начала XVIII века. Очерки и исследования. М., 1969, с. 236—242.

83 Голубинский Е. Е. История русской церкви, т. 1, первая пол. Изд. 2-е. М., 1901, с. 120 (речь идет о причинах, побудивших князя Владимира к принятию христианства; изложение их у Илариона Голубинский характеризует как «совершенную и диаметральную противоположность с рассказом летописи»).

84 Иногда к переведенному не с греческого или с болгарского, а с еврейского (см. Барац Г. М. Источники Слова о законе и благодати и евангелистой (так! — *Н. Р.*) песни. К вопросу о еврейском элементе в древнерусской литературе. Киев, 1916).

85 Лихачев Д. С. Русские летописи и их культурно-историческое значение. М.-Л., 1947, с. 70.

86 Жданов И. Н. Собр. соч., т. 1. Спб., 1904, с. 46; Шахматов А. А. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. — «Летопись занятий Археографической комиссии», Спб., 1908, вып. 20, с. 417—418.

87 Эту попытку предпринял неоднократно уже упомянутый Л. Мюллер в названном докладе «Митрополит Иларион и Повесть временных лет», в котором он продемонстрировал примеры сопоставления различных частей начальной русской летописи с сочинениями Илариона; некоторые из них приводятся мною ниже.

88 Шахматов А. А. Разыскания..., с. 417.

89 Лихачев Д. С. Русские летописи..., с. 148.

90 Там же, с. 70.

91 Киево-Печерский патерик. Киев, 1930, с. 11.

92 Там же, с. 49.

93 Там же, с. 46.

94 Еремин И. П. Литературное наследие Феодосия Печерского. — ТОДРЛ, 1947, т. 5, с. 159.

95 Подробнее о них — в упомянутой статье И. П. Еремина.

96 «При всем своем остроумии догадка М. Д. Приселкова все же остается лишь более или менее вероятной гипотезой», — пишет, например, Н. К. Гудзий (Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 7-е, М., 1966, с. 86).

97 Так предполагает, например, тот же М. Д. Приселков. — В кн.: Приселков М. Д. Очерки по церковно-политической истории Киевской Руси X—XII вв. Спб., 1913, с. 182.

[98] Журнал министерства народного просвещения 1914 г., окт., с. 397.

[99] Бугославский С. А. К вопросу о характере и объеме литературной деятельности преп. Нестора. — ИОЛЯ, 1914, т. 19, кн. 1, с. 145—146, 148.

[100] Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. К вопросу об участии Илариона в начальном летописании. — В кн.: Летописи и хроники. Сборник статей. М., 1974, с. 31—36.

[101] Лихачев Д. С. Своеобразие древнерусской литературы. — В кн.: Лихачева В. Д., Лихачев Д. С. Художественное наследие древней Руси и современность. Л., 1971, с. 67—68.

[102] Очерки по истории философской и общественно-политической мысли народов СССР, т. 1. М., 1955, с. 24.

[103] Галактионов А. Никандров И. История русской философии. М., 1961, с. 26. Во втором издании (1970 г.) все это буквально повторяется.

[104] История философии в СССР, т. 1. М.-Л., 1968, с. 36—37.

[105] Там же, с. 353, 494.

[106] История эстетики. Памятники мировой эстетической мысли, т. 1, М., 1962, с. 428.

[107] Шохин К. В. Очерк истории развития эстетической мысли в России. (Древнерусская эстетика XI—XVII вв.). Материалы к лекциям по философии. М., 1963, с. 41—42.

[108] История русской литературы, т. 1. М.-Л., 1958, с. 42—43.

[109] Щапов Я. Н. Устав князя Ярослава и вопрос об отношении к византийскому наследию на Руси в середине XI в. — «Византийский временник», 1971, т. 31, с. 71—76.

[110] Примеры такой путаницы (в книгах Е. И. Кацпржак) мною были отмечены выше.

[111] Позднейшей копией древнего списка собрания или избранных сочинений Илариона является их Синодальный список (ГИМ, Син. 591, л. 168—203). То, что в нем, в единственном случае, сохранилась первоначальная редакция Слова о законе и благодати, без «усечения» его концовки, прославляющей Ярослава Мудрого, а также Исповедение веры, скрепленное записью Илариона о его поставлении в митрополиты, говорит за то, что этот список восходит к автографу Илариона.

[112] Яркими примерами зависимости международной миграции книги от династических связей являются Трирская псалтирь и Реймское евангелие. Первую — латинскую книгу X в. — привезла с собой польская княжна Гертруда — невестка Ярослава Мудрого, а возвратилась эта книга на Запад (в настоящее время она хранится в одном из городков северной Италии) с вшитыми в нее портретными изображениями русского князя Ярополка Изяславича — сына Гертруды и его жены, «имеющими сходство с миниатюрами Остромирова евангелия и Изборника Святослава» (Свирин А. Н. Искусство книги Древней Руси. XI—XVII вв. М., 1964). Часть же Реймского евангелия, на котором в средние века приносили присягу французские короли — 16 листов, написанных кириллицей (остальные листы — глаголица XIV в.), традиция связывает с дочерью Ярослава Анной, ставшей королевой Франции.

[113] Развитию формы книги уделяется иногда внимание искусствоведами

при анализе элементов ее художественного оформления. Связь же книги-кодекса с христианским культом считается настолько общепризнанной, что об этом говорится даже в учебниках палеографии (см. например: Люблинская А. Д. Латинская палеография. М., 1969, с. 28).

[114] Стасов В. В. Собр. соч., т. 2. Спб., 1894, с. 133.

[115] Свирин А. Н. Искусство книги..., с. 56; Смирнова Э. С. Древнейший памятник русского книжного искусства. — В кн.: Искусство книги. Вып. 2. М., 1961, с. 218.

[116] Никольский Н. К. Повесть временных лет как источник для истории начального периода истории русской письменности и культуры. Л., 1929.

[117] Результаты сравнения орнаментации древнейших чешских книг с Остромировым евангелием изложены мною в статье: Об общности орнаментальных деталей чешских и русских кодексов XI в.— In: Studia palaeoslovenica. Praha, 1971, s. 295—301.

[118] Лазарев В. Н. Искусство средневековой Руси и Запад. — Доклады XIII Международного конгресса исторических наук, т. 1, ч. 7. М., 1974, с. 291.

[119] Мещерский Н. А. Заметки о календаре Остромирова евангелия. — Доклад на научной конференции ГПБ, посвященной 900-летию памятника (см. Р[озов] Н. Празднование юбилея Остромирова евангелия в Ленинграде. — «Труды ГПБ», 1958, т. 5/8, с. 66).

[120] Жуковская Л. П. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI—XIV вв. — В кн.: Памятники древнерусской письменнности. Язык и текстология. М., 1968, с. 210.

[121] Мавродин В. В. Об одном изображении дикого зверя на фресках Софийского собора в Киеве. — В кн.: Культура и искусство древней Руси. Сборник статей в честь проф. М. К. Каргера. Л., 1967, с. 43—49. Автор определяет зверя на фреске как «пардуса» — прирученного для охоты гепарда.

[122] Одновременность появления текста и рассматриваемых изображений Изборника Святослава признается современными искусствоведами. «Цвет чернил, одинаковых с чернилами основного текста рукописи, а также палеографические признаки надписей, поясняющих отдельные рисунки, свидетельствуют об их появлении в XI в., в одно время с написанием Изборника», — пишет, например, в одной из своих последних статей Г. И. Вздорнов. (В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 90).

[123] В новейшей статье о «козьльроге» говорится, что в нем «менее всего улавливаются козлиные черты» и отмечается его связь с изображением пардуса — зверя, популярного в русском фольклоре и древнерусской литературе, имеющего определенную символику. Нарисованная же между ногами «козлерога» птица атрибутируется как павлин, и при этом отмечаются аналогичные изображения пардуса и павлина на других листах Изборника, а также Юрьевского евангелия. Однако ничего не говорится о «пробе пера» рисунка зверя на последних листах Изборника. (Гиршберг В. Б. «Козьльрогъ» в Изборнике Святослава 1073 года. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга, с. 81—89).

[124] Розов Н. Н. Древнерусский миниатюрист за чтением Псалтири. — ТОДРЛ, 1966, т. 22, с. 65—82. См. также: Розов Н. Н. Иллюстрации Киевской псалтири 1397 г. на полях старопечатной книги. — ТОДРЛ, 1969, т. 24, с. 340—343.

[125] Жуковская Л. П. Юрьевское евангелие в кругу родственных памятников. — В кн.: Исследования источников по истории русского языка и письменности. М., 1966, с. 45—52.

[126] История русского искусства, т. 1.. М., 1953, с. 257. Акад. Б. А. Рыбаков подметил, что «завитки многих букв чрезвычайно близки к чеканным ручкам сосудов. Невольно вспоминаются мягкие очертания ручек у сосудов..., работы мастеров Братилы и Косты... С этими сосудами его сближают и одинаковые там и здесь изображения цветов» (История культуры Древней Руси, т. 2, с. 419).

[127] Свирин А. Н. Древнерусская миниатюра. М., 1950, с. 35.

[128] Употребление слова «написал» в смысле «заказал» — даже в том случае, когда речь идет о многих книгах, — как было отмечено, встречается в летописи.

[129] Аналогичный случай можно указать в Минее XII в.: «Угрин подал стихере си две» (ГПБ, Сф. 188, л. 250, об.).

[130] Гуревич Ф. Д. Збручский идол. — «Материалы и исследования по археологии СССР», М.—Л., 1941, № 6, с. 279—287. Приведя многочисленные аналогии этого памятника, автор не упоминает данную Псалтирь (из рукописных книг приведена лишь одна — Изборник 1073 г.).

[131] Лазарев В. Н. Фрески Старой Ладоги. М., 1960, с. 60—61,

[132] Свирин А. Н. Искусство книги..., с. 65.

[133] Рукописной книжности целиком посвящены два тома сборника «Древнерусское искусство», вышедшие в 1972 и 1974 гг. Во втором из них опубликован цикл статей об основных типах книжного орнамента. В отдельных статьях исследуются миниатюры и почерки рукописных книг.

[134] Автор тщательнейшего палеографического и лингвистического исследования трех старейших русских Миней пишет: «Неизвестные нам переводчики... считали достаточным переводить лежащий перед ними греческий подлинник (Миней. — *Н. Р.*) слово в слово, не задаваясь предварительным изучением смысла... и не обращая внимания на то, выйдет ли их перевод понятным для читателей». «Неудобопонятность» перевода Миней «возбуждала у различных переписчиков охоту к произвольным поправкам по собственным догадкам» (Ягич И. В. Служебные минеи за сентябрь, октябрь и ноябрь в церковнославянском переводе по русским рукописям 1095—1097 гг. — В кн.: Памятники древнерусского языка, т. 1. Спб., 1886, с. XCV и XCVI).

[135] ЦГАДА, Тп., № 99, 103, 110, 121, 125.

[136] «С плетеным резным орнаментом деревянных и костяных изделий тесно связана еще одна отрасль декоративно-прикладного искусства — орнаментика новгородских рукописей», — отмечается в специальном исследовании (Г. Н. Бочаров. Прикладное искусство Новгорода Великого. М., 1969, с. 86).

[137] ГИМ, Син. 159—168.

[138] «Письмо Путятиной минеи... характеризуется так же, как и письмо других источников XI столетия, значительной непоследовательностью и пестротой», — пишет автор, отметив, что «писец Путята не отличался повышенным вниманием к оригиналу» (Марков В. М. К истории редуцированных гласных в русском языке. Казань, 1964, с. 10).

[139] Их обзор и систематизация впервые были сделаны И. Тикканеном (Tikkanen J. Die Psalterillustration im Mittelalter. Helsingfors, 1903). В последние годы появилось много специальных исследований как отдельных византийских и славянских Псалтирей, так и их групп, например, два тома французского издания «L'Illustration des Psautiers Grecs du Moyen Age» (Paris, 1966—1970); книга М. В. Щепкиной «Болгарская миниатюра XIV в. Исследование Псалтири Томича» (М., 1963); статья А. Джуровой — о той же Псалтири — с таким «говорящим» названием: «Томичов псалтир — съотношение между текст, илюстрация и тълкуване» (Мироглед, метод и стил в изкуството. София, 1975) и др.

[140] ГИМ, Хл. 3. См.: Амфилохий, арх-т О славянской Псалтири библиотеки А. И. Хлудова. — «Труды Московского археологического общества», 1870, т. 3, вып. 1. Здесь же — великолепная цветная и в натуральную величину репродукция миниатюры, о которой пойдет речь ниже.

[141] К этой редакции относится Киевская псалтирь 1397 г. и целый ряд позднейших (см. Розов Н. Н. О генеалогии русских лицевых Псалтирей XIV—XVI вв. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Москвы и прилежащих к ней княжеств XIV—XVI вв. М., 1970, с. 226—257). О Хлудовской псалтири, в частности, о судьбе ее «выходной» миниатюры в последующих веках истории русской рукописной книжности, говорится в моей статье «Музыкальные инструменты и ансамбли в миниатюрах Хлудовской (русской) Псалтири». (В кн.: Древнерусское искусство. Проблемы и атрибуции. М., 1977, с. 91—105).

[142] ГИМ, Син. 997, л. 1248 об. В некоторых списках Книги Козмы Индикоплова, в том числе опубликованном в факсимильном издании Общества любителей древней письменности (Спб., 1886, с. 124) есть любопытное разночтение: не «пиша раздаваше», а «писарем здаваше».

[143] Любопытно и важно отметить, что в позднейших списках Книги Козмы Индикоплова миниатюру Макарьевской Минеи рисовальщики уже перестают понимать, и изображенные на ней «лики» превращаются в чисто орнаментальные розетки. Не является ли это свидетельством того, что инструментальные ансамбли и отдельные инструменты, нарисованные в Минее четье, не находили своих прототипов в быту русских людей того времени, например, нарисованный там дважды орган (подробнее об этом — в моей статье «Музыкальные инструменты и ансамбли в миниатюрах Хлудовской (русской) Псалтири».

[144] См., например, указатели статей ТОДРЛ, опубликованные в томах 10, 20 и 30 этого издания, а также выпуски издания «Древнерусское искусство», Археографического ежегодника, Записок отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина и некоторые другие, где публикуются работы советских искусствоведов, занимающихся историей оформления рукописной книги — О. А. Белобровой, Г. И. Вздор-

нова, В. Д. Лихачевой, О. И. Подобедовой, О. С. Поповой, Т. Б. Уховой и др.

[145] Принудительная миграция внесла в географию книги свои «поправки»: многие из них оказались далеко от тех мест, где они были созданы или обращались, книги попадали иногда и за рубежи России.

[146] ПСРЛ, т. 1, с. 192. См.: Голышенко В. С. К гипотезе о ростовской библиотеке XIII в. — В кн.: Исследования по лингвистическому источниковедению. М., 1963, с. 45—64. В настоящее время установлением книг из предполагаемого ростовского скриптория XIII в., также по палеографическим и лингвистическим признакам, занимается О. А. Князевская.

[147] ПСРЛ, т. 2, с. 222—223. Книги названы среди других вкладов в различные церкви — икон, облачений, сосудов; при этом называются не только богослужебные, но и отдельные четьи книги — комплект Пролога и два «Съборника».

[148] Православный собеседник, 1858, авг., с. 142 (публикация списка 1558 г.).

[149] ПСРЛ, т. 2, с. 29. В том же источнике (с. 271) почти теми же словами характеризуется и князь Владимир Василькович.

[150] Волков Н. В. Статистические сведения о сохранившихся древнерусских книгах XI—XIV веков и их указатель. — «Памятники древней письменности», Спб., 1897, вып. 123, с. 12.

[151] Сапунов Б. В. Некоторые соображения о древнерусской книжности XI—XIII веков. — ТОДРЛ, 1955, т. 11, с. 319—320. Критику методики этого исследования и выводы из нее см. в кн.: Книговедение и его задачи в свете актуальных проблем советского книжного дела. Вторая Всесоюз. науч. конф. по проблемам книговедения. Секция рукописной книги. Тезисы докл. М., 1974, с. 3—6).

[152] Сапунов Б. В., Указ. соч., с. 323.

[153] Мошин В. А. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. — ТОДРЛ, 1963, т. 19, с. 51.

[154] Сапунов Б. В. Указ. соч., с. 330. В предполагаемом автором необходимом для каждой церкви комплекте книг игнорируются летописные свидетельства о книжных вкладах, — например, князя Владимира Васильковича.

[155] В позднее опубликованных своих статьях о судьбах древнерусской книжности Б. В. Сапунов, продолжая излагать факты и причины гибели книг, подсчетами последних уже не занимается (см., например, его статью: Судьба книжного наследия древней Руси. — «Русская литература», 1972, № 3).

[156] Баренбаум И. Е., Давыдова Т. Е. История книги. Изд. 2-е. М., 1971, с. 43.

[157] Виноградов В. В. Основные проблемы изучения образования и развития древнерусского языка. М., 1958, с. 39; Жуковская Л. П. Типология... (см. сноску 120); Подобедова О. И. Некоторые проблемы изучения рукописной книги. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга.

М., 1972, с. 13—14; Poppe A. Kultura pismiennicza dawnej Rusi.— «Slavia Orientalis», 4, 1972, roczn. XXI, s. 376.

158 «Указатель описаний славянских и русских рукописей, отечественных и заграничных» И. М. Смирнова был опубликован в 1916 г., а его расширенный вариант — в 1957 г. (Djaparidze D. Mediaval Slavic manuscripts. A bibliographi of printed catalogues by David Djaparidze. (The Mediaval Academy of America. Publication N 64). Новейшим и наиболее полным изданием такого рода является «Справочник-указатель печатных описаний славяно-русских рукописей» Н. Ф. Бельчикова, Ю. К. Бегунова и Н. П. Рождественского (М. — Л., 1963).

159 Археографический ежегодник за 1965 год. М., 1966, с. 177—272.

160 «Вопросы языкознания», 1969, № 1, с. 99.

161 Кроме 691 номера основного перечня, в нем дано еще 17 номеров «Дополнений».

162 «Вопросы языкознания», 1969, № 1, с. 100.

163 Это обстоятельство, с достаточным числом примеров, также отмечается Л. П. Жуковской; однако на его основании ею не делается «скидки» в числе указанных в «Предварительном списке» номеров, что необходимо было сделать, сравнивая его со сведениями Н. В. Волкова.

164 Н. В. Волков также начал было учитывать фрагменты книг отдельно, но потом внес в свой «Указатель» соответствующие поправки (Волков Н. В. Статистические сведения..., с. 81, сноска), которые дают возможность уточнить число учтенных им книг — 695, а не 691, как указывают Л. П. Жуковская и Б. В. Сапунов (это уточнение сделано составителем «Предварительного списка» Н. Б. Шеламановой).

165 Рогов А. И. Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962.

166 Так, например, два листа Минеи XI в. (ГБЛ, Муз. 1327), написанные почерком, близким к письму новгородских Миней конца XI — начала XII в., были «сняты с переплета старопечатного Служебника новгородской Софийской библиотеки» («Записки отдела рукописей ГБЛ», 1962, вып. 25, с. 154).

167 Больше всех и наиболее убедительных отождествлений фрагментов древнейших русских рукописных книг сделано в последние годы сотрудником отдела рукописей ГБЛ Н. Б. Тихомировым в его тщательнейшем научном описании — «Каталоге русских и славянских пергаменных рукописей XI—XII вв.», опубликованном с многочисленными «Приложениями» и «Дополнениями» в «Записках отдела рукописей ГБЛ» (вып. 25, 27, 30, 33).

168 Таковых оказалось: в БАН — 14 (половина из них — так называемые «финляндские отрывки» — фрагменты древнерусских книг, оказавшиеся в Швеции, где их использовали в качестве обложек архивных дел), в ГПБ — 32 (из них треть — в собраниях, хранившихся ранее в Духовной академии), в ГБЛ — 18 (за исключением одной, все — также из собраний Духовной академии), в ЦГАДА — 19 (кроме одной, все, переданные из Синодальной типографии), в ГИМ — 24 (из различных по происхождению собраний).

[169] По справке, любезно предоставленной мне Н. Б. Шеламановой, 95 книг из списка Волкова были передатированы — отнесены к XV в. При этой подготовке были получены сведения еще о 24 рукописных книгах XIV в., находящихся в настоящее время преимущественно в периферийных собраниях.

[170] Таблица демонстрировалась на научной конференции «Рукописная и печатная книга (к проблеме взаимосвязей)» в 1973 г. в Москве. Ее цифровые итоги опубликованы в материалах этой конференции (Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 16—17).

[171] Из новейших и наиболее полных публикаций укажу книгу Я. Н. Щапова «Восточнославянские и южнославянские рукописные книги в собраниях Польской народной республики» (М., 1976).

[172] Изучение рукописных книг периферийных хранилищ должно быть предпринято в ближайшие годы в связи с подготовкой к печати «Предварительного списка славяно-русских рукописей XV в.».

[173] До XVIII в. в России приделы не устраивались одновременно с постройкой храма и были настолько автономными, что имели отдельные комплекты богослужебных книг. Таким был, например, придел св. Иоакима и Анны в Новгородском Софийском соборе: многие книги Софийской библиотеки имеют вкладные записи именно в этот придел.

[174] В «Предварительном списке» учтено 170 целых и 66 фрагментов русских Евангелий. К ним следует добавить: из «Статистических сведений» Н. В. Волкова — 3, до настоящего времени не передатированных и 16 неизвестно где находящихся, а также 11, обнаруженных Л. П. Жуковской (см. статью «Типология...»). В итоге можно назвать около 270 списков Евангелия XI—XIV вв., в то время как Апостолов тех же веков известны лишь 33.

[175] Из советских ученых историей русского хорового пения древнейшего периода плодотворно занимается Н. Д. Успенский (см.: Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство. М., 1971). Отрадно отметить усиленные занятия музыкальной палеографией целой группы молодых, преимущественно ленинградских музыковедов, учеников М. В. Бражникова.

[176] Предлагаемая поправка в учете сохранившихся томов Миней дает основание уменьшить явную диспропорцию количества сохранившихся от XI—XII вв. экземпляров Евангелий и Миней: если без поправки оно выражается в отношении 15 : 35, то после нее — 15 : 18.

[177] Раннее распространение последних трех книг было вызвано необходимостью усвоения русским клиром византийских напевов, что было делом нелегким из-за механического приспособления последних к церковно-славянским текстам (см.: Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство, с. 45—61).

[178] Старейший из сохранившихся таких сборников относится к концу XII в. Он объединил недельные циклы канонов двух византийских авторов — Иосифа и Козмы; при ирмосах написаны в этой книге и ноты (ЦГАДА, Тп. 80). Эти сборники канонов не следует путать с Канонниками — сборниками келейных молитв.

[179] По указателю Н. В. Волкова (№ 392) книга хранилась в Венской библиотеке.

[180] Процентное соотношение между сохранившимися русскими богослужебными книгами XI—XIII вв. выглядит так: Минеи — 29,5%, Евангелия — 24,64%, Стихирари — 11,97%, Псалтири и Кормчие по 4,94%, Триоди — 4,22%, Апостолы, Служебники, Кондакари, Ирмологии и различные богослужебные сборники — по 3,52, Паремейники — 1,4%, Часословы — 0,7%.

[181] Изборник 1076 года, л. 4—4 об.

[182] Щепкина М. В. О происхождении Успенского сборника. — В кн.: Древнерусское искусство. Рукописная книга. М., 1972, с. 60.

[183] Макарий. История русской церкви, т. 3. Спб., 1868, с. 228—235.

[184] Н. Д. Успенский отмечает: «Эпоха феодальной раздробленности Руси ознаменовалась выработкой своего художественного стиля пения» (Успенский Н. Д. Древнерусское певческое искусство, с. 148). Этим объясняется уменьшение и числа Стихирарей, фиксировавших преимущественно тоже византийскую традицию церковного пения.

[185] Макарий. История русской церкви, с. 163—209. К сожалению, автор, перечисляя все известные по источникам монастыри, не дает их общего числа; подсчитано лишь 180 монастырей «вновь возникших или восстановленных в два столетия монгольского владычества над Россией, кроме тех, которые продолжали существовать от прежнего времени» (с. 209).

[186] Отрывок — два листа такого Торжественника — обнаружился среди упоминавшихся выше «финляндских отрывков» в БАН (о нем см.: Покровский Ф. И. Отрывок Слова митрополита Илариона «О законе и благодати» в списке XII—XIII вв. — ИОРЯС, 1906, т. 11).

[187] О них см.: Никольская А. Б. Слово... Илариона в позднейшей литературной традиции (см. сноску 80).

[188] Археографическая комиссия располагает в настоящее время сведениями о 3,5 тыс. рукописных книг XV в., имеющихся в книгохранилищах нашей страны. Это почти в два с половиной раза больше соответствующего числа предыдущих четырех веков. И среди них — по предварительным наблюдениям — гораздо меньше, чем в предшествующие столетия, книг южнославянских.

[189] Калайдович К. Ф., Строев П. М. Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве в библиотеке... графа Ф. А. Толстого. М., 1925. В последующие годы вышли два небольших «Дополнения» к этому описанию.

[190] См.: Востоков А. Х. Описание русских и словенских рукописей... и Горский А., Невоструев К. Описание славянских рукописей... Недавно было опубликовано дополнение: Описание рукописей Синодального собрания (не вошедших в описание А. В. Горского и К. И. Невоструева). М., 1970.

[191] Впервые такой список опубликовал И. И. Срезневский — «Древние русские книги» (Христианские древности и археология. Кн. 2, 4. М., 1864; имеется отдельное издание: М., 1864). В нем перечислены 55 имен, в число которых попали, кроме заказчиков и книгописцев, имена иерархов, при которых писались книги, а также названные в позднейших пометах.

[192] Никольский Н. К. Рукописная книжность древнерусских библиотек (XI—XVII вв.). Материалы для словаря владельцев рукописей, писцов, переводчиков, справщиков и книгохранителей. Вып. 1. А — Б. Спб., 1914. Неопубликованная часть этого труда хранится в картотеке Н. К. Никольского в БАН и составляет свыше 12 тыс. карточек. Они были использованы мною для составления списков заказчиков и переписчиков книг.

[193] Срезневский И. И. Древние русские книги, с. 9.

[194] Так, например, одна приписка начинается фразой: «В лето 6794 списан бысть сии Номоканон боголюбивым князем Владимиром сыном Васильковым и боголюбивою княгинею Ольгою Романовною». Поскольку из Ипатьевской летописи известно, что этот князь некоторые пожертвованные им в церкви книги писал сам, можно подумать, что данная книга была в их числе. Однако в дальнейшем сообщается: «Пишущим же нам сия книги, поехал господь наш к Ногаеви, а госпожа наша оста во Владимири, зане бяше немощи ю угониша зело» (цит. по кн.: Срезневский И. И. Древние памятники русского письма и языка. Изд. 2. Спб., с. 147). Следовательно, ни князь, ни княгиня не могли сами написать эту книгу: первый — из-за отъезда, вторая — будучи больною. И все же их имена были включены в перечень книгописцев даже таким внимательным исследователем, каким был Е. Ф. Карский. (Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография. Л., 1928, с. 290).

[195] В большинстве случаев это относится к припискам лиц, не указавших на свою принадлежность к духовенству. И, вероятно, это отражает местные обозначения профессий. Так, например, один владимиро-волынский писец называет себя «мастером» (ГПБ, Пг. 71^{а}, л. 329). Новгородские писцы называли себя «владычными робятами», «паробками», «писцами».

[196] Например, в приписке к Апостолу 1391 г. сказано: «А прописывал многогрешный Матфей диак» (ГПБ, Пг. 26, л. 247 об.); на предыдущей же странице в молитвенной приписке, сделанной рукой писца, названо другое имя — Марк.

[197] См. Приложение 1. При анализе персоналии русской книги учитываются сведения не только сохранившихся подлинных экземпляров, но и позднейших их копий (например, приписка Упыря Лихого), а также книг, не сохранившихся, но о которых имеются свидетельства в записях писцов других книг (например, о заказах игумена Антония и Миляты Лукинича) или в литературе (например, о Шенкурском прологе 1229 г., сгоревшем в 1812 г.).

[198] ГИМ, Син. 235, на л. 337 — подробнейшая приписка писца — священника Захарии, в которой он упоминает о написании им еще Евангелия по заказу игумена Антония.

[199] В составленном мною Синхронно-тематическом перечне сохранившихся книг к XI—XIII вв. относится 228 экземпляров, а к XIV — 549.

[200] Книга была написана для Георгиевской церкви во Пскове. Коллективные заказы родственников отмечаются в XIV в. и в других случаях, причем их делают отнюдь не исключительно представители верхушки

феодального общества. Так, например, другой Октоих был написан в Новгородском Видогощенском монастыре для церкви, весьма отдаленной от Новгорода — «за волок, в Ракулу на Двине» — по заказу «грешного» Пимена — «отца владычня» — и его сына — монаха Андреяна-Маркиана (ГПБ, Сф. 124, л. 210 об.). Это были отец и брат архиепископа Василия Калики, прославившегося своей административной и градостроительной деятельностью. Избран же был Василий, по свидетельству Новгородской летописи (ПСРЛ, т. 2, с. 75), из приходских священников.

201 ГИМ, Син. 240, л. 186 об.

202 Подробнее об этом см.: Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. М., 1965, с. 20—22.

203 См. Приложение 2. Основанием для включения в хронологический список книгописцев, кроме сведений выходных записей, являются различные пометы с именами, сделанные теми же почерками, какими написана данная книга.

204 ГПБ, Q п. 1—13.

205 Минея праздничная XII в. — ЦГАДА, Тп. 131; Евангелие ок. 1350 г. — Там же, Тп. 10.

206 Митрополит Алексий переписал в 1355 г. Евангелие и Апостол (см.: Дурново Н. Н. Введение в историю русского языка. М., 1969, с. 73). Его преемник Киприан, охарактеризованный Степенной книгой человеком «велми книжным» (ПСРЛ, т. 21, вторая пол., с. 440), начал писать книги еще будучи в Константинопольском Студийском монастыре (Лествица 1387 г.).

207 Один из них — Кузьма в 1313 г. переписал две книги и в одной из них назвал себя диаконом (Паремейник. — ГИМ, Син. 172). Остается неясным: либо в одном случае писец забыл указать свой духовный сан (это маловероятно), либо был посвящен в него именно в этом году.

208 «В подражание византийским писцам и наши помещали в конце рукописи разные записи», — пишет, например, Е. Ф. Карский. Приводя далее в качестве примера одну византийскую выходную запись IX в., он комментирует ее так: «Здесь мы имеем а) обращение к богу; б) название книги; в) имена заказчика и писца; г) время написания; д) изображение смирения писца; е) просьбу о молитве за писца и о снисхождении к нему. В других приписках (более позднего времени) ж) присоединяется еще выражение радости писца по поводу окончания письма» (Карский Е. Ф. Славянская кирилловская палеография, с. 276). Следует отметить некоторую неточность: последний из названных элементов в русских выходных записях, как это будет показано ниже — иногда не «присоединяется», а вытесняет первый; два же последних (пункты «д» и «е»), как правило, бывают настолько тесно связаны, слиты, что их правильнее счесть за один.

209 Об их приписках подробнее говорилось в начале первой части книги. Трудно сказать, был ли этот элемент в приписке главного писца Архангельского евангелия — «Мички», так как начало ее не сохранилось. Но его помощники явно обошлись без этого элемента, сделав краткие припис-

ки типа Путятиной и других новгородских Миней.

[210] Новейшая публикация этой приписки — в «Записках Отдела рукописей ГБЛ» (вып. 27, с. 96).

[211] Таковы, например, приписки (помимо выходной записи) писца Минеи 1095 г.: «Господи, помози рабу своему Дъмке» (л. 57), «Господие, простите мя грешънаго и убогаго и недостоинаго съгрьшьша тебе Аминь» (л. 143). В последнем случае писец путает адресат своего обращения: в начале это — заказчики книги («господами» он называет их в других приписках), в конце — бог. Следовательно такие «молитвенные» приписки делались механически, как дань традиции, и далеко не всегда отражали действительное настроение книгописца.

[212] По той же причине был распространен обычай делать в старинных богослужебных книгах записи о вкладах не только книг, но и различного имущества — полей, лугов, сел и прочей недвижимости. На одном Евангелии XIV в. их, например, столько, что воспроизведение заняло около 4 страниц петита (Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаментных рукописей ГПБ. Л., 1953, с. 41—45).

[213] ГИМ, Син. 836, л. 180.

[214] ГИМ, Син. 722, л. 180.

[215] ГИМ, Син. 227 — пометы на различных листах. Если это пример «внутреннего монолога» книгописца, то известная и более ранняя помета «Чьгльле кривая главо — пиши право!» похожа на окрик старшего писца (ГПБ, Q п. 1—16, л. 101 об.).

[216] ГИМ, Син, 740, л. 123 об. Трогательной выглядит просьба об исправлении ошибок помощника-сына, очевидно, еще не очень опытного писца: «А чтете исправливаюче, не кльнуще бога деля, чи где детина помял», — приписано в Паремейнике 1271 г. перед пометой «Отец псал досюду» (ГПБ, Q п. 1—13, л. 73 об.)

[217] ГПБ, ОЛДП Q 106, л. 1. Второй, подручный писец заявил о себе в краткой помете на л. 71 об..: «Ворон писал».

[218] Львовский исторический музей, Отдел рукописей, № 222.

[219] Новейшая публикация этой приписки — в Описании пергаменных рукописей ГИМ (Археографический ежегодник за 1964 г., с. 160—161).

[220] Автор новейшего и тщательного палеографо-лингвистического исследования Архангельского евангелия Н. Б. Тихомиров читает его — без твердой, впрочем, уверенности — «Яким» («Записки отдела рукописей ГБЛ», вып. 25, с. 174). Из-за спорности прочтения этого имени и неясности социального положения его носителя оно не включено мною в список заказчиков книг.

[221] Ярким примером привлечения многих книгописцев к созданию одной книги является Рязанская кормчая 1284 г., написанная, как показало ее новейшее палеографическое и фонетическое исследование, десятью писцами. «Работа, выполняемая каждым из писцов, неодинакова по объему... Предполагаем, что это была целая артель, в которой один писец был главным, ведущим (Блохина Э. Д. Палеографическое и фонетическое описание Рязанской кормчей. Л., 1970. Автореф. дис., с. 9). Любопытно и важно отметить, что в пространной выходной записи Ря-

занской кормчей, в которой указано не только имя заказчика, но и происхождение оригинала, с которого она переписывалась, и даже такая «технологическая деталь», что он был разделен для переписки на пять частей, имена писцов, даже главного, не названы. Не свидетельствует ли это об обезличивании труда в большой артели книгописцев? Или это было сделано потому, что в данном случае создавался не шедевр, а обычная по оформлению книга, да еще при явной спешке (почерка меняются иногда не только в одной строке, но и внутри слова). Наконец, напрашивается и такое предположение: не была ли традиция обозначать имена книгописцев локальной, новгородской? Обозначение имен мастеров на предметах прикладного искусства было там исстари принято.

222 Сведения о местах происхождения русских книг XI—XIV вв. имеются в работе Н. В. Волкова, где перечисляются книги, написанные в Киеве или киевлянами, а также в Новгороде и Пскове, в городах Владимиро-Волынской и Владимиро-Суздальской земли — в обоих Галичах, Холме, Смоленске, Полоцке, Суздале, Ростове, Ярославле, Москве (Волков Н. В. Статистические сведения, с. 30—35).

223 Например, статьи и диссертация Г. И. Вздорнова; последняя озаглавлена «Рукописные книги Северо-Восточной Руси XII — начала XV веков как памятники искусства».

224 Семенов А. И. Лисицкий монастырь — пригородный центр новгородского книгописания. — ТОДРЛ, 1969, т. 17, с. 369. Присланным константинопольским патриархом, согласно преданию, зафиксированному припиской XVII в., считался Служебник Варлаама Хутынского (ГИМ, Син. 604).

225 Кроме отмеченного выше случая переписки книги в другом небольшом новгородском монастыре — Видогощенском для церкви «Ракуле на Двине», туда же, в Заволочье «матигорцам» был направлен Паремейник 1271 г., написанный священником Захарией. В пространной приписке последнего, также упоминавшейся выше, говорится, что, переселившись «за Волок», он продолжал переписывать книги, снабдив одной из них — Евангелием — местный монастырь. Так распространялись образцы и традиции новгородского книгописания: книга, в которой содержится эта приписка, украшена великолепными заставками и инициалами новгородского тератологического стиля. Поэтому не случайно, что древние новгородские книги находились еще в начале прошлого века в отдаленных и потерявших к тому времени всякое значение погостах (см. карту-схему конечных пунктов миграции рукописных книг, находящихся ныне в составе Софийской библиотеки, при моей статье: Искусство книги древней Руси и библиогеография, с. 50—51. Сведения о распространении книги из Новгорода, в том числе почерпнутые из недошедших до нас экземпляров, приводятся Н. В. Волковым. (Волков Н. В. Статистические сведения, с. 36—37).

226 Другая знаменитая северная русская монастырская библиотека — Соловецкая — была с самого начала укомплектована книгами, написанными в Новгороде (см.: Розов Н. Н. Соловецкая библиотека и ее основатель игумен Досифей. — ТОДРЛ, т. 17, с. 294—304).

[227] Особым вниманием советских искусствоведов, занимающихся книжной миниатюрой, пользуются византийские школы, в особенности так называемая «Палеологовская». Об этом говорят сами названия недавно опубликованных статей, например: «Миниатюры Киевской псалтири и их византийские источники» В. Д. Лихачевой (в сборнике «Книга и графика». М., 1972); «Новгородская миниатюра раннего XIV века и ее связь с палеологовским искусством» О. С. Поповой — в упоминавшемся уже неоднократно сборнике «Древнерусское искусство» (1972), посвященном рукописной книге. Как показывает библиография к названным и некоторым другим аналогичным работам, изучением византийского влияния на древнюю книгу своих стран занимаются и многие современные южнославянские исследователи, а также искусствоведы-византологи.

[228] Обобщению аналогичного материала последующих веков на материале новгородско-псковской рукописной книги посвящена моя статья «Искусство книги древней Руси и библиогеография».

[229] По последнему признаку в некоторых современных учебниках древнерусской литературы строится ее систематизация в XIV—XVI вв. (См. напр.: Гудзий Н. К. История древней русской литературы. Изд. 7-е. М., 1966).

[230] Розов Н. Н. Об исследовании географического распространения рукописной книги, с. 161.

[231] Ляхов В. Н. Очерки теории искусства книги. М., 1971, с. 43.

[232] Голубева О. Д. Некоторые вопросы изучения книги. — Материалы Первой всесоюзной научной конференции по проблемам книговедения. М., 1971, с. 78—80. О применении синхронистического метода советскими историками см.: Поршнев Б. Ф. Франция, английская революция и европейская политика середины XVII в. М., 1970, с. 129. Любопытно отметить, что заимствуется этот метод из практики филологов-лингвистов, в частности, у швейцарского ученого Соссюра — основоположника современного структурализма.

[233] В новейшем исследовании по истории чешской книги отмечается, что «на протяжении IX—XI вв. в Чешских землях был создан ряд памятников письменности на старославянском языке» и что «рукописная книжность на латинском языке», которая в конце отмеченного периода из-за «активных действий сторонников Рима, поддержанных правящими кругами раннефеодального Чешского государства», вытеснила было старославянский язык, «недолго сохраняла свою монополию, и уже в XIII в. начинается развитие письменности на чешском языке» (Мыльников А. С. Чешская книга. Очерки истории. М., 1971, с. 8—9).

[234] Повесть временных лет под 1051 годом. ПСРЛ, т. 1, с. 69.

[235] Киево-Печерский патерик. Киев, 1930, с. 2.

[236] Слово о полку Игореве. Л., 1967, с. 50. (Библиотека поэта. Изд. 2-е. Большая серия).

[237] См. введение к II части книги.

[238] Близ Смоленска суда переволакивались из верховьев Днепра в приток Западной Двины реку Касплю или в Ловать, по которой начинался их путь в «Варяжское море» через Новгород. Не из последнего ли попали

в Смоленск «берестяные книги», хранившиеся в местной областной библиотеке до Великой Отечественной войны? (См.: Смоленск, Путеводитель. М., 1966, с. 159).

239 Это объясняется тем, что одна из специфических причин перемещения книг в те времена — их «принудительная миграция» в условиях междоусобных феодальных войн — на книгах не отмечалась. Сведения же источников о книжных вкладах с точными указаниями их направления — такие, как упоминавшиеся данные Ипатьевской летописи — редки.

240 Об этом свидетельствуют топонимические названия многих сохранившихся русских книг XII—XIV вв. Таковы, например, три Галицких, Полоцкое, Холмское, Перемышльское, Луцкое, Друцкое евангелия.

241 Лихачев Д. С. Русские летописи... с. 173—175.

242 Первоначально этот материал привлек внимание археологов, которые начали его обобщать в трех первых томах академической Истории русского искусства, в 1953—1955 гг. Характерно, что материалы по искусству книги входили в этих томах в главы о прикладном искусстве, так как «украшение книг» считалось «своеобразным разделом декоративного искусства» (История русского искусства, т. 1. М., 1953, с. 255).

243 Лихачев Д. С. Русские летописи..., с. 176.

244 Насонов А. Н. История русского летописания..., с. 236, 244—245.

245 Новгородским по происхождению признается лингвистами старейший из сохранившихся списков Слова о законе и благодати — два листа книги XIII в. — из «финляндских отрывков» (Мещерский Н. А. Язык «Слова о законе и благодати». — ТОДРЛ, 1976, т. 30, с. 234).

246 Лихачев Д. С. Русские летописи..., с. 202.

247 Там же, с. 212. Выходная запись «Тимофея, пономаря св. Якова» есть и в так называемом Лобковском прологе 1282 г.

248 Источники периода феодальной раздробленности сообщают о том, как удельные князья, в спорах о своих «отчинах и techдединах», оперировали фолиантами летописей. В этом следует усмотреть отражение пиетета к книге, к самой ее форме — фолианту, который постоянно поддерживался христианским культом. Евангелие не только читали или слушали, но и целовали при богослужении, на исповеди, принимая присягу, клянясь на нем во время упомянутых споров. О книгах с записями грехов каждого человека, которые «разгнуться» в день «страшного суда», постоянно напоминали церковные песнопения, иконы, настенные росписи. Не случайно, что и само слово «разгнуть», а не просто посмотреть в книге, употребляется в тех случаях, когда ее привлекают как неопровержимый документ. «И аще хощещи испытовати, разгни книгу Летописец великий русьский и прочти от великаго Ярослава и до сего князя нынешнего», — советует московский летописец своему читателю (Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М. — Л., 1950, с. 439).

249 Черепнин Л. В. Образование русского централизованного государства в XIV—XV вв. М., 1960, с. 463; Приселков М. Д. Троицкая летопись, с. 346.

250 Воронин Н. Н. Тверское зодчество XIII—XIV вв. — «Известия АН СССР, сер. истории и философии», 1945, т. 2, с. 375.

251 ПСРЛ, т. 10, с. 189. Последний из названных написал в 1317 г. в Твери — на греческом языке — Устав церковный, попавший впоследствии в библиотеку Ватикана. (Красносельцев Н. Сведения о некоторых литургических рукописях Ватиканской библиотеки. Казань, 1885, с. 22). Таков любопытный случай миграции греческой книги, написанной в России, за пределы последней.

252 Это предположение было выдвинуто В. М. Истриным, осуществившим капитальное издание памятника (Хроника Георгия Амартола в древнем славяно-русском переводе, т. 2. Пг., 1922, с. 307—309). Оно вызвало возражения трех авторитетных исследователей-лингвистов — Н. Н. Дурново, П. А. Лаврова и М. Вейнгарта. Однако спор возник лишь о том, к какой ветви славянских народов принадлежал переводчик: Вейнгарт считал его болгарином, П. А. Лавров допускал участие в переводе моравских книжников, Н. Н. Дурново — южнославянских. Но все они признавали, что перевод был отредактирован русским книжником. В третьем томе своего издания В. М. Истрин выступил с развернутым и весьма убедительным ответом своим оппонентам.

253 Подобедова О. И. Миниатюра русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965, с. 18.

254 Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской или Кенигсбергской летописи. Спб., 1902, с. 103.

255 Следует отметить любопытную графическую особенность Радзивилловской летописи. Местами писцы делают внизу страницы колофоны, причем не всегда там, где кончаются куски текста, а иногда и посередине фразы. Это противоречит традиции оформления частей текста книги в соответствии с его чтением — отдельными, целостными по смыслу и содержанию кусками, которая существовала и в богослужебной, и в четьей книге, начиная с XI в. Однако отмеченная особенность письма Радзивилловской летописи является фактом истории книги XV в. и ее объяснение не входит в хронологические рамки предлагаемой книги.

256 Айналов Д. В. Миниатюры «Сказания» о св. Борисе и Глебе Сильвестровского сборника. — ИОРЯС, 1911, т. 15. В этой статье приводятся многочисленные аналогии с памятниками станковой и монументальной живописи, отмечаются некоторые сходства с миниатюрами Хроники Георгия Амартола и Радзивилловской летописи.

257 Барсук А. И. К определению понятия «книга». — «Издательское дело и книговедение», 1970, № 6(12).

258 Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. К определению понятия «книга» в историческом аспекте по русским материалам XI—XIV вв. — В кн.: Рукописная и печатная книга. М., 1975, с. 11—19.

259 Старейшим документальным свидетельством того, что окладу Евангелия старались придать не только внушительный, но и максимально византийский облик, служит история оклада Мстиславова евангелия XII в., изложенная в приписке на нем некоего Наслава, возившего эту книгу «облачать» в Константинополь. Однако, как доказывает исследователь этого памятника, «от Наслава оклада, быть может не осталось ничего кроме двух филиграней» — эмальерных медальонов с изображениями

(Симони П. Мстиславово евангелие начала XII в. в археологическом и палеографическом отношениях. Спб., 1910, с. 21). Оклад утратил не только большинство элементов своего украшения, но и их первоначальное расположение, которое было «переверстано» согласно русским традициям оформления переплетов: в настоящее время расположение медальонов на этом роскошном окладе — такое же, как набивались «жуки» — примитивные медные украшения (гвозди с фигурными шляпками) на самых «рядовых» книгах, например, двух Минеях 1369 и 1370 гг. из Софийской библиотеки (№ 198 и 189).

260 Такая надпись есть у инициала «В» в Евангелии 1358 г. (ГИМ, Син. 68, л. 60). Важно отметить, что инициалы, изображающие пляшущих человечков, находятся — за исключением одного случая в Прологе — в важнейших богослужебных книгах, главным образом в Псалтирях, преимущественно новгородского или псковского происхождения. Они в свою очередь контактируются с памятниками местной монументальной живописи. (Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. Еще раз об изображении скомороха на фреске в Мелетове. К вопросу о связях монументальной живописи с миниатюрой и орнаментом. — В кн.: Древнерусское искусство. Художественная культура Пскова. М., 1968, с. 85—96).

261 Подробнее об этом см.: Розов Н. Н. Служебники и Требники. — В кн.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей, хранящихся в СССР, вып. 2, М., 1976, с. 314—339.

262 Это современное слово в данном случае вполне применимо, если учесть то, что православное богослужение является сложным, значительно театрализованным ритуалом; последнее свойство отразилось в приписках — «ремарках» Служебников, вроде следующих: «Отворь дверь» (так наз. «царские врата». — *Н. Р.*) или «Возми кадильницю да покади дары, да руки верх» и т. п. (Подробнее см.: Розов Н. Н. Служебники Новгородско-Софийской библиотеки, состав, приписки, записи, пометы. — В кн.: Изучение русского языка и источниковедение. М., 1969, с. 58—59).

263 Автор самой большой подборки образцов книжного орнамента признает, что «почти все русские рукописи настоящего атласа принадлежат к богословскому отделению» (Стасов В. В. Славянский и восточный орнамент по рукописям древнего и нового времени. Спб., 1887, с. 15).

264 Таково, например, упоминавшееся выше (сноска 120) исследование Л. П. Жуковской русских и славянских Евангелий-апракосов, к которым привлечено около пятисот экземпляров этой книги, в том числе все сохранившиеся русские Евангелия этого типа и их фрагменты.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК

Годы, века	Князья и бояре	„Мирские люди“
1047	Владимир Ярославич, кн.	
1057	Остромир, посадник	
1073	Святослав Ярославич, кн.	
1164		
XII	Мстислав Владимирович, кн.	Феодор
»		Микула
XII—XIII		Пантелеймон
1215		Милята Лукинич
1229		Евстафий Васильевич
до 1249		
1260		
1270		
1280		
1282		Захарий Олексич
1284		
1286	Владимир Василькович, кн.	
»	Ольга Романовна, кн.	
1288	Петр. тиун	
1296	Марина, кн.	
1300		
1301	Лев Данилович, кн.	
1307		
1309		Тарасий Антонович
1317		Пантелеймон Мартынович
1323		
1339	Иван Калита, великий кн.	

ЗАКАЗЧИКОВ РУССКИХ КНИГ XI—XIV вв.

Белое духовенство	Черное духовенство	
	„Рядовые"	Иерархи
Симеон, свящ.		
	Феофил	
		Спиридон, арх-п
	Симон	Антоний, иг.
		Климент, арх-п
		Иосиф, арх-п
		Феоктист, арх-п
	Марк	Зосима, иг.
		Моисей, иг.

Годы, века	Князья и бояре	„Мирские люди“
ок. 1341		Иаков Сумович
1344	Симеон Гордый, кн.	
»		
до 1349		
ок. 1350		Пимен — «отец владычен»
1354		Алексей Константинович
1355		
1358		Лукьян
ок. 1359		
1362		
1365		
1369		Филипп и Назарий Совкиничи
1370		
»		
1377	Дмитрий Константинович, кн.	
1380		
1381		
1388		
1391		
1392	Федор Кошка, боярин	
1393	Владимир Андреевич, кн.	
1395		
1397		
»		
1398		
1400	Юрий Анциферович (бояре)	
»	Дмитрий Никитич (бояре)	
»	Василий Кузьмич (бояре)	
»	Иван Данилович (бояре)	
ок. 1400		
»		
1389—1406		
XIV		
»	Василий Михайлович, кн.	

Белое духовенство	Черное духовенство	
	„Рядовые"	Иерархи
Симеон, свящ.	Пахомий	
	Власий	
		Моисей, арх-п
	Андриан — Маркиан	
		Моисей, арх-п
		Алексий, арх-п
		Алексий, арх-п
		Алексий, арх-п
		Алексий, арх-п
		Алексий, арх-п
		Авраамий, иг.
		Дмитрий, иг.
Микула, свящ.		
		Афанасий, иг.
		Иоаким, иг.
		Иоанн, арх-п
		Варлаам, иг.
	Алексий	
		Иоанн, арх-п
		Михаил, епископ
		Иоанн, арх-п
		Иоанн, арх-п
	Савва	Савва, иг.
		Тарасий, иг.
		Серапион, арх-т
		Никита, иг.

2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК РУССКИХ КНИГОПИСЦЕВ XI—XIV вв.

Годы, века	Белое духовенство	„Мирские люди“	Черное духовенство
1047	Упырь Лихой, свящ.		
1057	Григорий, диак.		
1073	Иоанн, диак.		
1076		Иоанн	
1092	Петр (?), свящ.	«Мичка»	
»		Завид	
1096		Дъмка-Иаков	
»		Городен	
1097		Белына (?)-Михаил	
ок. 1100		Иоанн	
XI—XII		Лаврентий	
»		Матфей	
»		Путята	
»		«Чьгл»	
»		Феодор	
»		Константин	
»		Бестрой	
1164	Добрило-Константин, диак.		
XII	Кирилл, диак.	Алекса, попов.	
»	Творимир-Иаков, пон.	Жаден	
»		«Угринец»	
»		Илья «бывый попин»	
»		Ефрем	
»		Даниил Черьмный	
»		Михаил, попов.	
»		Моисей «киянин»	
XII—XIII	Максим Тъшинец, свящ.	Георгий	
1213	Иоанн, диак.		
1215	Дъмка, свящ.		

Годы, века	Белое духовенство	„Мирские люди“	Черное духовенство
1219		Иоанн	
»		Алексей	
1220		Кирилл	
1229	Давид, диак.		
1230	Иоанн, свящ.		
»	Тимофей, пон.		
1260		Левкий	
1270		Георгий, попов.	
1271	Захария, свящ.	Елевферий »	
1282	Тимофей, пон.		
1283		Евсевий, попов.	
1288		Иов, «мастер»	
1296	Захария, свящ.		
1261—1301	Георгий, свящ.		
			Авраамий, мон.
XIII	Савва «грьцин», свящ.		
»	Кохан, свящ.	Ворон	
»		Василий-Кондрат	
»		Михаил	
»		Феодосий	
XIII—XIV		Иван	
			Василько, мон.
1301			
1307	Поликарп. свящ.	Диомид	
ок. 1307	Никита, диак.		
1309—1312		Станимир-Максим, попов.	
1311		Михаил	
1313		Козма	
1317		«Еска», попов.	
1323		Иродион	
1339	Мелетий, диак.		
»	Прокофий »		
ок. 1341		Явило	

Годы, века	Белое духовенство	„Мирские люди“	Черное духовенство
1344		Филипп Михалев сын Морозовича	
ок. 1350	Стефан, диак.	Козма, попов.	
»	Андрей, свящ.		
1350		«Овсей роспоп»	
1352		Василий Осипов сын	
1354			Иоанн Телеш, монах
1355	Григорий Петров Волохов, диак.	Леонид Офонасович Языкович	Алексий, митр-т
1356		Леонид, «паробок»	
»		Иосиф	
1357		«Фофан»	
1358		Федор	
ок. 1359		Андреян	
1362		Микула «паробок»	
1365		«Филица писец»	
1369		Марко Вечерович Демидов сын	
1369		Симеон, «паробок»	
1370		Симеон, «паробок»	Афанасий, мон.
1374	Савва, свящ.		
1375			Дорофей, мон.
1377	Алексей, «владычка», диак.		Лаврентий, мон.
1378		Порфирий	
1381	«Вунько», диак.		
1383	«Гюрги», свящ.		
1386	Стефан «Засковиц», диак.		
1387			Киприан, митр-т
1388	Зиновий, диак.		Антоний, мон.
1390	«Василько», диак.		
1391	Матфей, диак.	Марк	
1392	«Василько», диак.		Ефросин, мон.
1393	Спиридоний, диак.		
1394		Александр	

Годы, века	Белое духовенство	„Мирские люди"	Черное духовенство
1395			Лука «смолняник», мон.
1397	Спиридоний, протод.		Иаков, мон.
»			Пимен, мон.
1398		Григорий	Иоанн, мон.
1399		Иосиф Иванов	
1400	Феодор, свящ.	Фома «писец»	
»		Максим	
ок. 1400	Зиновий, диак.		Савва, иг.
1389—1401	«Куземка», диак.		
XIV		Никита	
»		Матфей	
»		Иоанн	
»		Фрол	
»		Илья	
»		Артемий	
»		Тимофей	
»		Мина	
»		Микула	
»		Карп	
»		«Григорышко»	
»		Симеон	
»		Иаков	
»		Иов	
»		Иоанн	
»		Назар	
»		Дмитрий	
»		Иаков	
»		«Феодотий»	
»		Пимен	
»		Нифонт	
»		Никифор	
»		Иван	
кон. XIV			Иларий, мон.
»			Дмитрий, мон.
XIV—XV		Козма	
»		Михей	
»		Серапион	

Примечание. Сокращения: арх-п — архиепископ; арх-т — архимандрит; диак. — диакон; иг. — игумен; кн. — князь, княгиня; митр-т — митрополит мон. — монах; пон. — пономарь; попов. — попович; протод. — протодиакон; свящ. — священник.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Апокалипсис см. Библия

Апостол см. Библия

Апракос — древняя форма расположения текста Евангелия и Апостола в последовательности его чтения при богослужении в течение года.

Библия — сборник разновременных и разнохарактерных сочинений «священного писания» христианской религии. Состоит из двух частей-«заветов»: «Ветхого» и «Нового». В составе первого — так называемое «Пятикнижие Моисеево» (в том числе книги «Бытие» и «Исход»), книги Иисуса Навина, Судей, пророков Исайи, Иоиля и др., Псалтирь, книги Иова, Руфь, Есфирь, Притчей, Иисуса сына Сирахова и др., датируемые начиная с XI в. до н. э. Новый завет, окончательно сложившийся в II в. н. э., состоит из Евангелия — рассказов о жизни и учении Иисуса Христа, составленных четырьмя авторами (отсюда термин «Четвероевангелие»), «деяний» и посланий его учеников и первых последователей — апостолов («Апостол») и Апокалипсиса («Откровение Иоанна»), описывающего будущие судьбы мира и человечества.

Евангелие см. Библия

Златоуст — сборник сочинений отцов церкви, преимущественно Иоанна Златоуста (347—407).

Измарагд («Изумруд») — сборник сочинений отцов церкви.

Ирмологий — сборник церковных песнопений — «ирмосов», которыми начинается каждая из «песней» цикла текстов Канона — одной из частей утреннего богослужения и так называемого «келейного правила» — суточного цикла молитв, обязательных для монашествующих.

Калугер (греч. «добрый старец») — старец, чаще всего монах.

Канонник — сборник текстов келейного правила.

Квадрифолий — форма старинных ювелирных изделий и рамки книжной миниатюры, образуемая квадратом с полукругами по сторонам.

Кондакарь — сборник кратких церковных песнопений — кондаков.

Кормчая книга или Номоканон — сборник правил, преимущественно так называемых «вселенских соборов» иерархов православной церкви, регулирующих взаимоотношения в среде духовенства, а также основы церковно-административной и богослужебной практики. Наряду с церковно-каноническими памятниками, в Кормчие книги переписывались старейшие памятники русского права — древние княжеские Уставы, Правда Русская и др.

Лавсаик — сборник житий египетских отшельников, составленный в 420 г. для некоего Лавса. Послужил источником для Патерика египетского (см.).

Лествица (лестница) Иоанна Синайского (ок. 525—600) — сочинение о самосовершенствовании, расположенное ступенями.

Литургия — главное богослужение православной церкви, совершаемое в начале дня, до обеда (отсюда — бытовое название — «обедня»). Чаще всего служится Литургия Иоанна Златоуста (Литургия Василия Великого — только 10 раз в году).

Минея — сборник текстов богослужений каждого дня данного месяца. Существуют и «Минеи четьи» — сборник круглогодичного внецерковного чтения Житий святых — также в 12 томах.

Номоканон — см. Кормчая книга

Обиход церковный — сборник наиболее распространенных песнопений (обычно с фиксацией их напевов).

Октоих — сборник богослужебных текстов на каждый день недели в восьми циклах — «гласах», используемый наряду с Минеями и Триодями (см.).

Палея — изложение событий Ветхого завета (так называемая «Палея историческая») и их комментирование («Палея толковая»).

Параклитик — сборник канонов утренних богослужений на каждый день и всех восьми гласов, избранных из Октоиха.

Паремейник — сборник текстов Ветхого завета, читаемых при богослужении.

Патерики — сборники житий отшельников, составленные по территориальному признаку — Египетский, Иерусалимский, Римский, Синайский, а также сводные — Алфавитный и Скитский. Из русских Патериков наиболее был распространен Киево-Печерский — памятник русской литературы XIII в. Известны и поздние патерики — Иосифово-Волоколамский, Псково-Печерский и Соловецкий, не получившие широкого распространения.

Пролог — сборник кратких житий святых и поучений отцов церкви на каждый день в течение года.

Псалтирь см. Библия

Пчела — сборник кратких изречений и афоризмов, почерпнутых из библейских книг, сочинений отцов церкви, а также некоторых античных авторов, расположенных по тематическим рубрикам.

Пятикнижие см. Библия

Служебник — сборник текстов, произносимых — вслух или «тайно» священнослужителями при богослужениях, совершаемых в церкви.

Стихирарь — сборник стихир — песнопений, исполнявшихся при богослужениях певчими или чтецами; часто снабжался знаками музыкальной нотации.

Тетроевангелие (греч.) — то же, что Четвероевангелие (см.).

Торжественник — сборник проповедей и поучений, произносившихся при торжественных богослужениях в главные церковные праздники. Кроме сочинений византийских авторов, включал произведения русских писателей — митрополита Илариона, Кирилла Туровского и др.

Требник — сборник текстов обрядов, совершающихся «по потребе» вне церкви, связанных главным образом с рождением и смертью человека, а также с его деятельностью и бытом (молитвы при посеве и сборе урожая, «в путь шествующим», отправляющимся на войну, молитвы освящения жилища, колодцев, «благословения трапезы», винокурения, пивоварения и т. п.).

Трефологий или Минея праздничная — выборка текстов богослужений в праздники, заменяющая в приходских церквах годовой комплект Миней, необходимых в монастырских церквах с их ежедневным богослужением.

Триодь — «постная» и «цветная» — сборники текстов богослужений не по календарному, а пасхальному циклу. Первая начиналась богослужениями за две недели до великого поста, вторая — за неделю до Пасхи и кончалась через неделю после Троицы. Применяются четыре месяца в году наряду с Минеями и Октоихами, не будучи связанными с датами, так как зависят от дня празднования Пасхи — различного в каждом году.

Фронтиспис — в рукописной книге — орнаментированная рамка изображения автора, рисовавшаяся перед началом текста, передававшая чаще всего контуры церкви, а иногда и ее интерьер (при отсутствии изображения автора).

Хронограф — книга по истории, начинающаяся «от сотворения мира». В отличие от летописей, содержит историю не только России, но и зарубежных стран.

Часослов — сборник ежедневных «последований» — текстов псалмов и молитв, исполняемых в разные часы дня. Использовался также для обучения грамоте.

Шестоднев богослужебный — сокращение Октоиха, содержащий лишь воскресные службы восьми гласов и по одной службе каждого из последних на какой-либо день недели. Под таким же названием существовали и книги для чтения энциклопедического характера, сообщавшие сведения по мирозданию, естественным и историческим наукам. Написанные или обработанные отцами церкви — Василием Великим, Северианом Гевальским и Григорием Писидой, они носили религиозно-нравоучительный характер; в критике «еллинских мудрецов» содержались сведения по античной философии. В славянских странах получил распространение Шестоднев Иоанна екзарха Болгарского, являющийся переработкой сочинений двух первых из названных авторов при значительной доле собственного творчества — сочинение поэтическое, проникнутое восхищением красотой мира и гармонией его устройства.

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ И КНИГ *

Архангельское евангелие 86, 105, 106, 122, 127, 143

Великие минеи четьи 11, 72, 73, 108, 137
Выголексинский сборник 90
Вышеградский кодекс 56

Геннадиевская библия 108

Евангелие боярина Кошки 112
Евангелие боярина Хитрово 112

Житие Авраамия Смоленского 77
Житие Саввы Освященного 104
Житие Феодосия Печерского 44—46

Изборник Святослава 20—26, 28—33, 54, 55, 60—64, 70, 72, 89, 90, 92, 98, 105, 107, 124, 127—129, 134, 135
Изборник 1076 года 23—34, 46, 69, 70, 75, 88, 90, 110, 127, 129, 130, 131, 141
Ипатьевская летопись 42, 77, 117, 133, 142, 147
Исповедание веры митр-та Илариона 35, 37, 43, 77, 117, 131, 133, 134, 147

Киево-Печерский патерик 44, 133, 146
Киевская псалтирь 1397 г. 110, 111, 136, 137
Книга Козмы Индикоплова 72, 137

Лаврентьевская летопись 30, 98
«Летописец вкратце» 21, 22
Лицевой летописный свод 11

Макарьевские минеи четьи — см. Великие минеи четьи

* Приводятся лишь индивидуальные принятые названия книг — по именам заказчиков, писцов и владельцев, а также по местам написания или находки.

Минеи новгородские XI—XII вв. 67—71, 136
Моление Даниила Заточника 111
Молитва митр-та Илариона 35, 37, 39, 40, 53, 131, 132
Мстиславово евангелие 59, 63, 65, 70, 99, 107, 113, 148, 149

Новгородская летопись 91, 131

Остромирово евангелие 19, 20, 24, 25, 32, 55—61, 63—65, 70, 72, 86, 105, 107, 122, 127, 129, 134, 135

Пантелеймоново евангелие 65
Повесть временных лет 33, 34, 41—43, 45, 46, 128, 131—133, 146
Псалтирь Томича 137
Путятина минея 71, 137, 144

Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись 119, 148
Реймское евангелие 134
Рязанская кормчая 144

Святовитский кодекс 56
Сийское евангелие 111
Сильвестровский сборник 112, 148
Сказание о распространении христианства на Руси 43, 44
Слово о законе и благодати 18, 35—40, 42, 43, 47—49, 51, 53, 77, 88, 93, 94, 117, 131—134, 141, 147
Слово о полку Игореве 94, 103, 111, 114, 146
Степенная книга 143
Стоглав 109
Стословец 88
Студийский устав 44, 46

Трирская псалтирь 134
Троицкая летопись 147

Успенский сборник 90, 91, 141
Устав Ярослава Мудрого «о церковных судах» 51

Федоровский апостол 14
Федоровское евангелие 111

Хлудовская псалтирь 72, 73, 137
Христинопольский апостол 105
Хроника Георгия Амартола 91, 98, 111, 118, 119, 124, 148

Шенкурский пролог 142

Юрьевское евангелие 63—65, 70, 107, 135, 136

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ*

Август, имп. 21
Авраам (библ.) 36, 38
Айналов Д. В. 146
Алекса, кн-ц 99
Алексий, митр-т 143
Амфилохий, арх-т 137
Анастасий Синайский 29
Андреян-Маркиан, мон. 143
Анисимов В. И. 126
Анна Ярославна — королева Франции 134
Антоний, иг. 142
Антоний Печерский 35, 44, 45
Арциховский А. В. 119
Афанасий Александрийский 29, 89

Барац Г. М. 43, 133
Баренбаум И. Е. 138
Барсук А. И. 148
Бегунов Ю. К. 139
Белоброва О. А. 137
Бельчиков Н. Ф. 139

* Имена, упоминаемые только в Приложениях — списках заказчиков и писцов книг — в данный указатель не включены. Сокращения (дополнительно к указанным на с. 157): библ. — библейский персонаж; ев-ст — евангелист; еп. — епископ; имп. — император, императрица; кн-ц — книгописец; св. — святой, святая.

Белына, кн-ц 100
Бестрой, кн-ц 100
Блохина Э. Д. 144
Борис и Глеб, кн. 30, 45, 148
Борковский В. И. 127
Бочаров Г. Н. 136
Бражников М. В. 140
Братила 136
Бугославский С. А. 134

Варлаам Хутынский 124, 145
Василий III, кн. 42
Василий Великий 29, 90, 158, 160
Василий Калика 143
Вейнгарт М. 148
Вздорнов Г. И. 135, 137, 145
Вильскер Л. Х. 130
Виноградов В. В. 138
Владимир Василькович, кн. 77, 96, 138, 142
Владимир Святославич, кн. 37, 38, 43, 51, 133, 136
Владимир Ярославич, кн. 96, 128
Волков Н. В. 78—83, 85, 138—140, 145
Ворон, кн-ц 100, 144
Воронин Н. Н. 147
Востоков А. Х. 21, 23, 95, 128, 129, 141

Галактионов А. А. 134
Геннадий, арх-п 11
Геннадий, св. 29
Георгий, св. 29
Георгий Хиробоск 54
Гертруда, кн. 58, 134
Гиршберг В. Б. 135
Голубева О. Д. 146
Голубинский Е. Е. 42, 133
Голышенко В. С. 129, 131, 138
Горбачевский Б. С. 13, 127
Городен, кн-ц 71
Горский А. В. 95, 128, 141
Гранстрем Е. Э. 144
Григорий Богослов 93
Григооий, диак. кн-ц 19, 20, 24, 60, 99, 102, 105
Григорий Писида 160
Гудзий Н. К. 133, 146
Гуревич Ф. Д. 136

Давид, царь (библ.) 72, 73
Давыдова Т. Е. 138
Даниил Чермный, кн-ц 100
Демьянов В. Г. 33, 129
Джапаридзе Д. 139
Джурова А. 137
Динеков П. 129
Динерштейн Е. А. 126
Диоклетиан, имп. 129
Дионисий «изограф» 13
Добрило-Константин, кн-ц 100, 102
Доментиан, мон. 42, 132
Досифей, иг. 145
Дубровина В. Ф. 28, 33, 129, 130
Дуйчев И. 34
Дурново Н. Н. 143, 148
Дъмка, свящ. кн-ц 100
Дъмка-Иаков, кн-ц 70, 71, 106, 144

Екатерина, св. 65
Елевферий, кн-ц 99
Еремин И. П. 29, 131—133
Есфирь (библ.) 92, 158
Ефрем («Офрем»), кн-ц 103
Ефрем, митр-т 131
Ефрем Сирин 37, 88, 96

Жаден, кн-ц 100
Жданов И. Н. 133
Жуковская Л. П. 64, 81, 127, 135, 136, 138—140, 149

Завид, кн-ц 100
Захария, кн-ц 99, 105, 142, 145
Зацепина Е. В. 127
Зоя, имп. 21, 128, 129

Иаков Черноризец 30
Иванов А. А. 54
Изяслав Ярославич, кн. 19, 58, 129
Иисус Навин (библ.) 92, 158
Иисус Сирахов (библ.) 29, 36, 158
Иларион, иг. 108
Иларион, митр-т 34—43, 45—53, 75, 77, 117, 131—134, 141, 159
Иларион «черноризец» 44, 45
Иоанн Дамаскин 124
Иоанн, диак. кн-ц 20, 21, 23, 33, 53, 62, 99, 105
Иоанн ев-ст 57, 58, 59, 158
Иоанн, екзарх болгарский 160
Иоанн Златоуст 29, 36, 53, 90, 158
Иоанн, иг. 118
Иоанн, кн-ц 23, 24, 30
Иоанн, митр-т 30
Иоанн Синайский 93, 158
Иов (библ.) 92, 158
Иоиль (библ.) 29, 130, 158
Иосиф 140
Исайя (библ.) 36, 158
Исихий Иерусалимский 29
Истрин В. А. 12, 13, 127
Истрин В. М. 148

Калайдович К. Ф. 95, 141
Карамзин Н. М. 19
Каргер М. К. 132, 135
Каринский Н. М. 21—23, 129
Карский Е. Ф. 131, 142, 143
Карягина Л. Н. 130
Кацпржак Е. И. 127, 134
Киприан, митр-т 143
Кириак, иг. 64
Кирилл, еп. 77
Кирилл Туровский 48, 93, 159
Климент Смолятич 77, 93
Князевская О. А. 138
Козма 140
Константин Мономах, имп. 21, 128
Константин Порфирородный, имп. 21, 129
Константин-Кирилл Философ 90
Коста 136
Кохан, кн-ц 104
Кочева Е. 130
Красносельцев Н. 148
Ксенофонт, св. 25, 29
Куев К. 129
Кузьма, кн-ц 143
Кузьма, кн-ц 143
Куфаев М. Н. 14, 128

Лаврентий, кн-ц (XI—XII вв.) 71
Лаврентий, кн-ц (1377 г.) 104
Лавров П. А. 148
Лавс 158
Лазарев В. Н. 58, 65, 135, 136
Ларин Б. А. 131
Ленин В. И. 7, 8, 14, 126, 128
Леписье Ж. 27, 130
Лисовский Н. М. 8—10, 14, 126
Лихачев Д. С. 13, 43, 46, 50, 115—117, 131, 133, 134, 147
Лихачев Н. П. 127
Лихачева В. Д. 134, 138, 146
Лука, ев-ст 58
Лука «смолянин», кн-ц 111
Луначарский А. В. 7
Львов А. С. 130
Люблинская А. Д. 135
Ляхов В. Н. 146

Авродин В. В. 135
Макарий, арх-п 141
Макарий, митр-т 11
Максим Тъшинец, кн-ц 66
Малеин А. И. 126
Марина, кн. 97, 150
Марк, ев-ст 58
Марк, кн-ц 142
Марков В. М. 137
Матфей, диак. кн-ц 142
Матфей, ев-ст 37
Матфей, кн-ц 71
Мещерский Н. А. 28, 130, 135, 147
Милята Лукинич 142
Михаил, кн-ц 99
Михаил Синкел 37, 43
Михаил Ярославич, кн. 118
«Мичка», кн-ц 106, 143
Моисей (библ.) 49, 51
Моисей «киянин», кн-ц 110
Моисей «скитянин» 29
Монфокон Б. 21
Мошин В. А. 138
Мстислав Владимирович, кн. 96
Мыльников А. С. 146
Мюллер Л. 35—37, 41, 131—133

Наслав 148
Насонов А. Н. 133, 147
Невоструев К. Н. 95, 128, 141
Немировский Е. Л. 13, 14, 127
Нерсес католикос 42, 133
Нестор летописец 46, 134
Нефедов Г. Ф. 129
Никандров П. Ф. 134
Никольская А. Б. 133, 141
Никольский Н. К. 95, 131, 132, 135, 142
Никон летописец 44, 45
Никон Черногорец 103, 108
Нил Синайский 29
Нил Сорский 48
Нифонт, арх-п 117
Нифонт, св. 27, 130

Оксинья, кн. 119
Ольга Романовна, кн. 142
Орлов А. С. 11
Остромир 19, 20, 96

Пантелеймон, св. 65
Пенинский И. 130
Петканова Д. 129
Петров Н. И. 130
Петровский М. П. 132
Пимен («Пумен»), кн-ц 108
Пимен 143
Платон, митр-т 42, 132
Подобедова О. И. 138, 143, 148
Покровский И. Ф. 141
Попов Н. П. 34, 131
Попова О. С. 138, 146
Поппе А. 28, 130, 139
Поршнев Б. Ф. 146
Приселков М. Д. 45, 133, 147
Прокопий, кн-ц 111
Прохор, ученик ев-ста Иоанна 57

Рогов А. И. 139
Рождественский Н. П. 139
Розов Н. Н. 127—137, 145, 146, 148, 149
Рыбаков Б. А. 136
Руфь (библ.) 92, 158

Савва — эконом Юрьева монастыря 64
Сапунов Б. В. 79, 80, 83, 138, 139
Свирин А. Н. 11, 12, 54, 63, 64, 65, 107, 124, 134, 135, 136
Святослав Всеволодович, кн. 114
Святослав Ярославич, кн. 20, 23, 24, 96, 129, 150
Севериан Гевальский 160
Семенов А. И. 145
Серапион Владимирский 93
Сидоров А. А. 7—12
Симеон царь болгарский 20, 23, 129
Симони П. К. 149
Синклитикия, св. 29
Смирнов И. М. 139
Смирнова Э. С. 135
Созомен 27, 130
Соломон (библ.) 36
Соссюр Ф. 146
Срезневский И. И. 31, 32, 35, 95, 128, 131, 141, 142
Стасов В. В. 12, 31, 56, 127, 135, 149
Строев П. М. 95, 141

Творимир-Иаков, кн-ц 100
Тикканен И. 137
Тимофей, кн-ц 117, 147
Тихомиров Н. Б. 139, 144
Толстой Н. И. 128
Толстой Ф. А. 141
Томид 129
Упырь Лихой, кн-ц 19, 20, 24, 99, 100, 102, 142
Успенский Н. Д. 140, 141
Ухова Т. Б. 138

Федоров Иван, первопечатник 11
Феодор, заказчик (?) книги 64
Феодор «из Иерусалима» 118
Феодора, св. 29
Феодорит Киррский 89
Феодосий «изограф» 13
Феодосий Печерский 44, 45, 114, 133
Фома «сирианин», кн-ц 118
Фрейданк Д. 28, 130

Чаев Н. С. 127
«Чегл», кн-ц 100, 144
Черепнин Л. В. 127, 147

Шарапов Федор, кн-ц 111
Шахматов А. А. 43, 133, 148
Шевченко И. 28, 130
Шевырев С. П. 20, 128, 129
Шеламанова Н. Б. 139, 140
Шохин К. В. 50, 134
Щапов Я. Н. 51, 134, 140
Щепкина М. В. 137, 141

Ягич И. В. 67, 136
Яков, кн-ц 108
Ярополк Изяславич, кн. 134
Ярослав Мудрый, кн. 18, 33, 37, 41, 42, 50—52, 77, 118, 128, 131, 132, 134, 147

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

БАН — Библиотека Академии наук СССР

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина

Муз. — Музейное собрание рукописной книги ГБЛ

ГИМ — Государственный исторический музей

Син. — Синодальное собрание рукописной книги ГИМ

Хл. — собрание А. И. Хлудова в ГИМ

ГПБ — Государственная Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина

ОЛДП — собрание Общества любителей древней письменности в ГПБ

Пг. — собрание М. П. Погодина в ГПБ

Сф. — собрание рукописных книг новгородского Софийского собора в ГПБ

ИОЛЯ — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка

ИОРЯС — Известия Академии наук. Отделение русского языка и словесности

ИРЛИ — Институт русской литературы Академии наук СССР

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей

СОРЯС — Сборник Отделения русского языка и словесности Академии наук

ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов

Тп. — собрание рукописных книг Синодальной типографии в ЦГАДА

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ
7

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ДРЕВНЕЙШИЕ РУССКИЕ КНИГИ
17

* I * ПЕРВЫЕ РУССКИЕ КНИГИ ДЛЯ ЧТЕНИЯ
18

* II * ПЕРВОЕ «СЛОВО» РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЕГО ИСТОЧНИКИ И АВТОР
34

* III * О ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОФОРМЛЕНИИ СТАРЕЙШИХ
РУССКИХ КНИГ
55

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ
ИСТОРИИ РУССКОЙ КНИГИ XI—XIV вв.
76

* I * О СОВРЕМЕННОМ СОСТОЯНИИ СТАТИСТИКИ
РУССКОЙ КНИГИ XI—XIV вв.
78

* II * РЕПЕРТУАР И КЛАССИФИКАЦИЯ РУССКИХ КНИГ
XI—XIV вв.
85

* III * О СОЦИАЛЬНОМ СОСТАВЕ ЗАКАЗЧИКОВ И МАСТЕРОВ
РУССКОЙ КНИГИ XI—XIV вв.
95

* IV * О ГЕОГРАФИИ РАСПРОСТРАНЕНИЯ РУССКОЙ КНИГИ
XI—XIV вв.
112

ЗАКЛЮЧЕНИЕ
121

ПРИМЕЧАНИЯ
126

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК ЗАКАЗЧИКОВ РУССКИХ КНИГ XI—XIV вв.
150

2. ХРОНОЛОГИЧЕСКИЙ СПИСОК РУССКИХ КНИГОПИСЦЕВ XI—XIV вв.
154

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ
158

УКАЗАТЕЛЬ НАЗВАНИЙ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПАМЯТНИКОВ И КНИГ
160

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ
161

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ
165

В оформлении использованы заставки и инициалы
из Юрьевского евангелия, Псалтири XIV в.
и Миней XI—XIV вв.

Николай Николаевич Розов

КНИГА ДРЕВНЕЙ РУСИ (XI—XIV вв.)

Редактор *Е. Г. Столбина*
Оформление *В. В. Лазурского*
Художественный редактор *И. В. Печенкин*
Технический редактор *Е. И. Полякова*
Корректор *О. И. Поливанова*

А—02385 Сдано в набор 9/III 1977 г. Подписано в печать 20/VI 1977 г.
Формат бум. 60×90[1]/16 Типографская № 1 Усл. печ. л. 10,5+0,5 вкладка
Уч.-изд. л. 9,71+0,43 вкладка. Тираж 5000 экз. Заказ № 2380
Изд. № 2292 Цена 80 коп. ИБ № 255

Издательство «Книга» Москва, К-9, ул. Неждановой, 8/10
Московская типография № 8
Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета
Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли,
Хохловский пер., 7.

80 коп.